О. А. СУХАРЕВА

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

ЎЗБЕКИСТОН ССР
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

О. А. СУХАРЕВА

БУХОРО ХОНЛИГИ ШАҲАРЛАРИНИНГ ТАРИХИГА ДОИР

(ТАРИХИЙ-ЭТНОГРАФИК ОЧЕРКЛАР)

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ – 1958

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. А. СУХАРЕВА

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1958

В книге подробно рассказывается о развитии городской жизни в Бухаре с отдаленных времен до начала XX в., о путях сложения городского населения, о влиянии присоединения Средней Азии к России на развитие городов Узбекистана.

Работа рассчитана на специалистов—историков, экономистов, краеведов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
М. Г. ВАХАБОВ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема истории среднеазиатского, так же как и переднеазиатского феодального города давно уже привлекает к себе внимание исследователей, однако до сих пор остается недостаточно разработанной. Наши сведения о городах Средней Азии не могут идти ни в какое сравнение с тем, что известно о средневековых городах России и Западной Европы.

В источниках, используемых историками, многие стороны жизни среднеазиатских городов освещены слабо, имеющиеся сведения отрывочны и неполны. Поэтому, как правильно отметил И. П. Петрушевский, „внутренний строй средневекового феодального города доныне остается одной из темных, малоисследованных проблем востоковедной историографии . . . Вопросы периодизации истории городов, социального состава их населения, вопросы специфики их строя, существования цехов, организации торговли, социальных отношений и форм социальной борьбы остаются неразработанными“.[1]

Более изученной оказалась историческая топография многих городов Средней Азии, в том числе и Бухары. Этому вопросу посвящено немало страниц в капитальных работах В. В. Бартольда. Им написана также специальная статья по истории Бухары[2]. В 1923 г. была издана статья И. И. Умнякова, посвященная исторической топографии

---

[1] И. П. Петрушевский, Городская знать в эпоху государства хулагуидов, Советское востоковедение, V, 1949, стр. 80.

[2] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900; он же, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914; он же, Bukhara, Enziclopaedie des Islam, I, Leiden-Leipzig, 1913.

этого древнего города[3]. Начиная с 1926 г. изучением Бухары занимается В. А. Шишкин, опубликовавший две небольшие, но ценные работы обобщающего характера и ряд статей, содержащих итоги изучения им различных исторических памятников г. Бухары[4]. Вышла также брошюра Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля „Бухара", в которой рассматривается главным образом архитектура города[5]. Архитектуре и истории бухарского намазгоха посвящено специальное исследование В. А. Нильсена[6]. Большой интерес представляет статья Е. А. Давидович, в которой приводится датировка некоторых памятников Бухары, а также освещается важный вопрос о границах древней части города, известной под названием старого хисара[7].

Автор настоящей работы опубликовал две статьи, посвященные исторической топографии Бухары, в которых факты, сообщаемые письменными источниками, сопоставляются с этнографическими материалами. Привлечение к исследованию нового источника—этнографического—дало дополнительные возможности более точного истолкования исторических сведений и позволило отождествить многие указываемые ими пункты с реальной территорией современного города.[8]

Несмотря на большое внимание историков и археологов к вопросам исторической топографии среднеазиатских городов и, прежде всего, Бухары, лучше других освещенной в письменных источниках и в литературе, большое число важнейших вопросов остается нерешенным. К ним относится трудный, недостаточно разработанный вопрос о размерах территории городов в тот или иной исторический период. Исследование его в условиях Бухары особенно сложно.

---

[3] И. И. Умняков, К вопросу об исторической топографии Бухары, Сб. Туркестанского восточного института в честь А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923.

[4] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936; он же, Города Узбекистана, Ташкент, 1943; он же, Мечеть Магоки-Аттори в Бухаре, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. I, Ташкент, 1948; он же, Археологические работы в мечети Магоки-Аттори в Бухаре, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VII, Ташкент, 1955.

[5] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, Бухара, М., 1954.

[6] В. А. Нильсен, Бухарский намазгох, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1950.

[7] Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнуддина в Бухаре, Материалы по археологии и теории архитектуры Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1950.

[8] О. А. Сухарева, К вопросу об исторической топографии г. Бухары X—XII вв., Труды АН ТаджССР, т. XXVII, 1954; она же, К исторической топографии Бухары первой половины XVI в., Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. V, Сталинабад, 1954.

Бухара всегда занимала одну и ту же территорию, которая в одни периоды была несколько меньшей, в другие— большей, но всегда наиболее древняя часть ее, обжитая свыше полутора тысячелетий тому назад, была занята городской застройкой. Более поздние наслоения перекрывали более ранние, остатки городских стен сносились с лица земли до основания и не оставляли никаких следов, по крайней мере на поверхности земли. Вследствие этого изучение динамики развития города на основе исследования остатков городских стен (что дало весьма важные и надежные результаты на примере Самарканда, который после разрушения его монголами был восстановлен уже на другом месте) в отношении Бухары крайне затруднено. Поэтому здесь особенно важны исследование и расшифровка тех немногих сведений о границах города, которые имеются в письменных источниках различных периодов.

Локализация указанных в них пунктов на реальной территории города намного облегчилась после проведенного автором этих строк детального этнографического изучения жилых кварталов Бухары. При этом в одних случаях были обнаружены кварталы, носившие в XIX—начале XX в. те же названия, что и несколько столетий тому назад; в других случаях в кварталах были зафиксированы отдельные элементы старой топографии. Особенно важную роль в опознавании исторических мест сыграли мазары, которые сохранялись иногда на протяжении сотен лет и были обнаружены при обследовании города в XIX—начале XX в.

Очень много ценных данных, позволяющих наметить местонахождение некоторых участков древних стен, содержится в официальных актах, относящихся к XVI—XIX вв. Их использование для нашей темы также сделалось возможным только после того, как было выяснено расположение на плане города жилых кварталов, которые упоминаются в источниках под теми же названиями или могут быть локализованы по указанным в источниках ориентирам.

Детальное изучение реальной территории города позволило также углубить понимание сведений по исторической топографии, которые содержатся в ценнейшем и единственном в своем роде источнике, широко известном под названием „История Бухары“ Мухаммада Наршахи. Следует, однако, отметить, что этот источник, мимо которого не может пройти при изучении освещаемых в нем периодов ни один историк, до сих пор остается неподготовленным по-настоящему для использования.

Сочинение Наршахи, написанное в 943—944 гг. по-

арабски, не дошло до нас. Известен лишь перевод его на таджикский язык.

Этот перевод был сделан в 1128 г. Абунасром-Ахмадом Куббави, который, по его собственному признанию, сократил текст Наршахи, исключив из него „известия о событиях малоинтересных, чтение которых вызывает скуку“[9]. Спустя полстолетия, в 1178—1179 гг., перевод труда Наршахи снова был переработан Мухаммадом сыном Зуфара, изложившим „содержание книги в сокращенном виде для высокого собрания“[10] одного из садров, которые в тот период сделались правителями Бухары.

Сочинение Наршахи подверглось, однако, не только сокращениям. Мы находим в нем обширные вставки как из других исторических источников, так и принадлежащие перу тех, кто занимался переводом труда Наршахи, его переработкой, может быть, даже простой перепиской. В результате первоначальный текст настолько изменился, что дошедшая до нас редакция может считаться не переводом, а скорее новым сочинением, для которого „История Бухары“ послужила лишь основным источником. Имеющиеся в отдельных отрывках текста ссылки на их авторов, а также само их содержание во многих случаях дают возможность установить, с большей или меньшей долей вероятности, кем был написан тот или иной текст или к какому времени он относится.[11]

Выделение отдельных мест источника, написанных разными авторами, представляет собой нелегкую, но весьма актуальную задачу, к сожалению, до сих пор не выполненную источниковедами.

Автор настоящего очерка, не будучи специалистом в этой области, был принужден проанализировать в этом плане некоторые места текста, используемые им в данной работе.

---

[9] Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 8.

[10] Там же.

[11] Наличие в труде Наршахи разновременных вставок было отмечено еще В. В. Бартольдом (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 15, 16), что не мешало ему, говоря, например, о событиях 560/1165 г., описанных в источнике, назвать эти сведения „рассказом Наршахи“ (там же, стр. 380). Указывая на вставки, которые были сделаны Абунасром-Ахмадом Куббави, В. В. Бартольд говорит, однако, лишь о включении им сведений из других источников, умалчивая о том, что автором многих вставок был сам Абунаср. Последнее не отмечено и в каталоге „Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР“ (Каталог, т. I, Ташкент, 1952, стр. 46).

Анализ показал, что большая часть интерполяций, представляющих собой иногда целые разделы, принадлежит скорее всего Абунасру-Ахмаду Куббави.

Это можно установить как из разбросанных по страницам книги указаний: „говорит Абунаср-Ахмад сын Мухаммада, сына Насра Куббави“[12], так и по тому, что подавляющее большинство явно не принадлежащих Наршахи мест текста связано с именем современника Абунасра-Ахмада Куббави караханида Арслан-хана (1102—1130)[13] или его предшественников, принадлежавших к той же династии Шамс-ул-Мулка (1069—1079 гг.) и отца Арслан-хана—тамгач-хана Ибрагима[14].

Такие разделы, как „Рассказ об основании Шамсабада“[15], конец „Рассказа о постройке соборной мечети“[16], конец „Описания места праздничной молитвы“[17] и другие принадлежат к тем, в отношении которых авторство Абунасра-Ахмада Куббави несомненно.

Абунаср-Ахмад Куббави дополнил книгу Наршахи не только описаниями современного ему города и близких ему событий, но и весьма важными вставками из сочинения Абул-Хасана Нишапури „Хазаин-ул-улум“, на которое в дошедшем до нас тексте имеются ссылки. Одна из них помогает установить, что вставки сделаны именно Абунасром-Ахмадом Куббави. В тексте прямо указано: „Ахмад сын Мухаммада сына Насра говорит, что Абул-Хасан Нишапури в своей книге „Хазаин-ул-улум“ рассказывает . . .“[18] Эта ссылка позволяет датировать временем перевода книги вставки всех тех мест текста, где имеется указание на этот источник. Мы находим его в рассказе о происхождении Бухары[19], в рассказе о базаре Мох[20], о постройке бухарского арка[21], о возведении стены Кампирак, охватывавшей сельскую округу г. Бухары.[22] Ссылкой на Нишапури начинается и один из важнейших разделов труда—„Описание Бухары и прилегающих к ней местностей“, содержащий ценнейшие сведения о хозяйстве сельской округи г. Бухары.[23]

---

[12] См. Наршахи, История Бухары, стр. 7, 33, 34, 43, 45, 50, 77, 84 и др.
[13] Там же, стр. 22, 28, 41, 47, 67, 69, и др.
[14] Там же, стр. 21, 40—41, 66—67, 69 и др.
[15] Там же, стр. 40—41.
[16] Там же, стр. 66—67,
[17] Там же, стр. 68—69,
[18] Там же, стр. 33.
[19] Там же, стр. 11—12.
[20] Там же, стр. 30.
[21] Там же, стр. 33.
[22] Там же, стр. 45.
[23] Там же, стр. 19.

Изложенное свидетельствует, что Абунасру-Ахмаду Куббави можно приписать (и, следовательно, датировать XII в.) значительную часть имеющихся в источнике топографических сведений, не касающихся шахристана. Описание последнего принадлежит, по-видимому, самому Наршахи.

Работа, которая была произведена над текстом, составленным Абунасром, вторым лицом—Мухаммадом сыном Зуфара, в чьей редакции и дошел до нас источник, остается совершенно неясной. Его имя не упоминается нигде, кроме введения. События, связанные со временем правления садров, так же как и их имена, в тексте не нашли отражения, хотя, как указывается во введении, для одного из них и предназначалась обработка старого текста Мухаммадом сыном Зуфара.

Кто сделал самую позднюю вставку, повествующую о вторичной постройке вокруг города двойного ряда стен в 1165 г. и о возведении стены в 1207—1208 гг., а также о разрушении ее при взятии города Чингиз-ханом в 1220 г.[24]— неизвестно. Обе последние даты говорят о том, что автором вставки Мухаммад сын Зуфара быть не мог.

Все вышеизложенное заставляет признать Абунасра-Ахмада Куббави—и только его—соавтором Наршахи. Нет никаких оснований приписывать основную работу по дополнению труда Наршахи, в том числе и вставками из „Хазаин-ул-улум", Мухаммаду сыну Зуфара, как это делает переводчик „Истории Бухары" на английский язык Ричард Фрай.[25] Тем более нет основания считать Мухаммада сына Зуфара переводчиком сочинения Наршахи.[26]

Привлекая этот источник, автор настоящих очерков использовал его литографированное каганское издание 1904 г.,[27] критический текст, изданный Шарлем Шефером[28], и перевод на русский язык Н. Лыкошина, отредактированный В. В. Бартольдом; привлекался также перевод источника на английский язык Р. Фрая, основанный главным

---

[24] Наршахи, История Бухары, стр. 47—48.

[25] R. Frye, The history of Bukhara, Cambrige, Massachusetts, 1954, p. 13. По недоразумению, Р. Фрай ссылается при этом на В. В. Бартольда, который прямо говорит, что ссылки на „Хазаин-ул-улум" были сделаны Абунасром-Ахмадом Куббави (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 16).

[26] Р. Фрай говорит: Burhan-al-Din is mentioned as a person to whom Muhammad ibn Zufar dedicated his translation of Narshakhi (указ. соч., „Вступление", примечание 10).

[27] مرغوبهٔ نادرهٔ پسندیدهٔ زائران مسمی بملازاده و تاریخ نرشخی
Новая Бухара, 1904.

[28] Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Narshakhy, texte persan, publié par Charles Schefer, Paris, 1892.

образом на тегеранском издании труда Наршахи 1939 г.[29], которое Р. Фрай считает лучшим из сохранившихся текстов. Это мнение вряд ли справедливо: судя по переводу Р. Фрая, в тегеранском издании опущены некоторые ценные детали, принадлежащие, как можно думать, самому Наршахи.

Кроме труда Наршахи, были использованы в качестве источников „Книга Мулло-зода", написанная в конце XV—начале XVI в. Ахмадом бен Мухаммадом Муин-ул-Фукара, и почти тождественное с последней сочинение начала XX в. „Подарок паломникам"[30], а также официальные акты[31], в основном XVI в.; широко привлекались материалы, полученные при изучении топографии г. Бухары конца XIX—начала XX в., во многом сохранившей черты города более раннего периода.

В эту книгу вошло шесть очерков. Три очерка, посвященные исторической топографии г. Бухары, составили первый раздел книги. Цель их—пересмотреть или заново поставить, в свете скопившихся у автора материалов, вопрос о границах города в различные исторические периоды: в начале VIII в., в X—XII вв. и в начале XVI в., до постройки той городской стены, которая была возведена во второй половине XVI в. и сохранилась вплоть до свержения эмирского режима[32].

Второй раздел освещает чрезвычайно важный для понимания городской жизни и степени ее развития вопрос о составе населения трех крупнейших городов Бухарского ханства—Бухары, Карши и Шахрисябза—во второй половине XIX—начале XX в. Для решения его особенно плодотворно могут быть использованы этнографические источники, которые, охватывая сравнительно поздний период, вполне надежно и очень подробно освещают последние 100—150 лет. Вследствие того, что в Средней Азии феодальные отношения оставались господствующими вплоть до Великой Октябрьской революции, а в Бухарском и Хивинском ханствах сохранялись до революции 1920 г., этнографические материалы могут быть использованы как сравнительные, для понимания отлившегося в определенные формы уклада жизни средневекового города также и более ранних периодов, недостаточно освещенных письменными источниками. Этнографические данные позволяют установить структуру жилых

---

[29] R. Frye, op. cit.

[30] تحفة الزائرين Литография, г. Бухара (Каган). Год издания не указан. Написана в 1324/1906—1907 г.

[31] Из архива шейхов Джуйбари, М.—Л., 1938; см. также ЦГИА УзССР, ф. 323, опись.

[32] Эти очерки являются переработкой двух изданных статей автора (см. стр. 6).

кварталов, этнический, профессиональный и классовый состав городского населения и локализовать все его группы на территории города.

Исследования этнического состава населения городов позволяют судить о конкретных проявлениях процесса взаимной ассимиляции отдельных групп различного происхождения в условиях городской жизни, о формировании у горожан национального единства и изживании пережитков родоплеменного самосознания.

Этнографическое изучение профессионального состава городского населения дает основу для суждения о развитии в городе производительных сил и о роли города в хозяйственной жизни страны.

Эти источники позволяют также несколько уточнить очень важный вопрос о количестве городского населения.

Историко-этнографическое изучение г. Бухары было начато в 1940 г. организованной Среднеазиатским государственным университетом экспедицией под руководством М. С. Андреева. Работа была прервана Великой Отечественной войной и результаты ее не были опубликованы. С 1947 г. она была продолжена автором данной книги. В настоящем издании публикуется краткая сводка материалов, накопленных им при многолетнем изучении г. Бухары, а также итоги изучения двух других городов Бухарского ханства—Карши и Шахрисябза, обследование которых было осуществлено во время краткой поездки в 1948 г.

Автор приносит свою благодарность товарищам, оказавшим помощь консультацией по ряду специальных вопросов, а также своими замечаниями при неоднократном обсуждении работы. Особую благодарность автор выражает В. А. Шишкину, О. Д. Чехович, М. Г. Вахабову, Е. А. Давидович и Л. И. Ремпелю, а также М. Рузиевой, лаборантке отдела этнографии Института истории и археологии АН УзССР, принявшей участие в собирании дополнительных материалов о г. Карши.

Раздел первый

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ г. БУХАРЫ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

К ВОПРОСУ О БУХАРЕ НАЧАЛА VIII в.

Бухара начала VIII в. — эпохи арабского завоевания—находилась на начальном этапе превращения в город феодальный и сохраняла черты, сложившиеся в предшествующие века. Изучение ее в этот ранний период проливает свет и на город дофеодальной эпохи.

В исторической литературе было высказано две точки зрения на размеры г. Бухары времен арабского завоевания.

В. В. Бартольд, основываясь на сообщении Наршахи, высказался очень решительно: «Определенно засвидетельствовано, что ко времени покорения весь-город (шахр) состоял только из шахристана, за пределами которого были лишь отдельные замки и маленькие поселения, но они не были связаны, как впоследствии, в одно целое... Только в мусульманский период шахристан соединился с пригородом в один город и впервые, как свидетельствует Наршахи, был обнесен общей стеной в 235/849 г»[33].

А. Ю. Якубовский придерживался иного мнения о размерах города начала VIII в. Также ссылаясь на «Историю Бухары» Наршахи, он считал, что к этому периоду рабады уже сформировались и, кроме стены шахристана, город окружала вторая стена, охватывавшая рабады[34].

Это предположение противоречит не только вышеприведенному сообщению Наршахи о времени постройки первых стен, но и ясному свидетельству его, что „в это время (при Кутейбе.—*О. С.*) город занимал только пространство теперешнего шахристана“

(وآن روزینه شهر آن بود که امروز شهرستانست)[35]

---

[33] W. Barthold, Bukhara, S. 811.

[34] История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 233; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 211.

[35] Наршахи, История Бухары, стр. 42; Description..., p. ٢٩

Большое значение для уточнения сведений о размерах города периода арабского завоевания имеет исследование вопроса об упоминающихся в источниках городских стенах и воротах и их локализация на реальной территории города.

Вопрос о местонахождении шахристана, как и многие другие вопросы исторической топографии среднеазиатских городов, был впервые поставлен В. В. Бартольдом. Основываясь на сообщении Истахри о том, что в шахристан не могла быть проведена вода, он пишет: «Из этого видно, что шахристан занимал среднюю, возвышенную часть города и теперь лишенную всякого орошения»[36].

Однако границ шахристана, определенных линией стены, В. В. Бартольд не намечает и почти полностью отказывается локализовать упоминающиеся в использованных им источниках городские ворота. По его собственному признанию, «о местонахождении... ворот (шахристана. — *О. С.*), кроме, конечно, ворот цитадели, расположенных против последней, мы из текста Наршахи не получаем точного понятия; ясно только то, что ворота базара, ворота Бáну-Саъд и ворота Бану-Асад были расположены рядом...»[37].

Накопление фактов и дальнейшие исследования дали возможность пойти в разработке этого вопроса несколько дальше.

И. И. Умняков еще в 1923 г. поставил перед собой задачу определить местонахождение ворот шахристана.

Привлекая, кроме Наршахи и Истахри, также сообщения двух арабских путешественников той же эпохи — Ибн-Хаукаля и Макдиси, И. И. Умняков задается целью сопоставить, насколько это возможно, сведения о воротах шахристана, сообщаемые Наршахи и этими путешественниками, с топографией г. Бухары конца XIX—начала XX в. Как можно судить

---

[36] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 102.

Это положение не совсем верно: в шахристане, во всяком случае в XIX в., имелось несколько хаузов, расположенных настолько глубоко, что верхушки росших на их берегах деревьев едва возвышались над поверхностью прилегающей территории. Эти хаузы питались столь же глубокими арыками. Описание того и другого дано у Пославского. (И. Т. Пославский, Бухара. Описание города и ханства, Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, XVII, Ташкент, 1891, стр. 46). Сам В. В. Бартольд в более поздней работе отмечает, что Истахри, говоря о том, что в шахристане проточной воды не было, дальше сообщает о пяти ответвлениях главного канала, которые отделяются от него «в городе», причем употребляет термин «мадина», обычно означающий внутренний город, шахристан (В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 122).

[37] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 103—104.

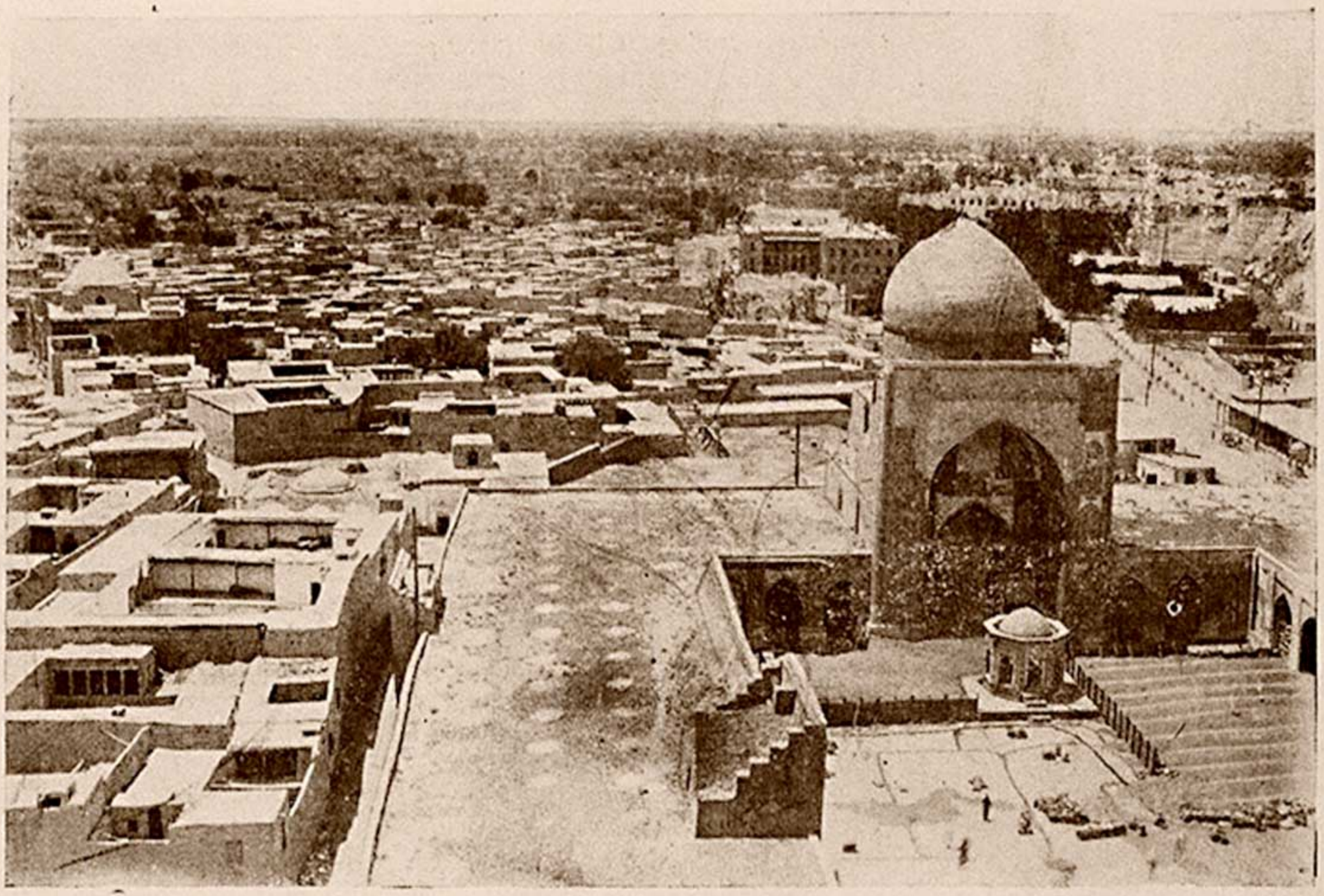


Рис. 1. Бухара. Вид на город с большого минарета

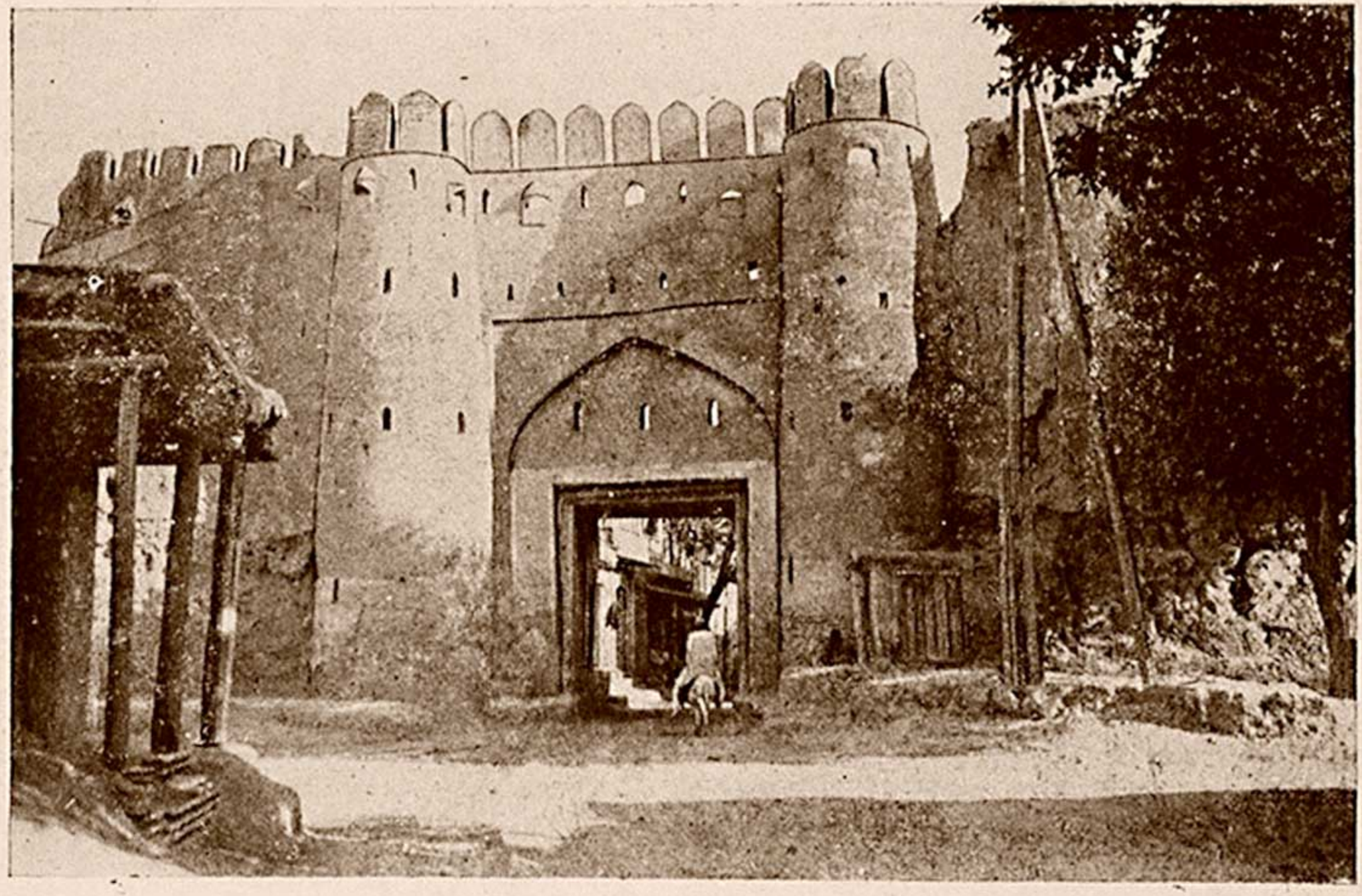


Рис. 2. Бухара. Ворота Самарканд

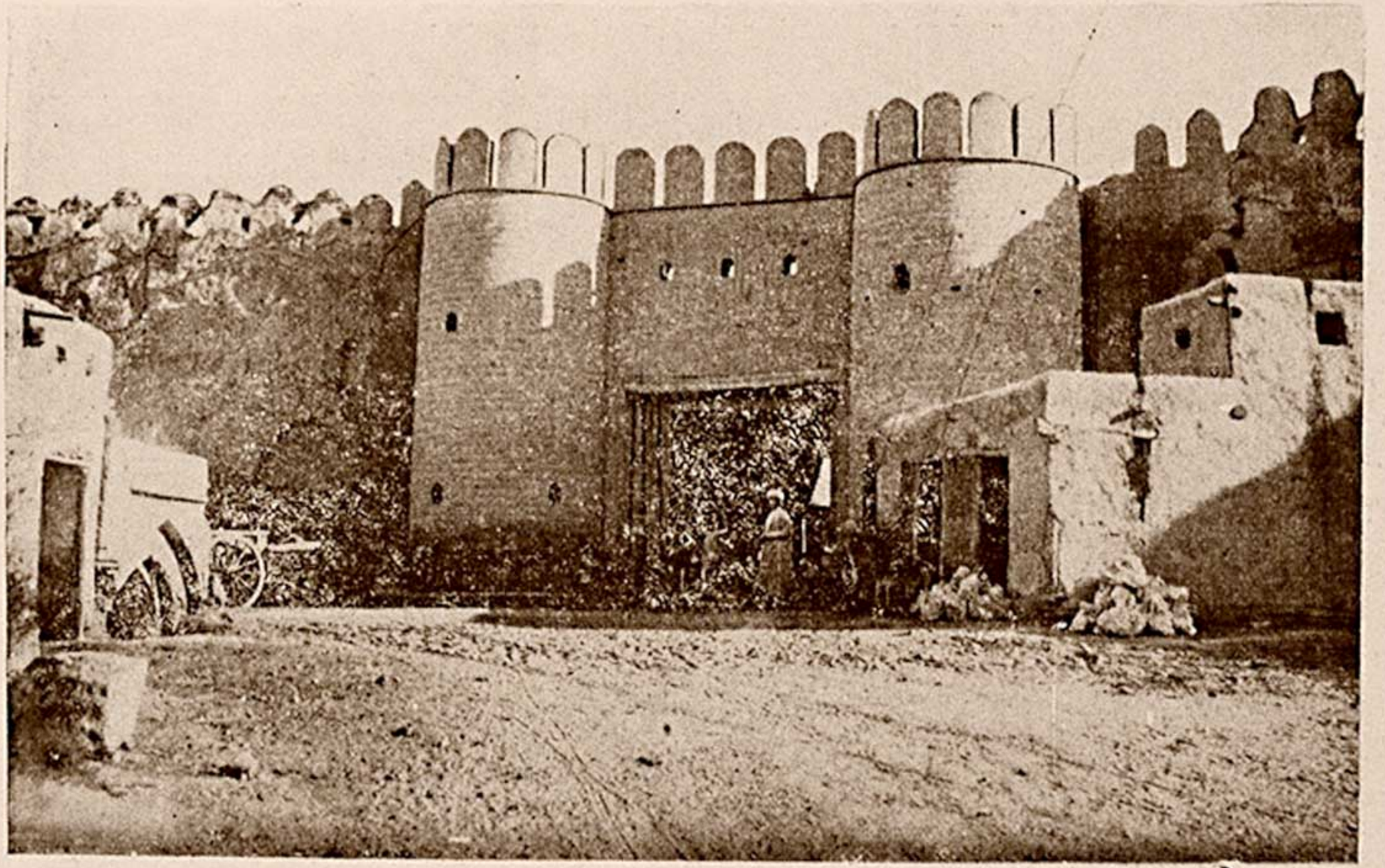


Рис. 3. Бухара. Ворота Мазори шариф

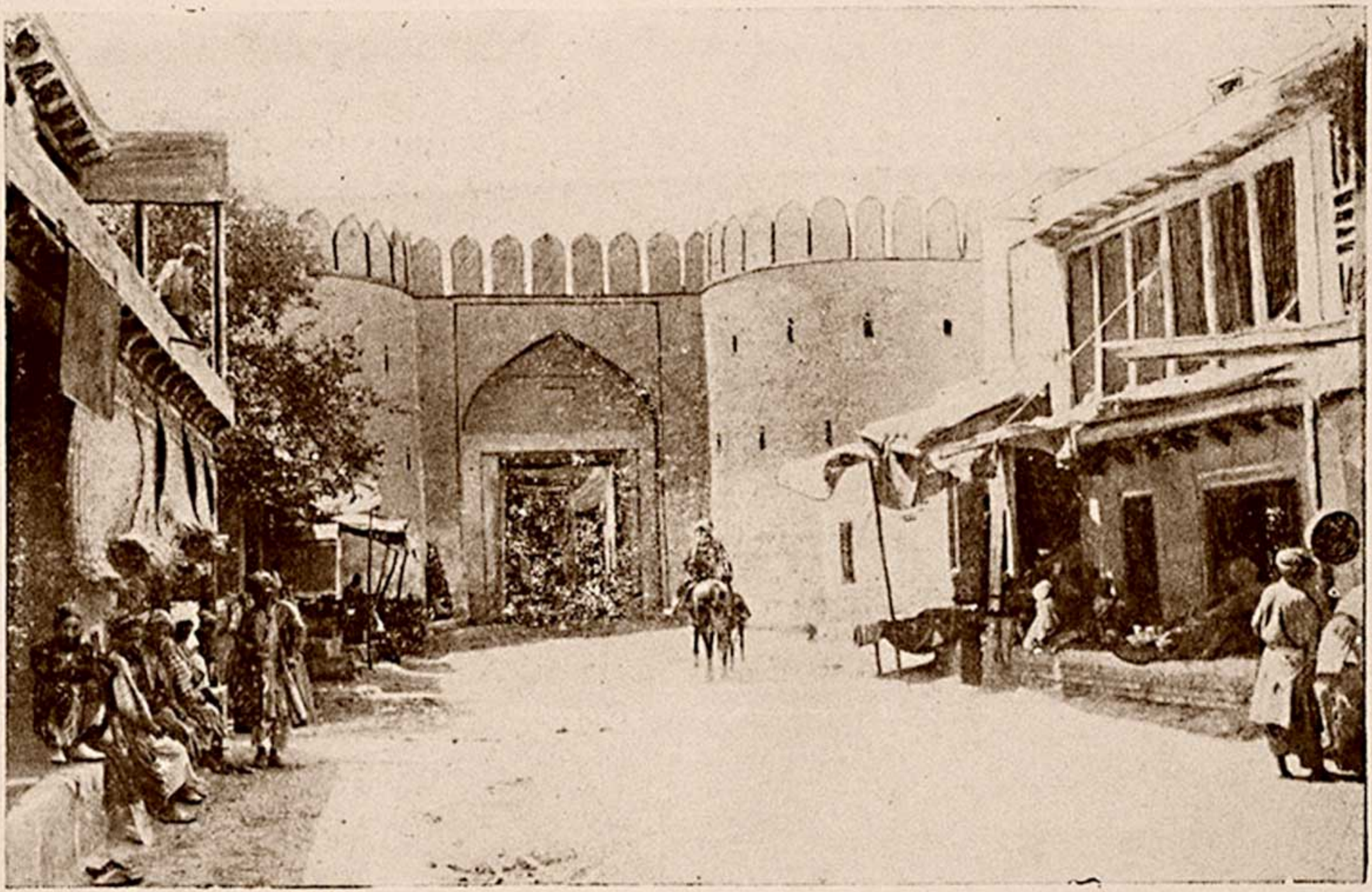


Рис. 4. Бухара. Ворота Карши, или Каваля

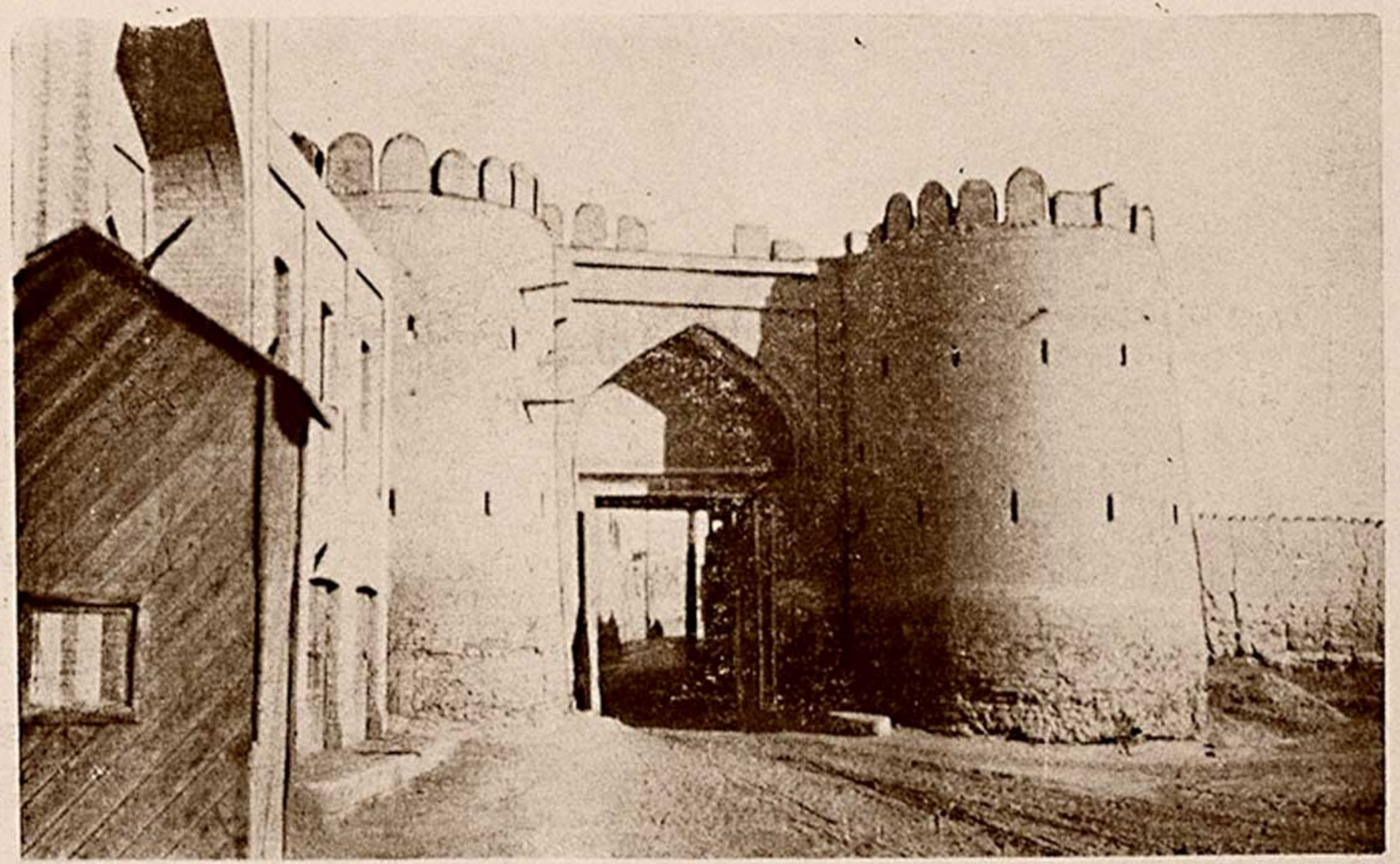


Рис. 5. Бухара. Ворота Салляххона

Рис. 6. Бухара. Ворота Намазгох

Рис. 7. Бухара. Ворота Шейх-Джалоль

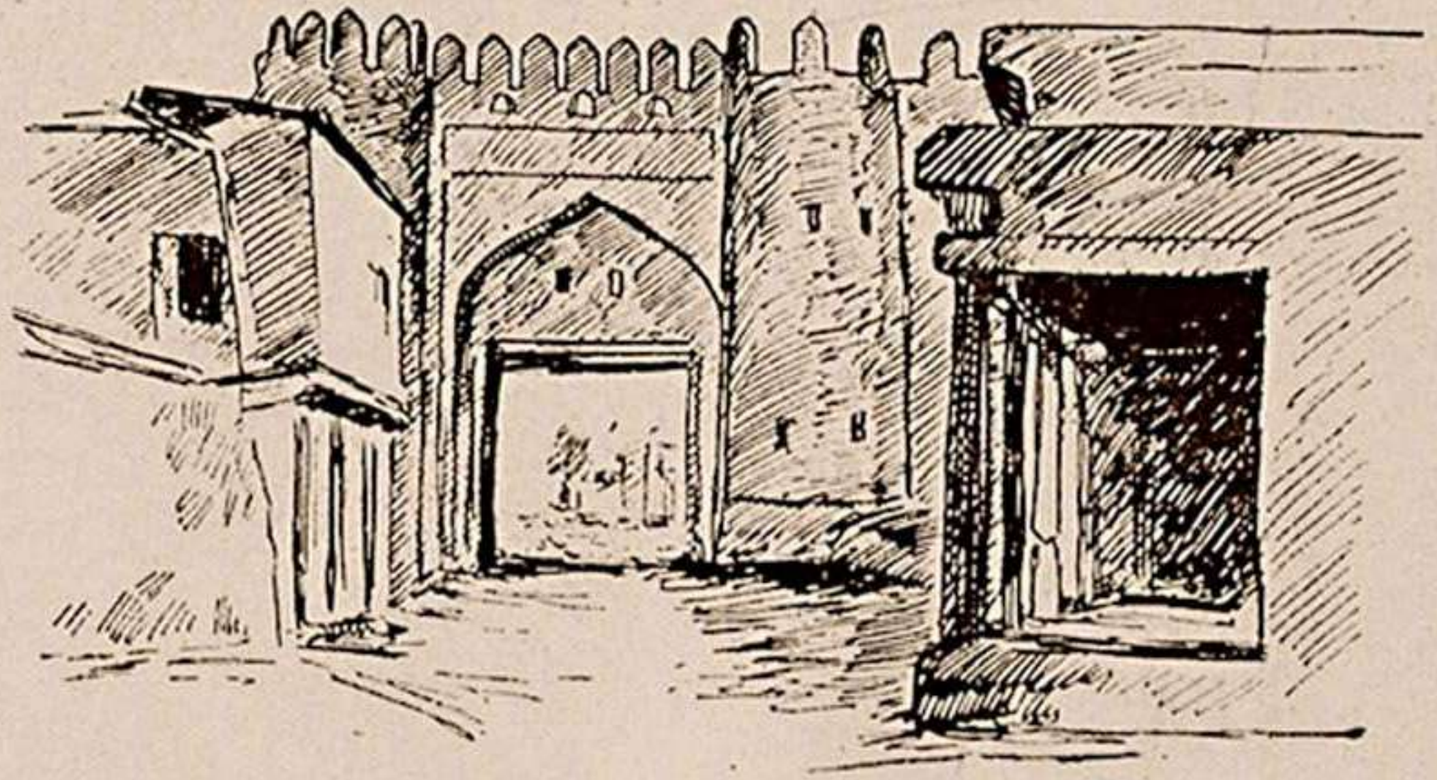


Рис. 8. Бухара. Ворота Каракуль (набросок с натуры)

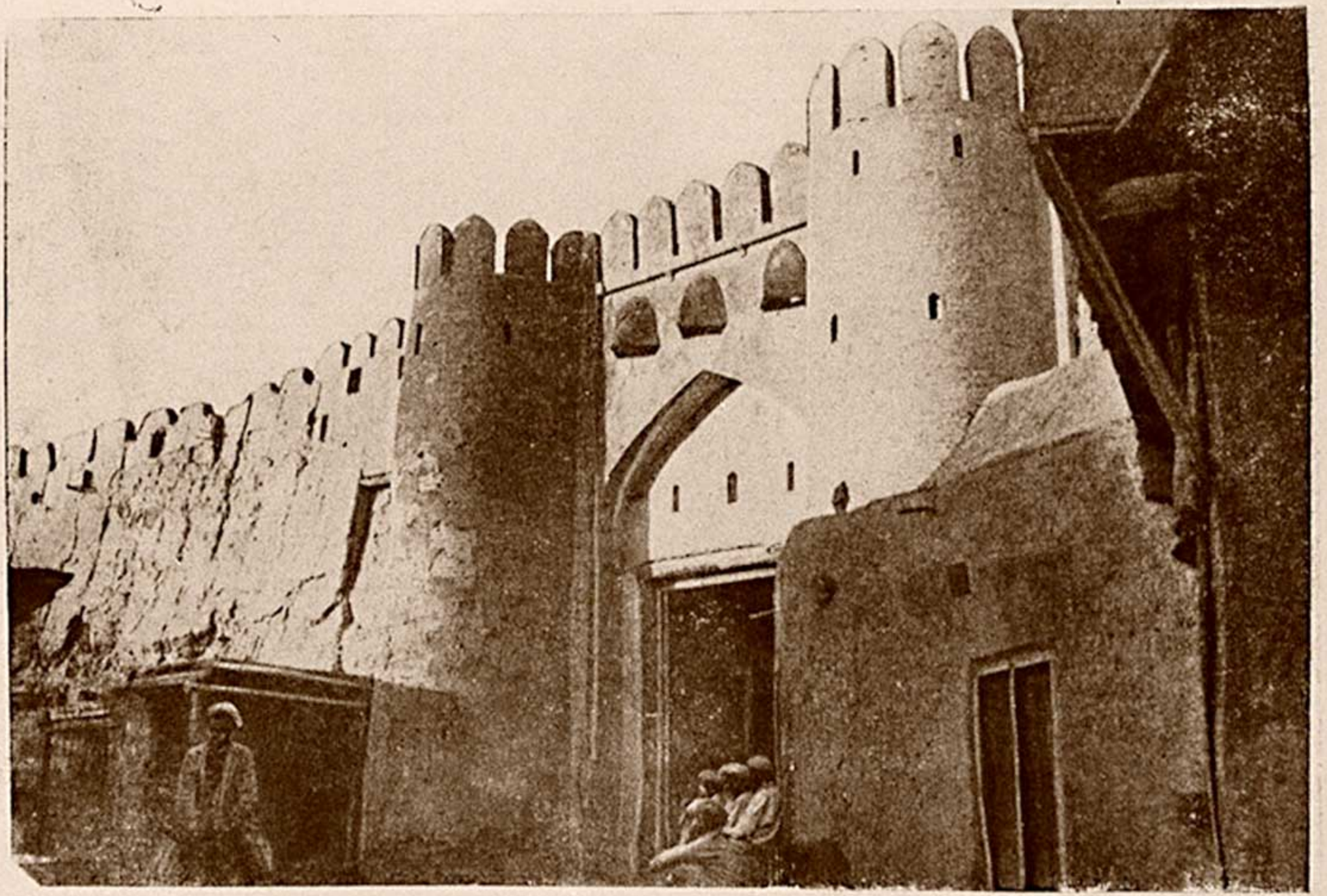


Рис. 9. Бухара. Ворота Шергирон

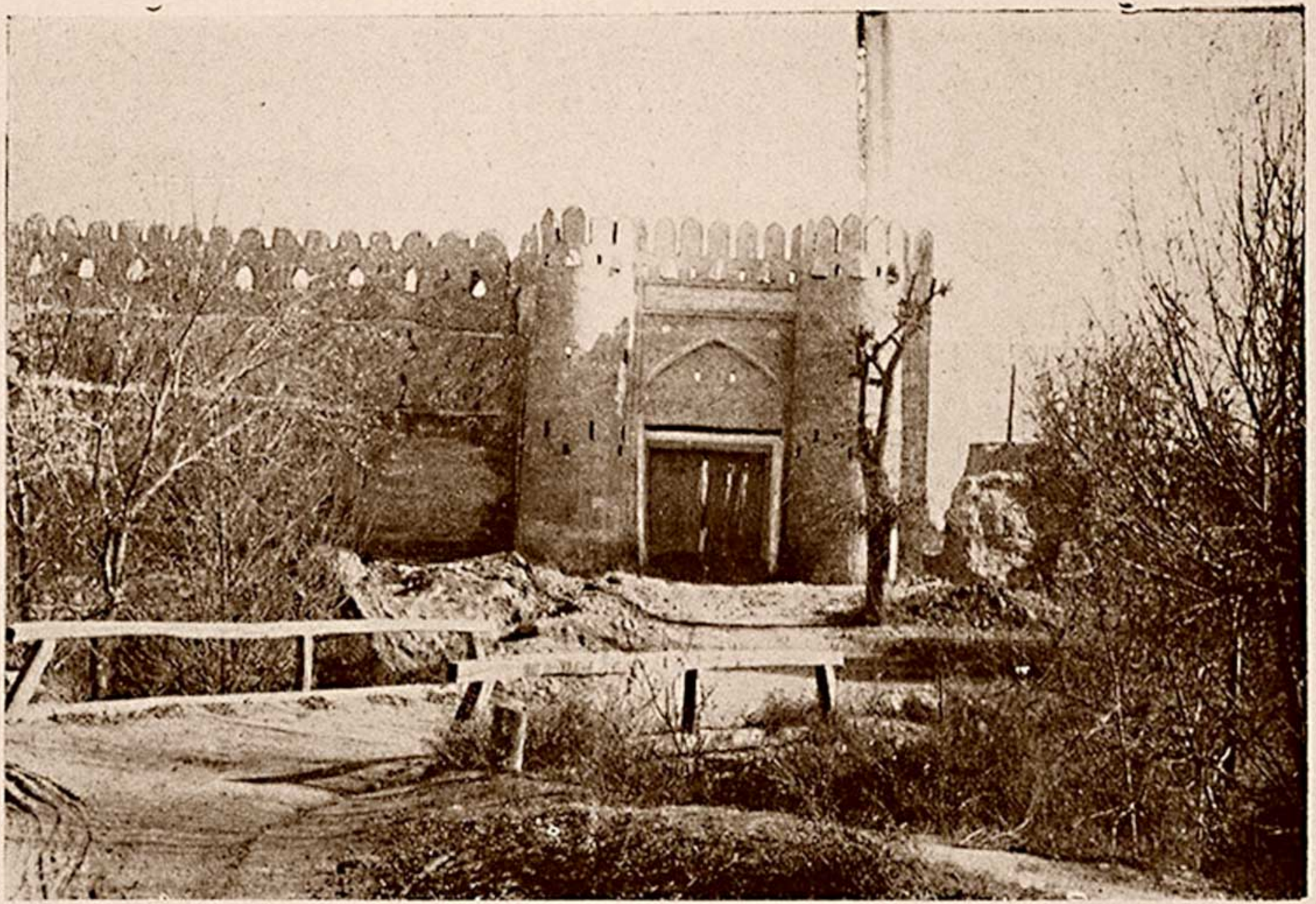


Рис. 10. Бухара. Ворота Талипоч

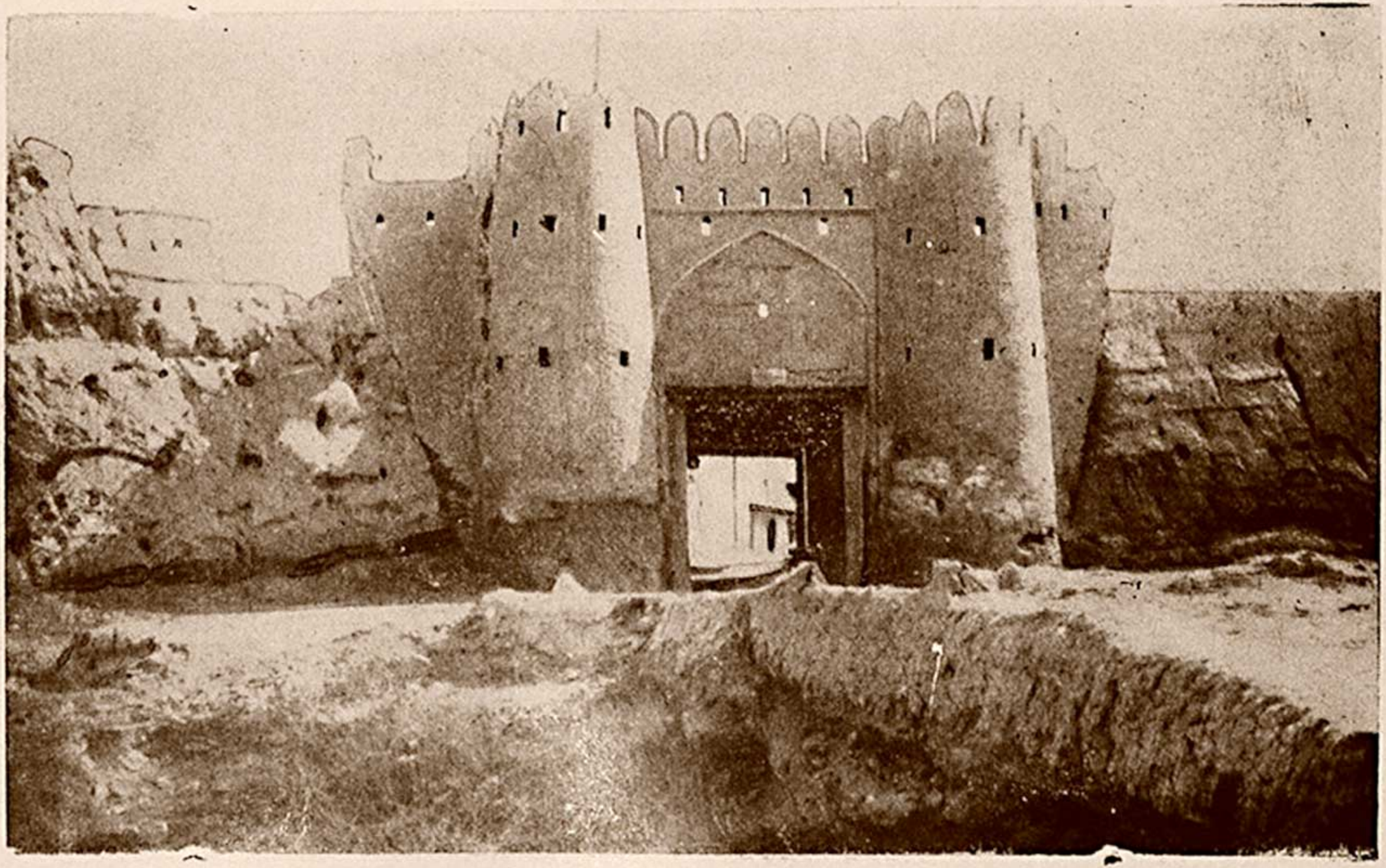


Рис. 11. Бухара. Ворота Углон

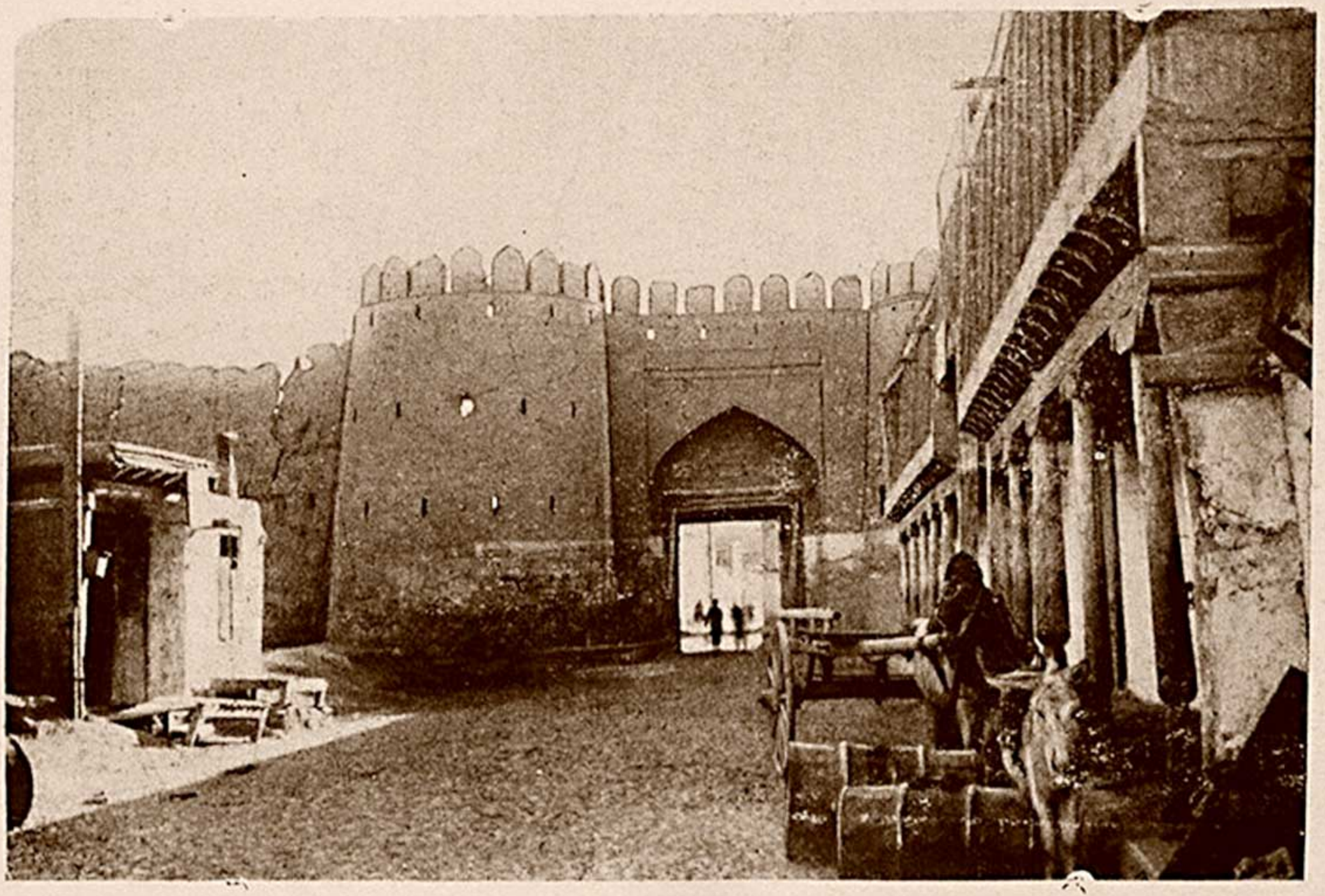


Рис. 12. Бухара. Ворота Хазрат Имом

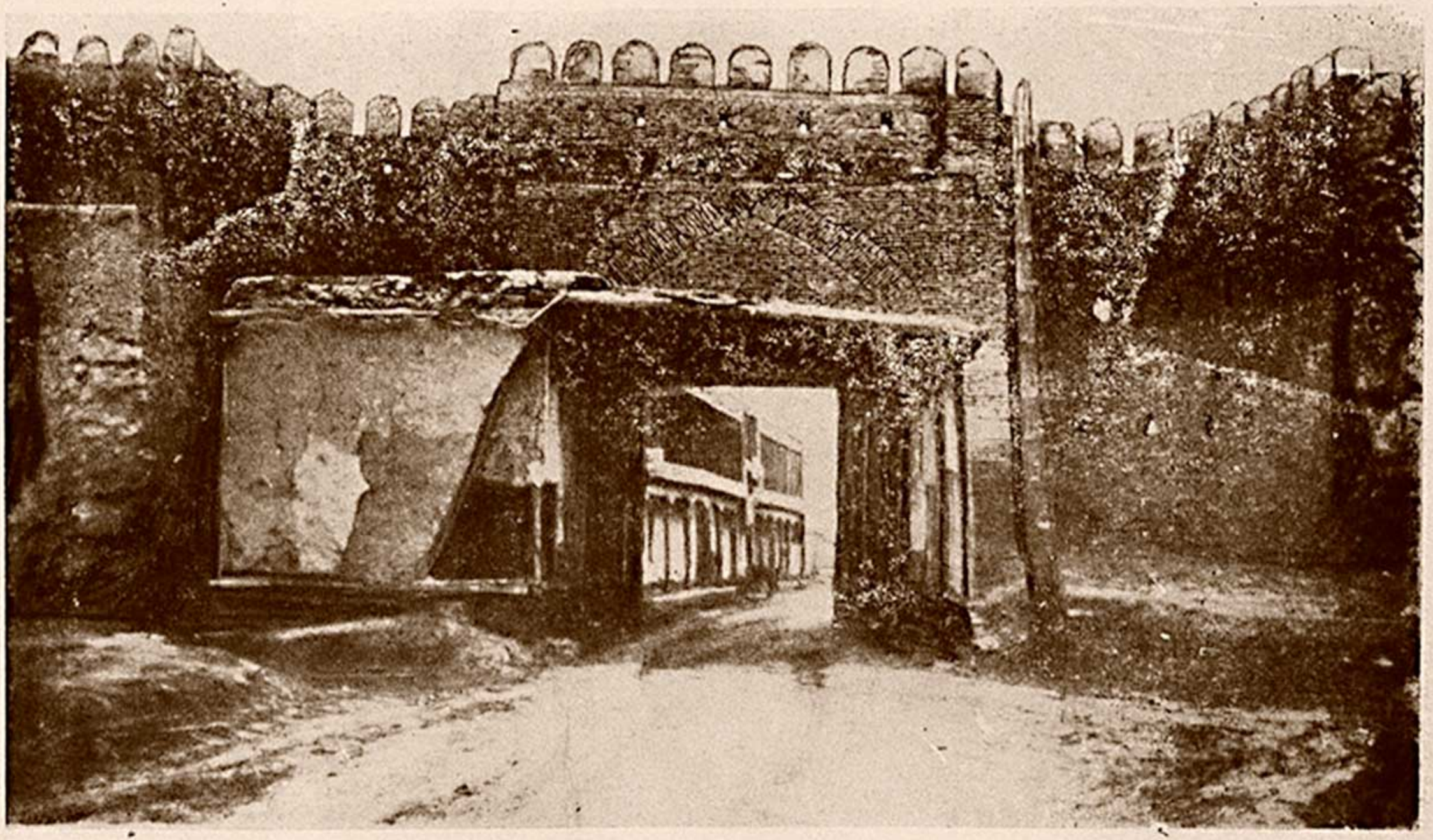


Рис. 13. Бухара. Ворота Хазрат Имом (с внутренней стороны)

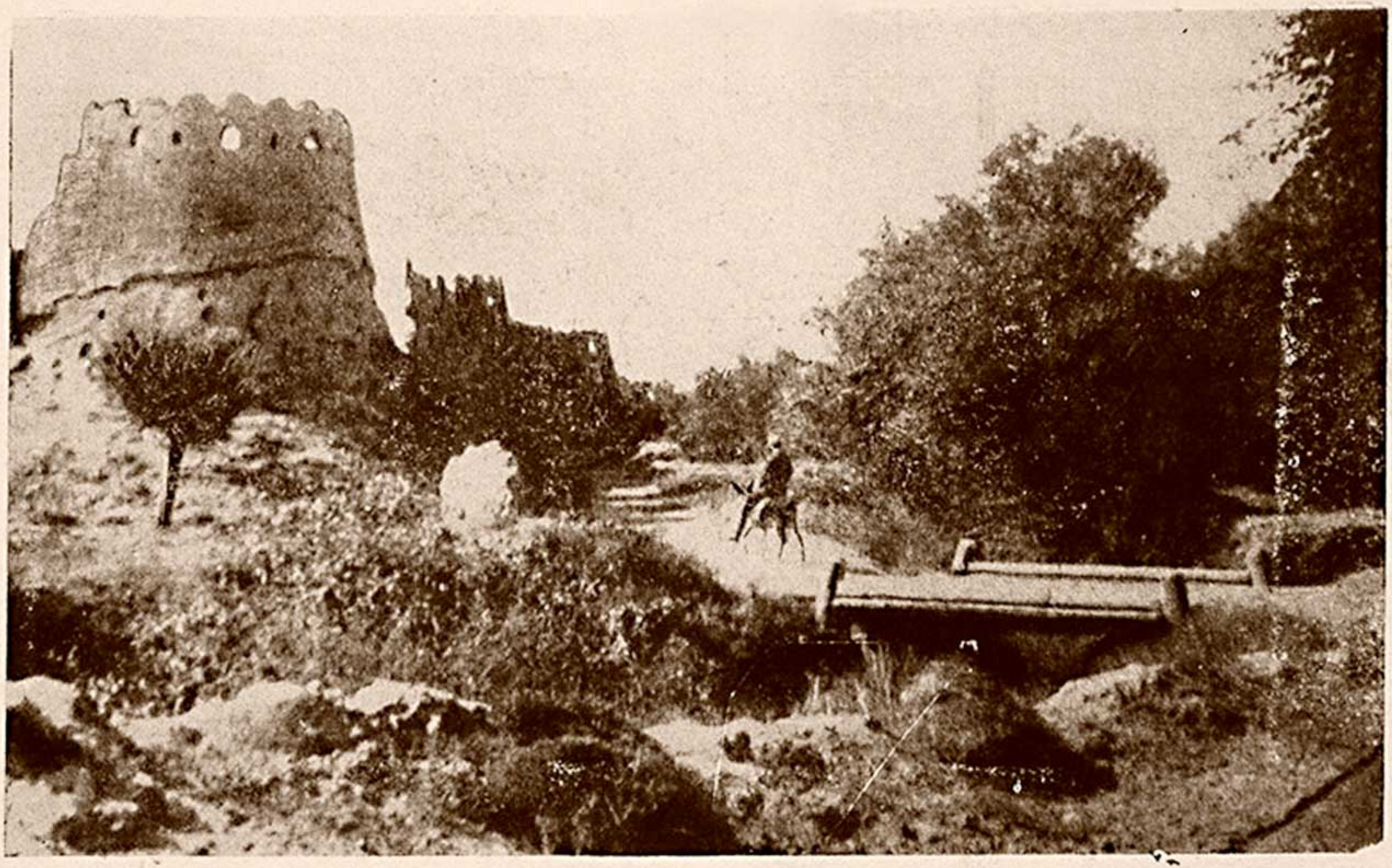


Рис. 14. Бухара. Городская стена (вид с северо-западной стороны)

Рис. 15. Бухара. Кладбище у мазара Ходжа_Булгор

Рис. 16. Бухара. Кладбище у мавзолея Исмаила Самани

по его статье, город этого периода изучался им по личным наблюдениям и сообщениям коренных жителей г. Бухары, что позволило И. И. Умнякову поставить перед собой указанную задачу и решить, правда, не всегда удачно, некоторые вопросы[38].

Много сделал для изучения исторической топографии Бухары В. А. Шишкин, который, хорошо изучив город в натуре, определил, в основном по топографическим данным, границы шахристана и его общую площадь[39]. Вопроса о локализации ворот шахристана в своих работах он не касался.

А. Ю. Якубовский уделил в своих трудах некоторое внимание исторической топографии г. Бухары, не придавая, однако, этому вопросу самостоятельного значения; тем не менее им высказано немало ценных, хотя и не всегда бесспорных соображений по отдельным моментам исторической топографии этого древнего города.

Настоящий очерк имеет своей целью осветить мало разработанный вопрос о воротах шахристана, уточнение локализации которых на территории города может углубить наши представления о Бухаре того периода, когда феодализм в Средней Азии находился на начальной стадии своего развития.

Рассмотрим вопрос о местонахождении ворот шахристана, упоминаемых Наршахи (см. приложение 1).

В ряду ворот особое место занимают Ворота базара, или Атторон, с которыми связаны многие из описываемых в этом сочинении исторических событий.

В. В. Бартольд высказал мнение, что ворота Атторон находились в восточной части шахристана[40]. Его мнение, не подтвержденное аргументацией, не было поддержано другими исследователями.

Общепринята в настоящее время локализация этих ворот, данная И. И. Умняковым, который помещает их у сохранившейся до наших дней мечети Магоки-Аттори, находящейся к югу от шахристана[41]. Наиболее древние части здания этой мечети датируются XII в.[42]. Однако под современным зданием при раскопках были обнаружены остатки более ранней мечети, отнесенной В. А. Шишкиным к IX—X вв. Эта мечеть в свою очередь была возведена «на остатках еще более древних монументальных сооружений»[43].

---

[38] См. дальше, очерк второй первого раздела.
[39] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 11.
[40] W. Barthold, Bukhara, S. 811.
[41] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 151.
[42] В. А. Шишкин, Мечеть Магоки-Аттори в Бухаре, стр. 18.
[43] Там же, стр. 20.

QQP. N.Ver

Связь ворот Атторон с мечетью Магоки-Аттори и рядами атторов (торговцев пряностями), размещавшимися еще в XIX—начале XX в. вокруг этой мечети, не подвергается сомнению и позволяет считать эти ворота не восточными, как думал В. В. Бартольд, а южными воротами шахристана (см. приложение 1).

Оба их названия — Ворота базара и ворота Атторон,— как видно из текста, разновременны: первое название старое, второе появилось позднее.

Наршахи, поясняя старое название ворот, говорит, что первые ворота шахристана назывались Ворота базара, потому что „в те дни (во время арабского завоевания.—*О. С.*) базара не было поблизости от города, кроме как у тех ворот" (آن روز بهیچ دروازه بازار نبوده است مگر آن دروازه)[44]

Следующая фраза — „а мы называем их воротами Атторон",—может быть, является вставкой, сделанной Абунасром-Ахмадом Куббави или более поздними редакторами и переписчиками книги[45].

Сличение различных мест текста Наршахи и сопоставление описываемой в них топографии с топографией современного города показывает, что к этим же воротам относится и упоминаемое в другом месте текста название «ворота Мох».

В источнике имеется прямое указание на территориальную близость ворот Мох к мечети Магок: «Зияд, сын Салиха, придя к воротам Мох, к тому месту, которое теперь называется мечетью Магок, остановился на берегу канала»[46].

В г. Бухаре XIX—XX вв. было известно две мечети Магок — Магоки-Аттори и Магоки-Курпа. В цитате речь может идти только о первой. Именно эта мечеть была известна в Бухаре под названием «Старого Магока»[47] и ее местонахож-

---

[44] Наршахи, История Бухары, стр. 69; Description..., p. ٥٢.

[45] Во времена Наршахи находившаяся здесь мечеть носила название Мох, что видно из рассказа о базаре Мох, принадлежавшем, как указывает имеющаяся в тексте ссылка, самому Наршахи. В рассказе этом говорится: „место, которое сейчас является мечетью Мох" آن جا که امروز مسجد ماخ است (Наршахи, История Бухары, стр. 31; Description..., p. ١٩). Из этого видно, что название „мечеть Магок", которое встречается в другом месте текста (Наршахи, История Бухары, стр. 84), при Наршахи еще не появилось.

[46] Наршахи, История Бухары, стр. 84; Description..., p. ١٩ Слова „к тому месту, которое теперь называется мечетью Магок", явно принадлежат не самому Наршахи: как было сказано (см. примечание 45), в его время эта мечеть называлась мечетью Мох.

[47] В. А. Шишкин, Мечеть Магоки-Аттори в Бухаре, стр. 3.

дение соответствует примете, указанной Наршахи,— она находилась поблизости от берега канала.

Если ворота Мох находились неподалеку от мечети Магоки-Аттори, около которой помещались, как сказано выше, и ворота Атторон, или базарные, то ясно, что речь идет здесь об одних и тех же воротах. Название этих ворот, несомненно, связано с тем базаром Мох, на котором, как сообщает Наршахи, еще в его время продавались идолы. Свидетельство Наршахи, что этот базар был в VIII в. единственным базаром города, показывает, что он и был базаром Мох[48].

Тождественными считал эти базары, упоминаемые Наршахи, и А. Ю. Якубовский, который писал: «Название «Ворота базара» они получили потому, что базар тянулся на юг и доходил до того места, где в доарабское время продавали идолов»[49]. Название ворот Мох было непосредственно связано не только с базаром, но и мечетью Мох, которую А. Ю. Якубовский прямо отождествляет с мечетью Магоки-Аттори: «Базар доходил до места, где... находилась мечеть Мох, т. е. до места, где теперь находятся развалины мечети Магоки-Аттори»[50].

Обстановка, описываемая в главе о базаре Мох и в вышеприведенном отрывке, где упоминаются ворота Мох, одна и та же. Вместе с тем она полностью соответствует местоположению современной мечети Магоки-Аттори, которая из всех точек, где могли помещаться ворота шахристана, является единственным местом, находящимся поблизости от канала.

Важно отметить, что канал оказывается, по описанию Наршахи, вне города.

Другое место источника свидетельствует о том, что ворота Атторон выходили на незащищенное стенами, доступное для неприятеля пространство. Описывая нападение Зияда на город, Наршахи пишет: „Некоторые знатные и именитые люди вышли из города, и у ворот Атторон произошел бой“ (و تنی چند از معروفان بیرون آمدند و بدر عطاران حرب شد)[51]

Из этого описания ясно, что Зияд мог подойти к этим воротам, которые Наршахи определенно называет воротами шахристана, еще не взяв города, не проникнув за его стены. Он располагался со своими войсками перед воротами Атто-

---

[48] Наршахи, История Бухары, стр. 69; Description..., p. ٥٢

[49] История народов Узбекистана, т. 1, стр. 214.

[50] Там же, стр. 238.

[51] Наршахи, История Бухары, стр. 84; Description..., p. ٦٣

рон, на открытом пространстве, где находились селения и замки знати и где происходили сражения между войсками Зияда и совершавшими вылазки бухарцами. Это доказывает, что А. Ю. Якубовский вряд ли был прав, когда, основываясь на этом же тексте, считал, что вначале VIII в. город уже опоясывала вторая стена, защищавшая рабады. По-видимому, его ввело в заблуждение имеющееся у Наршахи упоминание наряду с Воротами базара и Атторон также и ворот Мох. Отождествив базар, который дал воротам их первое название, с базаром Мох, он не отождествил ворот Мох с Воротами базара, вследствие чего и пришел к неверным выводам.

На основании сопоставления всех этих фактов можно установить следующее.

1. Ворота базара и ворота Мох — тождественны. Вероятно, их полным названием было «Ворота базара Мох», в просторечии же употреблялись два сокращенных названия: «Ворота базара» и «ворота Мох».

2. Эти ворота находились во внешней стене города и выводили на открытое незащищенное пространство. Следовательно, в начале VIII в. второй стены в Бухаре еще не было, и защищенная стеной территория ограничивалась, как и полагал В. В. Бартольд, территорией шахристана.

Остается решить вопрос, как проходила городская стена: оказывалось ли то место, где сейчас стоит мечеть, на территории города или вне ее.

Так как базар Мох, по Наршахи, находился за воротами, вне города, на самом берегу канала, и так как Зияд, тоже по свидетельству Наршахи, „пришел к тому месту, которое теперь называется Магок“, до того, как он проник за стены города, можно думать, что это место находилось вне города.

Местоположение того или иного объекта по отношению к «старой стене» (хисори кадым) всегда указывается в официальных актах, и это указание могло бы пролить свет на рассматриваемый вопрос. Однако среди документов, занесенных в использованную нами опись[52], а также среди опубликованных в сборнике «Из архива шейхов Джуйбари», нет ни одного, в котором упоминалась бы эта мечеть. Такой документ — вакуфная грамота 1096/1685 г.— был обнаружен В. А. Шишкиным в фондах бухарского музея и использован в его специальной статье, посвященной мечети Магоки-Аттори. Согласно документу, мечеть находилась вне старого хисара (по выражению В. А. Шишкина, «вне древней стены (шахристана) Бухары[53].

---

[52] ЦГИА УзССР, ф. 323, опись.

[53] В. А. Шишкин, Мечеть Магоки-Аттори в Бухаре, стр. 3.

Это обстоятельство показывает, что ворота Атторон следует локализовать не у самой мечети, а несколько севернее или, вернее, северо-западнее. Возможно, они стояли на той дороге, которая вела с территории шахристана через выстроенный в XVI в. Пассаж продавцов шапок (Тими тельпакфрушон) к каналу. Источники свидетельствуют, что ров и стена, защищавшие шахристан, проходили севернее названного Пассажа.

В актах XVI в. на недвижимость, находившуюся в этой части города, городской ров упоминается неоднократно. Согласно документу, датированному 975 г. х. (1559—1560 г. н. э.) и составленному для оформления продажи трех лавок в Пассаже продавцов шапок, в качестве северной границы назван городской ров

(...دوکان واقع است در خارج حصار قدیم بخارا در درون تیم طاقیه دوزان شمالیها پیوسته ست بخندق بلدهٔ مزکوره)[54]

Стена проходила, конечно, еще севернее рва, оставляя часть территории Пассажа снаружи. Действительно, в цитированном документе указывается, что продаваемые лавки находятся „вне старого хисара“ (خارج حصار قدیم).

Видимо, эти же ворота были известны позже под названием Ворота кузнецов“. „Книга Мулло-зода“ говорит о том, что „около ворот Охангарон, внутри стен, находится мазар Нуриддина Хилвати“ (بر دروازهٔ آهنگران در اندرون حصار تربت شیخ ...نورالدین خلوتی است)[55]

Этот мазар, как считают (видимо, ошибочно) бухарцы, находился в одной из ниш указанного Пассажа. Возможно, что мазар был перенесен со старого места и включен в здание при его возведении. Интересно отметить, что в этом районе до революции находились мастерские кузнецов, ножовщиков и игольщиков. Кустарные мастерские кузнецов — членов артели — находятся там и в настоящее время.

И. И. Умняков считает, что Ворота Охангарон тождественны железным воротам (Боб-ал-хадид) арабоязычных географов и воротам Атторон[56]. Однако это, по-видимому, не так: в „Книге Мулло-зода“ Железные ворота (در آهنین) упоминаются отдельно наряду с Воротами кузнецов (دروازهٔ آهنگران). Вслед за упоминанием расположенного около последних мазара Нуриддина Хилвати, мы читаем: „затем на юг от

---

[54] Из архива шейхов Джуйбари, №5, стр. ۱۳.

[55] کتاب ملازاده стр. ۷۰ (70).

[56] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 150.

старой пятничной мечети неподалеку от базара у Железных ворот была могила Мавлоно Нуриддина Сайрони“ (دیگر در جانب جنوبیٔ مسجد أدینهٔ قدیم نزدیك بازار در آهنین تربت مولانا نورالدین سیرانی بود)[57]

Дальше линия рва проходила по территории квартала Амири, который сохранял свое название вплоть до революции и был зафиксирован при этнографическом изучении города конца XIX—начала XX в. (см. приложение 1).

Согласно другому документу, датированному 968/1560—1561 г., находившийся в квартале Амири дом имел одной своей границей улицу, на которой располагался базар, а другой (несомненно, северной) — городской ров. Улица квартала Амири на участке, прилегающем к Пассажу, представляла собой базарные ряды и в начале XX в. Обрыв, который, как кажется, мог быть границей шахристана, проходил по территории квартала Мирзокули, граничившего на севере с кварталом Амири. Ров находился, очевидно, у подножия обрыва, на территории квартала Амири.

Из приведенных фактов можно сделать очень важное заключение о термине «хисори кадым», значение которого до сих пор не установлено[58]. Как видно из цитированных документов, а также из вакуфной грамоты, упомянутой В. А. Шишкиным, этот термин означает здесь не что иное, как стену шахристана[59].

В намеченном нами отрезке этой стены должны были помещаться вторые и третьи ворота шахристана — Бану-Саъд[60] и Бану-Асад, в древности носившие название ворот Мухра[61].

Вероятно, они преграждали улицы, выводившие из шахристана за его пределы. Одна из таких улиц шла от Купола ювелиров на юго-запад (по направлению к воротам Шайх-Джалоль), вторая — от этого же Купола прямо на запад, к южной оконечности арка и к регистану (см. приложение 1).

Четвертые ворота — Кухендиз (ворота цитадели) — можно локализовать довольно точно. Это единственные ворота шахристана, местоположение которых счел возможным наметить В. В .Бартольд. Исходя из названия, он высказал мнение, что эти ворота, несомненно, были обращены к цитадели. Однако их место В. В. Бартольдом не было уточнено, так же как

---

[57] كتاب ملازاده стр. ٧٠ (70).

[58] Е. А. Давидович, указ. соч., стр. 28—30.

[59] Вопрос о термине «старый хисар» подробнее разбирается дальше.

[60] Наршахи, История Бухары, стр. 71.

[61] Там же, стр. 72.

оно не определено продолжившим изучение этого вопроса И. И. Умняковым и другими авторами.

Попытаемся внести в него некоторую ясность.

Как можно думать, эти ворота служили средством связи между шахристаном и цитаделью. Если это так, то они должны были помещаться против ворот арка, конечно, не западных, а позднее заложенных восточных (у Наршахи — «ворота Гуриён»), поскольку западные к шахристану не обращены (см. приложение 1).

Местонахождение восточных ворот, помещавшихся, по Наршахи, прямо против западных, может быть намечено с полной уверенностью, которая подкрепляется и сохранившимся в памяти народа старым названием расположенного здесь квартала Кози-урда. Старики помнят, что раньше этот квартал носил название Арки-баста («закрытый или заложенный арк»), и указывают место в стене арка, где, по их мнению, помещались эти заложенные ворота.

Ворота Кухендиз должны были находиться недалеко и от той первой городской соборной мечети, которая была построена, по сообщению Наршахи, «между крепостью и городом» в 70 г. н. э. и после того многократно перестраивалась и восстанавливалась[62]. Расположение соборной мечети, несомненно, обусловливалось желанием облегчить пользование ею как для жителей арка, так и для населения города, поэтому она должна была помещаться неподалеку от ворот того и другого. То, что восточные ворота арка вели к этой мечети, видно из их названия у арабских географов — «Боб-ал-джоми» — «ворота соборной мечети»[63]. К этой мечети должны были выходить и те ворота шахристана, которые назывались воротами Кухендиз.

Если ворота эти действительно находились в указанном месте, то их локализация позволяет уточнить и ряд других моментов топографии шахристана, а именно: локализовать квартал Фагсадра, который, согласно тексту Наршахи, находился около этих ворот, и определить один из тех районов города, который был населен арабами («перед этими воротами преимущественно находились дома арабов»[64]). Следующие фразы текста, где говорится о том, что «теперь этот квартал разрушен... теперь там находятся кладбища», по-видимому, принадлежат не Наршахи, а второму автору источника — Абу-насру-Ахмаду Куббави или являются еще более поздней вставкой. Этот район города, находящийся около арка, в кон-

---

[62] Наршахи, История Бухары, стр. 65; Description..., p. ٣٥

[63] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 151.

[64] Наршахи История Бухары, стр. 72; Description..., p. ٥٣

це XIX — начале XX в. был одним из самых густонаселенных. Поэтому вызывает недоумение утверждение И. И. Умнякова, что там, где помещался в X в. квартал Фагсадра, «при Наршахи, как и в настоящее время... находились кладбища...», и что «таким образом, данные Наршахи об этой части города вполне совпадают с современными»[65].

После ворот Кухендиз в тексте «Истории Бухары» Наршахи упомянуты ворота Хакк-рах, а затем ворота Нау — седьмые и, по выражению Наршахи, последние. Таким образом, одни из ворот — пятые или шестые — в тексте оказались опущенными. Местоположение пятых и шестых ворот можно наметить, исходя из топографии местности.

Пятые ворота находились, несомненно, около зиндана, к которому ведет естественный пандус (см. приложение 1). Дальше возвышенность шахристана ограничена на значительном пространстве крутым обрывом, и там ворот, конечно, никогда не было. Ворота, находившиеся около зиндана, выходили на регистан. По-видимому, именно о них говорится у Наршахи в рассказе о Зияде, который „подошел к воротам города и остановился в замке бухар-худата, около ворот цитадели, на регистане“ (زیاد به‌در شهر آمد و بکوشك بخارخداة که بدر حصار بود بریکستان فرود آمد)[66]

Никакие другие ворота шахристана не могли выходить на регистан, в то время как упомянутый пандус прямо выводил из шахристана на регистан к западным воротам арка.

Через эти же ворота выводил, вероятно, Кутейба мусульман на праздничную молитву, местом которой служил регистан[67].

Так как перечисление ворот идет у Наршахи в определенном порядке, по часовой стрелке, начиная с южных, местоположение шестых ворот также может быть намечено. Они должны были находиться на том спуске с возвышенности шахристана, который служил продолжением улицы, идущей прямо на север от Пассажа ювелиров. Последний, как предполагает В. А. Шишкин, построен на перекрестке улиц, деливших древнюю Бухару на четыре части и представлявших в своем

---

[65] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 151. Как видно из цитированного, И. И. Умняков не сомневался, что данное место текста принадлежит целиком самому Наршахи.

[66] Наршахи, История Бухары, стр. 84; Description..., p. ٦٣

[67] Наршахи, История Бухары, стр. 68; Description..., p. ٥٠. Это указание служит еще одним доказательством того, что во время завоевания Бухары арабами территория города ограничивалась шахристаном; места молитв в годовые празднества, по обычаю, находились за городом, и этот обычай существовал вплоть до XX в.

скрещении центр шахристана. В те времена проходящая через этот спуск дорога выводила за пределы города и была одной из четырех важнейших магистралей, связывавших его с внешним миром (см. приложение 1).

В стенах рабада в этом месте ворот не оказалось. Отсутствовали они и в X в., когда, по сообщению арабских географов, в Бухаре также было 11 ворот. Не было их и в последней стене, просуществовавшей с XVI в. до начала XX в. Утратив выход за город, описанная дорога превратилась в третьестепенную улицу, служившую лишь для внутригородского сообщения. Конечно, не в этот период своего существования она приобрела отличавшую ее хорошую разработанность, свидетельствующую о древности и былом значении этой дороги.

В XV — начале XVI в., когда северная граница города почти или полностью совпадала с границей шахристана, именно здесь находились ворота Камаргарон, место которых определяется по указанному в источнике ориентиру — мазару Ходжа Суфиёни-Саури, сохранившемуся до наших дней[68].

Таким образом, местоположение пятых и шестых ворот, шахристана определяется достаточно точно. Остается неясным, к каким воротам — пятым или шестым — относится упомянутое Наршахи название «Хакк-рах».

В тексте описание одних ворот шахристана оказалось утраченным. Пропуск скорее всего можно предполагать после того, как названы ворота Хакк-рах. Вслед за этим в первоначальный текст вклинились длинные и, несомненно, разновременные интерполяции в виде различных рассказов об Абухафсе Кабире, с домом которого Наршахи связывает название ворот Хакк-рах[69]. Эти рассказы заканчиваются сообщением о смерти Абухафса и о месте его захоронения. Так как последнее находилось около ворот рабада, а название ворот Хакк-рах связывается у Наршахи также с именем Абухафса, то при переписке легко могла произойти путаница.

Если предположить, что пропуск явился следствием этого, то следует признать ворота Хакк-рах пятыми воротами и считать утраченным текст, содержащий описание шестых ворот. Однако в том же источнике имеется указание, заставляющее все же отнести, хотя и не совсем уверенно, это название скорее к шестым воротам шахристана[70].

---

[68] См. очерк третий первого раздела.

[69] Наршахи, История Бухары, стр. 72—75; Description.... p. ٥٣—٥٦.

[70] Наршахи говорит, что если войти в ворота Нау, то по правую руку окажется мечеть, которая находится недалеко от жилища Абухафса (Наршахи, История Бухары, стр. 76).

Седьмые ворота шахристана,— несомненно, восточные,— упомянуты под названием, которое в различных списках «Истории Бухары» читается различно — Нун, Нур и Нау. Арабские источники подтверждают второе из этих чтений. Однако в тексте «Истории Бухары» говорится, что «седьмые ворота назывались воротами Нау (новыми), в том смысле, что это — последние из всех городских ворот»[71].

Местонахождение шестых ворот шахристана дает основание полагать, что седьмые должны были стоять на дороге, которая шла от Пассажа ювелиров на восток, также представляя собой одну из древнейших улиц города. Она выходила за городскую стену и на протяжении многих веков сохраняла важное значение, связывая Бухару с внешним миром.

Можно думать, что ворота Нур помещались около небольшого мазара, известного под названием Ходжа Хофизи Бухори. Мазар находился на этой дороге, на границе между кварталами Дегрези и Мехчагарон, оставляя первый внутри, а второй—вне шахристана. Основание для локализации седьмых ворот в этом месте дают утверждения жителей квартала Дегрези и кварталов, помещающихся западнее, что та часть города, где они живут, носила раньше название «хисори дарун» и была местом старого города, в то время как соседний квартал Мехчагарон считался находившимся вне старого города. В пользу локализации ворот у мазара Ходжа Хофизи Бухори говорит также народное предание, считающее, что именно здесь находились ворота Наубахор, название которых это предание — вероятно, вполне справедливо — не связывает с Мазарскими воротами[72]. Подтверждает эту локализацию и рельеф местности. Хотя он и не дает четких границ шахристана, вследствие того, что здесь возвышенная часть города почти незаметно переходит к лежащей на восток равнине, но все же небольшое понижение почвы ощущается именно около этого мазара[73].

И. И. Умняков считает восточными воротами шахристана упомянутые арабскими географами ворота Боб-ал-мадина. Их локализация подкрепляется им лишь ссылкой на то, что «это

---

[71] Наршахи, История Бухары, стр. 76. Текстуально это изложено следующим образом: و دروازهٔ هفتم را در نو خوانند باین معنی که در آخر درهای شارستان است (Description..., p. ٥٦).

[72] В. В. Бартольд говорит, что, по Истахри, «места, называемые Наубахар» находились как в шахристане, так и в предместьях (W. Barthold, Bukhara, S. 811).

[73] В. А. Шишкин и Л. И. Рempель также локализуют седьмые ворота на дороге, идущей от Пассажа ювелиров на восток.

согласуется с данными о местоположении других ворот шахристана и с описанием у Наршахи границ квартала, некогда принадлежавшего дехкану Хына»[74]. При недостаточной ясности вопроса о местоположении квартала дехкана Хына и исчезновении с течением времени указанных Наршахи ориентиров, мы, как говорит В. В. Бартольд, «о местоположении ворот (шахристана. — *О. С.*)... из текста Наршахи не получаем точного понятия», и лаконичность этой мотивировки И. И. Умнякова делает ее очень мало убедительной.

Следует заметить, что пропущенные Наршахи ворота не могли следовать за воротами Нау, так как ворота Нау определенно названы у Наршахи последними, а ворота Атторон — первыми.

В. В. Бартольд и И. И. Умняков считают, что у Наршахи названы также „Ворота шахристана", соответствующие „Боб-ал-мадина" у арабских географов. Однако это мнение, по-видимому, является плодом недоразумения. Мы не находим названия „Ворота шахристана" ни в литографических изданиях текста Наршахи, ни в переводе Н. Лыкошина. Лишь у Шефера имеется выражение در شهرستان, однако по контексту ясно, что оно употреблено в значении имени нарицательного: при описании улиц, находящихся по левую и по правую руку человека, входящего через ворота Атторон в шахристан, в первом случае сказано: „когда войдешь в шахристан", а во втором—„когда войдешь в ворота шахристана"

(چون به شهرستان اندرآئی نخستین کوی که بدست چپ است آنرا کوی رندان خوانند ...و چون از در شهرستان اندر آئی بدست راست کویست آنرا کوی وزیر ...خواند)[75]

Из этого ясно, что в данном тексте нет и речи еще об одних воротах шахристана, которые должны были бы, в таком случае, располагаться после ворот Атторон. С недопускающей сомнений определенностью Наршахи говорит: „а когда пройдешь ворота Атторон, пойдут ворота Бану-Асад..." (و چون از در عطاران بگذری در بنی سعد آید)[76]

* * *

Проделанное нами исследование позволило наметить местонахождение ворот шахристана, что уточняет наше представле-

---

[74] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 151.

[75] Наршахи, История Бухары, стр. 70; Description..., p. ٥٢

[76] Там же, стр. 71; Description..., p. ٥٣

ние об облике Бухары в тот период, когда только началось превращение ее в город феодальный.

Бухара VIII в. представляла собой небольшое городское поселение, вся площадь которого ограничивалась территорией шахристана, по определению В. А. Шишкина, равняющейся 30—35 *га*.[77].

Как показывает «История Бухары», даже и эта незначительная территория далеко не вся была занята застройкой: некоторые кварталы (вероятно, окраинные) «были отделены и удалены друг от друга, подобно селениям»[78]. Очевидно, многие из кварталов, если не все, представляли собой замкнутую территорию и имели запиравшиеся на ночь ворота, что характерно для многих стран Востока в период средневековья. В. В. Бартольд отмечает это в отношении городов Передней Азии[79]. Нам известно, что ворота, преграждавшие вход в квартал, были в городах и селениях Средней Азии еще в XIX в.[80]. Подобные факты известны и для Бухары XIX—начала XX в. Такие ворота имел, например, квартал Хонако, где жили джуйбарские ходжи, а также некоторые другие жилые кварталы и пригородные кишлаки. Для обозначения квартальных ворот в Бухаре имелся и специальный термин—«дарвозайи калон» — «большие ворота»[81]. У нас есть основания думать, что ворота защищали вход в квартал также и в древней Бухаре. Наршахи, описывая квартал, принадлежавший Але, говорит: «Он отстроил улицу (или квартал) Ала у ворот Ала и обработал это огороженное пространство» (خطير ه).[82]

Возможно, воротами, преграждавшими вход в квартал, были и некоторые другие, названные Наршахи без всяких указаний, например, «Ворота Хасана».

Город и его кварталы не утратили еще к началу VIII в. своего сельского облика. Его жители занимались земле-

---

[77] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 11.

[78] Наршахи, История Бухары, стр. 69.

[79] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 27—28.

[80] О наличии таких ворот в сел. Исфаре автору сообщила Е. М. Пещерева. См. также Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, М., 1954, стр. 18.

[81] Этнографические сведения о Бухаре XIX — начала XX в. говорят о том, что территория квартала в это время замыкалась не особой оградой, а стоявшими по обеим сторонам улицы домами. Примыкая друг к другу своими задними стенами, они смыкались с задними стенами домов соседнего квартала. Ворота стояли в конце улицы, на которую выходили все дома и тупички, составлявшие квартал.

[82] Наршахи, История Бухары, стр. 71; Description..., p. ٥٣.

делием. Их пашни находились на территории шахристана, что видно из текста источника: вынужденные по соглашению с Кутейбой отдать арабам половину города (шахристана), они отдали им „дома и поля (поместья)" (ضياع множественное число от ضيعة)[83].

Упомянутый Хасан сын Ала, может быть, знатный араб из обитавшего в этом районе шахристана племени Бану-Саъд (на это указывает прибавленный к его имени эпитет «саъди»)[84], отстроив улицу, «все это огороженное место обработал; каждый месяц с этого огороженного места он получал доход в 1200 динаров; в этом шахристане он имел и (другие) доходные участки»[85]. Термин, которым обозначались эти участки (مستغلات), показывает, что и на них высевалось зерно.

Описание хозяйства Хасана сына Ала позволяет предположить, что таким же образом использовал свои земли, занимавшие «четвертую часть внутреннего города», упоминающийся в той же главе дехкан Хына, названный при обращении в мусульманство Ахмадом[86].

Бухара эпохи арабского завоевания была городом, находившимся в самом начале своего феодального развития, когда характерным было «нерасчлененное единство города и деревни»[87] и проникновение в город деревенских отношений.

Весьма важным для характеристики Бухары начала VIII в., а также несколько более раннего периода, нужно считать сообщение о том, что имелся единственный базар, находившийся вблизи города. Это свидетельствует о слабом развитии торговли, следовательно, и о незначительном объеме

---

[83] Наршахи, История Бухары, стр. 69; Description..., p. ٥١.

[84] В противоречии с чтением этого слова Н. С. Лыкошиным и редактировавшим его перевод В. В. Бартольдом, а также с передачей этого эпитета большинством рукописей и литографий, но в соответствии с текстом Шефера, А. Ю. Якубовский читает этот эпитет, как سغدى — согдиец. Первое чтение подкрепляется тем, что весь этот рассказ связан с воротами Бану-Саъд, названными, вероятно, по имени того арабского племени или рода, которому была отдана эта часть города. На арабское происхождение Ала может указывать также написание его имени (علاء). Его роль богатого землевладельца вызывает, однако, ассоциацию с упоминаемым Наршахи дехканом Хына и заставляет автора настоящих строк считать возможным и чтение سغدى. Это чтение дает и Р. Фрай, основываясь на тегеранском издании источника.

[85] Наршахи, История Бухары, стр. 71; Description..., p. ٥٢ Это важное место приведено в переводе А. Ю. Якубовского, более точном (История народов Узбекистана, т. 1, стр. 210).

[86] Там же, стр. 70; Description..., p. ٥٢

[87] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940, стр. 13.

производства продукции, в первую очередь — продукции ремесла, которая служила предметом торговли с сельскими жителями. При сохранении кварталами города облика селений и значительном развитии в нем сельского хозяйства, в том числе и возделывания зерновых культур, это вполне естественно.

Производимое в городе зерно шло на удовлетворение спроса горожан (Хасан сын Ала продавал его) и снижало импорт его из селений. А. Ю. Якубовский был совершенно прав, когда говорил: «Что касается торгового обмена между шахристаном и сельской округой, то едва ли он в то время был велик»[88]. Все же торговые связи с сельским населением сделались регулярными. Нахождение базара вне городских стен говорит о том, что его основной функцией была тогда не внутригородская торговля, а обмен между городом и сельскими районами.

Таким образом, данные, характеризующие Бухару начала VIII в., показывают, что на начальных этапах феодализма городская жизнь была развита еще очень слабо. Процесс отделения города от деревни, торговли и ремесла от сельского хозяйства, который на дальнейших этапах истории феодального общества определил собой многие черты его исторического развития, в этот период находился еще в зачаточном состоянии.

---

[88] История народов Узбекистана, т. I стр. 214.

ОЧЕРК ВТОРОЙ

К ВОПРОСУ О БУХАРЕ X—XII вв.

Современная Наршахи Бухара X в. сильно отличалась от того города, который застали арабы. Истекшие после их нашествия два с лишним столетия были периодом развития феодальной формации.

Общественно-политические условия, сложившиеся в Средней Азии в IX—X вв., способствовали развитию производительных сил, состояние которых в этот период вело к росту товарности производства, усилению торговли и, как следствие этого, к развитию процесса отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, к развитию городской жизни. Эти условия были особенно благоприятны для столицы образовавшегося на территории Средней Азии феодального государства Саманидов. Бухара превратилась в политический центр страны, и была, по отзыву географа Истахри, самым многолюдным городом в Мавераннахре и Хорасане.

Развитие в Бухаре ремесла и торговли сделало ее важным экономическим центром.

Наршахи описывает развитое товарное производство тканей, отличавшихся высоким качеством. По его словам, «ни в одном городе Хорасана не умели ткать таких хороших материй»[89]. Бухарские ткани служили предметом экспорта: «В Бухару приезжали торговцы и... отсюда вывозили материи в Шам, Египет и города Рума»[90].

Искусство бухарских мастеров было предметом подражания. Бухарцы выезжали в Хорасан, пытаясь, но неуспешно, наладить там производство столь же качественных тканей, которые охотно употребляли высшие слои общества: «не было царя, эмира, раиса, чиновника, который не носил бы одежды из этой ткани».

---

[89] Наршахи, История Бухары, стр. 30; Description..., p. ١٨

[90] Там же, стр. 29; Description..., p. ١٧

Наршахи сообщает также о крупном ткацком заведении (بیت الطراز), которое находилось около соборной мечети, между цитаделью и шахристаном. В нем изготовлялись особо ценные ткани, которыми выплачивалась подать со всей Бухары арабскому халифу. По словам Наршахи, из Багдада ежегодно приезжал за этими тканями специальный чиновник (عامل). По-видимому, это заведение (کارگاه) было создано правительством специально для этой цели. Оно существовало еще при Наршахи, о чем совершенно определенно говорит название главы: „Ткацкое заведение, которое в Бухаре было и еще существует“ [91](بیت الطراز که در بخارا بوده و هنوز بر جایست)

Это показывает, что сообщение о закрытии мастерской и прекращении производства принадлежит не Наршахи, а более позднему автору, вероятно, Абунасру-Ахмаду Куббави[92]. Можно думать, что изменения в экономике, происшедшие за два века — с X по XII — сделали полностью устаревшей описанную Наршахи форму организации ремесленного производства.

После того как мастерская прекратила свое существование, „мастера рассеялись“ (پراکنده شدند). Однако ремесло, в особенности ткацкое, в XII в. не находилось в упадке.

Это видно из текста источника, где вслед за сообщением о закрытии мастерской, говорится, что в Бухаре было много хороших мастеров этого дела.

[93](و اندر شهر بخارا استادان بودند معین مر این شغل را)

Очевидно, мастерство ткачей нашло себе применение в их собственных маленьких мастерских, наиболее типичных для феодальной промышленности.

Выработкой тканей занималась и сельская округа Бухары[94]. Во многих селениях имелись базары, на которых осу-

---

[91] Наршахи, История Бухары, стр. 29; Description..., p. ١٨

[92] Р. Фрай, основываясь на тегеранском издании 1939 г., последнюю часть фразы (و هنوز بر جایست) опускает. Несомненно, гораздо вероятнее предположить ее пропуск при позднейших переписках, чем добавление ее к старому тексту. Отсутствие этой чрезвычайно важной для понимания истории ремесла фразы, которая датирует изменение формы организации ремесла между X и XII вв., является большим недостатком принятого за основу Р. Фраем текста.

[93] Наршахи, История Бухары, стр. 29; Description..., p. ١٨.

[94] Там же, стр. 20—24; Description..., p. ١١—١٢

ществлялся сбыт продукции сельского ремесла, также носившей товарный характер.

Описание сельских базаров, содержащееся в «Истории Бухары», не оставляет сомнений в том, что внутренний рынок страны также стал к этому времени значительным.

Развитие ремесла и торговли в г. Бухаре оказало решающее влияние на развитие городской жизни.

Бухара X в. была уже развитым феодальным городом, со всех сторон окруженным ремесленными и торговыми рабадами.

Шахристан еще продолжал выделяться. Поддерживалась окружавшая и защищавшая его стена, сохранились ворота, что свидетельствует о сохранении за шахристаном важных функций.

Однако не шахристан определял собой характер города в эту эпоху. Становление феодального города, по утверждению В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, было связано с образованием и развитием рабадов.

Рабады были той частью города, где концентрировались рынки и мастерские ремесленников.

Степень развития рабадов в первую очередь свидетельствовала о том, насколько далеко зашел процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства.

Государство было заинтересовано в развитии городской жизни и производительных сил города и стремилось создать для этого условия, прежде всего обеспечить безопасность его жителей.

Уже в середине IX в. Бухара со всеми ее рабадами была обнесена стеной[95], что знаменовало собой окончательное оформление ее как города феодального.

Дальнейшая история строительства стен бухарского рабада нам известна по труду Наршахи, дополненному более поздними интерполяциями, которые доводят описание событий до 1220 г., сообщая о разрушении городских стен войсками Чингиз-хана[96].

Однако содержащиеся в этом источнике сведения неполны. В нем ничего не говорится о строительстве второго кольца стен, существование которого отмечают арабские географы X в.[97] «История Бухары», сообщая о том, что городская стена неоднократно повреждалась, возведение второго кольца, охватившего бо́льшую территорию, приписывает Арслан-хану[98]. Строи-

---

[95] Наршахи, История Бухары, стр. 47; Description..., p. ٣٣

[96] Там же, стр. 48; Description..., p. ٣٢.

[97] W. Barthold, Bukhara, S. 811.

[98] Наршахи, История Бухары, стр. 47; Description..., p. ٣٣.

тельство новых стен между X и XII вв. свидетельствует, что территория города к этому времени значительно расширилась. Однако где проходили эти стены и каковы были этапы роста территории города между X и XII вв. — остается неизвестным. Локализация определяющей размеры города линии стен. рабада, а также городских ворот — труднейшая, но очень важная задача исследования исторической топографии, без разрешения которой остается неясным вопрос о динамике роста города.

Как известно, процесс и темпы роста рабада г. Самаркан-да, который после разрушения его войсками Чингиз-хана пере-двинулся на другое место, выяснены в основных чертах археологами довольно точно по линии городских стен различных периодов. В отношении г. Бухары, остававшейся в течение всего своего существования на одном месте, решение этого вопроса гораздо более сложно вследствие невозможности установить археологическим путем линию старых стен на территории, занятой городской застройкой. Поэтому изучение этого вопроса для Бухары осуществлялось по данным письменных источников. Исследование это пока далеко от завершения, хотя к настоящему времени уже накопилось много фактов и решены отдельные вопросы.

Обратимся к истории исследования стен и ворот рабадов г. Бухары.

В. В. Бартольд и И. И. Умняков сделали попытку сопоставить ворота, сохранявшиеся в конце XIX—начале XX в., с теми, которые упоминают арабоязычные географы:

„Ворота Площади соответствовали нынешним воротам Каракульским
„ Ибрагима „ „ „ Шейх-Джеляль
„ Рив „ „ „ Намазга
„ Мердкушан „ „ „ Салля-ханэ
„ Келябад „ „ „ Кауаля (Каршинским)
„ Наубехарские „ „ „ Мазарским
„ Самаркандские „ „ „ Самаркандским
„ Фегаскунские „ „ „ Имамским
„ Рамитанские „ „ „ Углан
„ Хадширунские „ „ „ Талипач
„ Гушедж „ „ „ Ширгиран[99].

---

[99] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 105; И. И. Умняков, указ. соч., стр. 153.

Ни тот, ни другой автор не сделали оговорки, что если и можно сопоставлять ворота X—XII вв. с воротами XVI—XX вв., то было бы неправильным их отождествлять. Ворота X—XII вв., стоявшие на тех же самых дорогах, что и ворота XVI—XX вв., помещались, конечно, не на том же месте.

При неоднократных перестройках стен города в него включались новые, раньше остававшиеся за его чертой участки, менялась самая конфигурация территории. Естественно, что при этом значительно изменялось и местоположение ворот, которые оказывались ближе или дальше по отношению к центру города, в зависимости от размеров последнего в различные периоды, когда строились заново городские стены.

При этом ворота могли менять свое название, оставаясь на старом месте, так же как старое название могло переноситься на новые ворота, которые, будучи поставленными в новой стене на той же дороге, что и старые, принимали на себя название последних. Так, например, в течение второй половины XIX в. ворота Каволяйи-гач, оставаясь на том же месте, изменили свое название на «ворота Карши». Самаркандские же ворота сохраняли свое старое название в течение многих веков, хотя неоднократно перемещались в связи с перестройками стен

Таким образом, мы должны констатировать, что работы В. В. Бартольда и И. И. Умнякова не решают вопроса о границах города X в.

Требует пересмотра также вопрос о порядке, в котором были расположены ворота города этого периода. Их сопоставление с современными было сделано В. В. Бартольдом лишь на основании порядка перечисления ворот у Истахри. Нельзя, однако, не заметить, что некоторые из сопоставлений В. В. Бартольда стоят в противоречии с теми указаниями, которые мы находим в труде Наршахи или, вернее, в добавлениях, которые были сделаны к нему Абунасром-Ахмадом Куббави.

Эти противоречия, о чем речь будет ниже, ставят под сомнение правильность решения В. В. Бартольдом вопроса о порядке расположения ворот рабада и свидетельствуют о необходимости дополнительной его разработки.

Если труден и остается нерешенным вопрос о порядке расположения ворот, то еще сложнее задача их локализации на реальной территории города.

Труд Наршахи в этом отношении почти ничего не дает. Подробно описывая ворота шахристана, представлявшие уже при жизни автора интерес не столько практический, сколько исторический, он не перечисляет ворот рабада. Даже отдельные упоминания о них встречаются в этом источнике редко и не всегда принадлежат самому Наршахи.

В «Истории Бухары» названы четверо ворот, которые могут относиться к воротам рабада: Самаркандские, Ибрагим, Маъбид и ворота, название которых сходно с названием седьмых ворот шахристана — Нур, Нун или Нау.

Вопрос о северных (Самаркандских) воротах, упоминаемых также арабскими географами, не требует особого исследования: это же название носили и ворота XVI—XX вв., что, как справедливо указывает И. И. Умняков[100], свидетельствует о тесном общении, существовавшем между Бухарой и Самаркандом в течение последнего тысячелетия.

Надо лишь заметить, что в течение этого времени Самаркандские ворота могли не раз перемещаться. В «Истории Бухары» содержится ясное свидетельство о многократных перестройках стены и до Арслан-хана и после него. Возможно, она охватывала при этом то большую, то меньшую территорию, в зависимости от чего ворота должны были оказываться то севернее, то южнее. Как удалось установить для более позднего этапа истории этих стен, Самаркандские ворота в начале XVI в. находились значительно южнее, чем они оказались в конце этого века после перестройки стен[101].

Уточнить, на каком именно месте дороги, ведущей из Бухары в сторону Самарканда, стояли эти ворота в X и в XII вв. пока не представляется возможным.

Ворота Ибрагим, названные и арабоязычными географами X в., упомянуты в «Истории Бухары» в связи с сообщением об основании Шамс-ал-мулком (ум. в 1080 г.) сада Шамсабад и превращении этого сада в место праздничной молитвы (намаз-гох) Арслан-ханом (1102—1130)). Из этих дат видно, что данное сообщение принадлежит не Наршахи, а скорее всего Абу-насру-Ахмаду Куббави. Таким образом, засвидетельствовано, что название ворот было одинаково в X и в XII вв.

В тексте «Истории Бухары» говорится: «Малик Шамс-ал-мулк купил много участков земли у ворот Ибрагим и разбил там великолепные сады... назвал это место Шамсабад»[102]. В другом месте сказано: «Арслан-хан приказал, чтобы праздничное богослужение производилось вблизи города... У ворот Ибрагим был сад, принадлежавший царям, который назывался Шамсабад. Этот сад был запущен, и поэтому там занимались земледелием. Хакан тюркский приказал огородить все это место, и его окружили высоким забором, сделали минбар и михраб из жженого кирпича... Это было в 513 г. хиджры», т. е. в 1119 г.[103]

---

[100] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 153, прим. 5.

[101] Подробнее об этом см. в очерке третьем первого раздела.

[102] Наршахи, История Бухары, стр. 40; Description..., p. ٢٧

[103] Наршахи, История Бухары, стр. 69; Description.., p. ٥١

Как известно, бухарский намазгох, до настоящего времени сохраняющий остатки некоторых возведенных при Арслан-хане зданий[104], помещается за воротами Намазгох, что и определило их название. Из этого следует, что ворота Ибрагим должны соответствовать не Шайх-Джалольским, а воротам Намазгох (см. приложение 1).

Третье упомянутое в «Истории Бухары» название ворот, которое может относиться лишь к воротам рабада, — это ворота Маъбид.

Рассмотрим соответствующие места из текста «Истории Бухары».

Одно из них гласит: „Могила Афрасиаба находится в Бухаре, у ворот Маъбид, на большом кургане, прилегающем к кургану Ходжи Абухафса великого“

(و گور افراسیاب در در شهر بجارا است بدروازهٔ معبد بر آن تل بزرك كه پیوسته است بتل خواجه ابو حفص كبیر)[105]

Этот текст принадлежит, как и сообщение о саде Шамсабад, не Наршахи, а Абунасру-Ахмаду Куббави, о чем свидетельствует имеющаяся в этом отрывке ссылка на сообщение Наршахи, противопоставляемое тому, что говорится „в персидских книгах“[106].

Так как и могила Абухафса и холм мифического царя Афрасиаба сохранились под теми же названиями до наших дней (см. приложение 1), локализовать ворота Маъбид нетрудно: они лежали на дороге, проходившей через сохранившиеся до наших дней Имамские ворота (Хазрат Имом), которые получили такое название потому, что через них пролегала дорога к этому популярному в старой Бухаре мазару.

Это сопоставление сделал и В. В. Бартольд, считавший, что, «по-видимому, ворота Ма'бида тождественны с Фегаскунскими или нынешними Имамскими»[107].

Название ворот Маъбид встречается в нашем источнике еще дважды, но в менее ясном контексте. Необходимо отметить, что оба раза они упоминаются в связи с регистаном.

В тексте, принадлежащем, вероятно, Наршахи, говорится: «Все место, простирающееся от западных ворот крепости (т. е.

---

[104] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 38—42 В. А. Нильсен, Бухарский намазгох, стр. 74.

[105] Наршахи, История Бухары, стр. 25; Description..., p. 15

[106] Наршахи, История Бухары, стр. 25.

[107] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 104. Следовало бы оговорить, что ворота не тождественны, а лежали на той же дороге.

цитадели.— *О. С.*) до ворот Маъбид, в Бухаре называется регистаном.[108]

В рассказе об учреждении Кутейбой первого места праздничной молитвы на регистане без всякой связи с предшествующим текстом, где рассказывается о выходе мусульман на молитву и не упоминается никаких ворот, сказано: «Эти ворота называли воротами дворца Маъбида. Этот Маъбид-ал-Хайл был эмиром Бухары»[109].

Несмотря на неясность этого текста и отсутствие данных о границах регистана в X—XII вв. (когда он мог быть значительно больше современного), приведенные отрывки дают возможность заключить, что ворота Маъбид были воротами рабада, т. к. регистан располагался вне шахристана. Находясь на той же дороге, что и ворота Хазрат Имом, ворота Маъбид должны были стоять южнее последних, однако они не могли находиться и на границе современного регистана, т. к. в первом упоминании этих ворот ясно сказано, что могила Абухафса находится у ворот Маъбид.

Название ворот («место поклонения») объясняется тем, что через них пролегал путь паломников к мазару.

Связь ворот Маъбид с регистаном, устанавливаемая источником, заставляет предполагать, что они находились не во внешней стене рабада, а во внутренней, более ранней, которая была ближе к границе регистана.

Наршахи умалчивает о наличии двойного кольца стен. Как мы видели, поставив перед собой в связи с историческим направлением своего сочинения задачу описать древнейшую часть города — шахристан, он не задавался целью изобразить современный ему город. Наличие в X в. второго кольца стен зафиксировано, однако, у Истахри. Возможно, что ворота Фегаскун и Маъбид, лежавшие на дороге, которая вела к мазару Абухафса Кабира, и были соответственно воротами внешней и внутренней стен рабада.

Ворота, около которых находится могила Абухафса, в другом месте того же источника названы иначе (Нур, Нун или Нау). Указанный при этом ориентир (могила Абухафса) свидетельствует, что это название, как и относящееся к тем же воротам название Маъбид, обозначает ворота рабада. Однако в том же отрывке мы встречаем вторичное упоминание этого названия, но уже относящегося к седьмым воротам шахристана.

Вот текст этого отрывка:

....„смерть его (Абухафса.—*О. С.*) последовала в 217 (832)

---

[108] Наршахи, История Бухары, стр. 36; Description..., p. ٢٨

[109] Там же, стр. 68; Description..., p. ٥١

году, могила его известна у ворот Нур (Нау, Нун)...и этот холм называют холмом Хаджи Имама Абухафса... землю этой могилы люди почитают священной, эту местность называют воротами Хакк-рах..., потому что сюда люди приходили за фетвами к Ходже Абухафсу... Фетва обозначалась словом „хакк", поэтому за кварталом упрочилось это название. Седьмые ворота называли воротами Нау, потому что это— последние из всех ворот шахристана"

(وفات او به تأريخ دويست و هفتده بوده است و خاك او بدروازهٔ نو (نور) معروف است و آن تل را تل خواجه ابو حفص خوانند و مردمان بدان خاك تبرك كنند و آن موضع را در حقره بدان ميخوانند كه مردمان فتوى آنجا بر دندى تزديك خواجه ابوحفص ...فتوىرا حق خوانده اند از اين جهت حقره را حق خواستهاند و دروازهٔ هفتم را دروازهٔ نو خواندهاند باين معنى كه در آخر درهاى شارستان است)[110]

Из этого отрывка видно, что речь идет не об одних воротах, а о двух. Текст явно перепутан, вероятно, переписчиками труда.

Второе упоминание в этом тексте ворот Нау, где они названы воротами шахристана, понятно: рассказ является непосредственным продолжением главы, в которой описываются в определенном порядке, друг за другом, все семь ворот шахристана. Фраза, содержащая упоминание о местности Хакк-рах, связываемой с жилищем Абухафса, по-видимому, продолжает начатое тремя страницами раньше описание носящих это название ворот шахристана (ворот Хакк-рах). Наршахи объясняет их название тем, что около них находилось жилище Абухафса[111], к которому приходили люди. Конечно, они приходили не к могиле Абухафса, как это можно понять из цитированного выше отрывка, а к его жилищу, описание которого дано выше, где и надлежало находиться этой фразе об употреблении слова «хакк» в смысле «фетва». Каким образом попало сюда упоминание о воротах, около которых находилась могила Абухафса (т. е. воротах рабада), понятно: сообщением о месте его захоронения заканчивается длинный рассказ или, вернее, несколько разновременных рассказов об Абухафсе, причем в качестве ориентира для его могилы назван такой заметный элемент топографии, как городские ворота.

И. И. Умняков, первый локализовавший ворота Нур, Нау или Нун около могилы Абухафса, неправильно считал, однако,

---

[110] Наршахи, История Бухары, стр. 76; Description..., p. ٥٦

[111] См. очерк первый данного раздела.

что этот ориентир относится к воротам шахристана. Он не заметил здесь противоречия с реальной топографией города, так же как и противоречий в самом тексте.

Таким образом, ворота рабада, для которых в «Истории Бухары» указан известный нам ориентир — могила Абухафса, — упомянуты источником под двумя названиями: Маъбид и Нур (Нун или Нау). Ни то, ни другое название не упоминается в числе названий ворот рабада описавшими Бухару географами X в., и вопрос о названии ворот, около которых находилась могила Абухафса, требует дополнительного рассмотрения.

Проще всего было бы объяснить упоминание названия Нур (Нун, Нау) в связи с могилой Абухафса как следствие путаницы, перенесения на ворота рабада названия упоминаемых ниже ворот шахристана. Однако это не так. В другом месте нашего источника мы находим подтверждение того, что имелись ворота рабада, носившие имя, сходное с названием седьмых ворот шахристана. «У ворот Нур, — читаем мы, — есть земля, называемая Кораки-алавиён... Это место — Кораки-алавиён—оставалось имением царя до царствования Насир-хана сына Томгач-хана, который отдал эту землю ученым, потому что земля эта находилась вблизи города и изучающим шариат здесь было легче заниматься земледелием»[112]. Из этого отрывка ясно, что земли были расположены в сельской местности и, следовательно, упоминаемые здесь ворота Нур были воротами не шахристана, а рабада.

Можно предположить, что название Маъбид (буквально: «место поклонения»)[113], употреблялось как второе название тех ворот, за которыми находился почитаемый мазар — могила Абухафса. Может быть, там была и другая, более ранняя святыня, вокруг которой образовалось то кладбище, где в свое время похоронили Абухафса.

Название Нур, Нун или Нау, примененное в нашем источнике к двум различным воротам, одни из которых были воротами шахристана, а другие — воротами рабада, видимо, первоначально, не было идентичным, а лишь сходным и притом, вероятно, не в произношении, а в написании. Этим и объясняется наличие в источнике трех вариантов — Нур, Нун и Нау, различия между которыми более поздние переписчики этого популярнейшего в Бухаре исторического сочинения уже не осознавали.

---

[112] Наршахи, «История Бухары», стр. 39—40.

[113] Содержащееся в «Истории Бухары» (стр. 35) объяснение, что это название произошло от имени арабского эмира Маъбид-ал-Хайл (буквально: «место поклонения конницы») кажется очень мало вероятным. Возможно, это место является интерполяцией, принадлежащей более поздним переписчикам книги.

Если ворота шахристана назывались «Нау (новые) в том смысле, что это последние ворота шахристана», то ворота рабада, возможно, носили название Нур, как это засвидетельствовано у арабоязычных географов (правда, в качестве названия ворот шахристана)[114].

Установив на какой дороге лежали ворота Маъбид, они же ворота рабада Нур (принимаем это чтение условно), мы можем, хотя и очень приблизительно установить местоположение их по указанному в источнике ориентиру. Для уточнения вопроса необходимы специальные археологические исследования.

О местонахождении остальных ворот рабада того времени, когда жили Мухаммад Наршахи и Абунаср-Ахмад Куббави, наш источник не сообщает никаких данных. Мы видели, что привлекавшие другие сочинения X в. В. В. Бартольд и И. И. Умняков также не смогли не только локализовать упомянутые в них ворота на реальной территории, но и сопоставить их достаточно точно с современными воротами: если, как было доказано, неверно сопоставление ворот Ибрагим с воротами Шайх-Джалоль, то сомнительны и все прочие сопоставления, сделанные лишь на основании порядка упоминания ворот у Истахри.

Значительный шаг вперед в изучении вопроса о границах города сделал В. А. Шишкин, который широко привлек данные по археологии и топографии города и по-новому решил вопрос о границах рабада Бухары X в.

По его догадке, границы города IX—X вв. «намечают известные в настоящее время старые кладбища: Чашма-Аюб, Ходжа-Чоршанбе, Турки-Джанди, Ходжа-Булгар, Ходжа Нурабад и Ходжа Сесарон; каждое из них было расположено за одними из городских ворот. Таким образом, границы города грубо определяются ломаной линией, проведенной от восточного угла кладбища Чашма-Аюб к кладбищу Ходжа-Гунджар и Ходжа-Чоршанбе. Южная граница проходила от северо-восточного угла кладбища Ходжа-Чоршанбе к северному краю кладбища Турки-Джанди («зеленый базар»), отсюда к кладбищу Ходжа-Булгар и местности Кал-абад, что обозначало южную и восточную границу. Затем от Кал-абада, минуя остающуюся к северу заболоченную низину у кладбища Ходжа Нура-бада, к мазару Авлийойи Кабир (место древней башни Айяр), отсюда к южному краю кладбища Чашма-Аюб»[115] (см. приложение 1). Это остроумная догадка, основанная на изучении топографии города в натуре, несомненно, в основном верна. Одна из таких намеченных В. А. Шишкиным точек север-

---

[114] И. И. Умняков, указ. соч., стр. 154.

[115] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 18—19.

ной границы города лежит, примерно там, где помещались, как сказано выше, ворота Маъбид (Нур). Однако положения В. А. Шишкина нуждаются в уточнениях.

Прежде всего, сомнения вызывает слишком категорическая датировка им того города, который очерчен местонахождением этих кладбищ. Ни у Наршахи, ни у арабских географов указанные В. А. Шишкиным кладбища не упомянуты, и вопрос о том, существовали ли все они в X в. и когда они образовались остается нерешенным. Известны даты смерти некоторых лиц, похороненных на этих кладбищах и в ряде случаев давших им свое имя.[116]. Однако вряд ли можно утверждать, что время захоронения «святых» было датой образования кладбищ. Вернее, кладбища существовали на этом же месте раньше, поэтому там и было совершено захоронение. Остается недоказанной и одновременность зарождения всех этих кладбищ.

Нужно думать, что в X в. — а может быть и в самый момент образования — не все названные кладбища без исключения находились за стенами города: некоторые из них могли зародиться внутри города, подобно тому как внутри города появилось немало кладбищ в более позднее время. Другие, образовавшись вне города, к IX—X вв. могли оказаться уже внутри него в результате расширения его территории, — и это не изменяло их функции. Как известно, почти все перечисленные В. А. Шишкиным кладбища, находясь не только в черте города, но и в его центре (как например, кладбища Ходжа-Чоршанбе и Турки-Джанди), продолжали функционировать вплоть до первых лет революции, когда захоронения в черте перенаселенного города были запрещены из санитарных соображений.

Кладбища могли не только функционировать, но и образовываться в пределах города. Это доказывается тем, что именно в Бухаре, как нигде в другом месте, был распространен обычай захоронений внутри города, поблизости от жилых комплексов или даже в них самих. Несмотря на издавна определившуюся и широко известную тесноту и скученность, в Бухаре еще в XX в. продолжали возникать новые кладбища, носившие обычно семейно-родовой характер. Знать и богачи приобретали в этом «благородном» городе участки земли, строили мавзолеи,

---

[116] По „Книге Мулло-зода" Ходжа Булгори был младшим современником Абдулхолика Гиждувани [كتاب ملازاده стр. ٦٦ (66)]; Ходжа Гунджор (Абуабдулло-Мухаммад Бухори) умер в 412/1021 — 1022 г. [там же, стр. ٢٧ (27)]. Турки-Джанди (Ходжа-Джанди) назван сподвижником Абуисхока Калободи [там же, стр. ٣٨ (38)], который умер в 380/990—991 г. [там же, стр. ٦٢—٦٣ (62—63)].

при которых иногда была одна-две кельи для студентов медресе, и хоронили там членов своей семьи, предназначая эти мавзолеи и для самих себя. Известен, например, мавзолей, построенный в одном из кварталов района медресе Газиён чарджуйским беком в начале XX в.

Нахождение кладбищ не только внутри рабада, но и внутри шахристана засвидетельствовано и в «Истории Бухары», где говорится (в отрывке, принадлежащем, по-видимому, Абунасру-Ахмаду Куббави), что в расположенном около ворот цитадели квартале шахристана Фагсадра, после того как он был разрушен, появились кладбища[117].

В Бухаре захоронения производились не только на специально отведенных для этого участках, но и в жилых домах. Автору настоящей книги пришлось видеть небольшое семейное кладбище около могилы предка семьи—«святого» Сейида Абулхасани Хамадони в квартале Дегрези, находившемся на территории шахристана, в наиболее густо заселенной части города. На этом кладбище, помещающемся во внутреннем дворике дома и отделенном от жилой части каркасной стенкой, в которой проделана маленькая дверца, похоронены, кроме самого «святого», дед и отец ныне живущего последнего представителя мужчин этой семьи, также мечтающего лечь с ними рядом.

Такие кладбища образовывались не только вокруг могилы «святого». Старики сообщают, что, бывало, человек завещал похоронить себя в своем доме, говоря: «я отсюда не выйду» (ман аз инджа намебром). В таком случае выделялась какая-нибудь отдаленная часть двора, обносилась изгородью, нередко там возводилась легкая постройка, а остальная часть дома продолжала жить своей обычной жизнью, и обитатели его из суеверного страха перед гневом и наказанием со стороны духа умершего следили за тем, чтобы поблизости от могилы не произошло что-нибудь непристойное. И. Т. Пославский, наблюдавший Бухару в конце прошлого века, пишет: «Каждого, кто внимательно осматривал г. Бухару и заглядывал в открытые иногда двери и ворота наружных дворов, поражает необыкновенно большое количество кладбищ в городе и, кроме того, отдельных могил во дворах. Прежде, когда-то, говорят, фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома»[118].

Факты захоронения при домах известны для Бухары и из старых письменных источников. В «Книге Мулло-зода» сообщается о захоронении в собственном доме только что упомянутого

---

[117] Наршахи, История Бухары, стр. 72; Description..., p. 57

[118] И. Т. Пославский, указ. соч., стр. 78.

«святого» Сейида Абулхасани Хамадони[119], смерть которого, по этому источнику, произошла в 395/1004—1005 г. К фактам подобного рода следует отнести сообщение Наршахи о захоронении во дворце Варахши убитого там правителя, сына Тахшады[120].

Все это свидетельствует о том, что традиция захоронений внутри жилого комплекса, как известно, мало совместимая как с исламом, так и с зороастризмом, имела в Бухаре очень древние корни.

Подведем некоторые итоги работы по изучению вопроса о рабаде Бухары X—XII вв.

1. Выявленное нами противоречие между источниками в вопросе о порядке ворот рабада X—XII вв. делает необходимым пересмотр общепринятой точки зрения на этот вопрос. Неоспоримо то, что южные ворота рабада — ворота Ибрагим — соответствовали воротам Намазгох, а не Шайх-Джалольским, как предполагал В. В. Бартольд.

2. Северные ворота рабада находились в XII в. недалеко от современных Имамских и носили название Маъбид, получив его от расположенной за ними святыни. Возможно, это название относилось к воротам, находящимся во внутренней стене рабада. Можно думать, что за этими воротами в X—XII вв. сохранилось и второе название, которое в различных списках труда Наршахи передается как Нун, Нау или Нур. Седьмые же ворота шахристана носили сходное, но отличающееся название, и это сходство в названии ворот шахристана и рабада породило ту путаницу и противоречия, которые обнаруживаются в тексте нашего источника.

3. Положения В. А. Шишкина, в принципе правильные, необходимо уточнить, в особенности в отношении датировки того города, границы которого намечаются кольцом древних кладбищ.

---

[119] كتاب ملازاده стр. ٦٨ (68). Речь идет о его первом захоронении. Тут же сообщается о перенесении его могилы в другое место, возможно, туда, где она находится в настоящее время.

[120] Наршахи, История Бухары, стр. 14; Description..., p. ٧

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

К ВОПРОСУ О БУХАРЕ XVI в.

Бухара на том этапе своей истории, который предшествовал строительству последней городской стены, сохранившейся без существенных изменений до начала XX в., оставалась неизученной. Строительство новой стены, расширившее границы города и знаменовавшее собой большие изменения во всем его облике, было важным этапом в истории Бухары. Оно представляло значительный шаг вперед по пути развития городской жизни.

Изменение размеров города, включение в него пригородных селений было, конечно, в основном обусловлено фактическим превращением последних в пригороды, в рабады.

Рабады представляют собой, как известно, неотъемлемую часть феодального города. Их развитие и рост определяли главным образом степень и темпы развития городской жизни. Рост рабадов вызывал периодические перестройки городской стены, которая в эпоху средневековья, с ее постоянными войнами и нападениями прежде всего на города, была необходимой мерой защиты горожан и обеспечивала возможность развития города и всей его хозяйственной деятельности.

Перестройка городской стены и включение при этом территории пригородных селений в черту города завершали процесс превращения бывших сельских жителей в горожан. Их земельные участки, на которых они вели земледельческое хозяйство, дававшее им более или менее существенное добавление к доходам от основного занятия — ремесла или торговли, — не могли сохраняться в прежнем виде после того, как были включены в городскую черту. Городская скученность, высокие цены на земельную площадь довольно быстро приводили к превращению большей части огородов, садов и пашен в городскую застройку. Однако неудобное расположение на окраине, существование солончаковых болот, возможность вы-

годной эксплуатации земельных участков, размещающихся по окраинам (чаще всего под посев корма для скота, который держали многие горожане), приводили к тому, что все же какая-то часть земель, включенных в городскую черту при перестройке стены, по-прежнему отводилась под сады и огороды. Таково, вероятно, происхождение пахотных земель, имевшихся в восточной и юго-западной частях Бухары вплоть до начала XX в.[121], а также названия Сабзикори (огороды), которое сохранялось за самой поздней еврейской слободой—Амиробод, указывая, что здесь раньше были огороды.

Сохранялись и отдельные, принадлежавшие знати и крупнейшему купечеству сады, которые раньше были загородными, а после перестройки стены оказались внутри города. Их обладатели, будучи достаточно богатыми, могли позволить себе роскошь наслаждаться садом, участок которого, в условиях города, был крупной ценностью. Такие сады, которые представляли собой либо значительные по размерам парки, либо массивы, составлявшиеся из нескольких расположенных рядом садов, находились в Бухаре XIX — начала XX в. в западной и восточной частях города, на территории, присоединенной к нему, несомненно, при строительстве последней стены.

Город, определившийся в своих границах постройкой этой стены, просуществовал до нашего времени. Что представлял собой город предшествовавшей эпохи? Насколько он был меньше по своей территории того города, который сложился в результате перестройки? Это было известно лишь в отношении его юго-западной части: при Абдулла-хане, т. е. во второй половине XVI в., была перестроена юго-западная часть стены, которая охватила Джуйбар[122].

Наметить старую границу на остальном ее протяжении стало возможным при сравнительном изучении исторических и этнографических материалов. Этнографическое обследование жилых кварталов позволило локализовать на территории города многие упоминающиеся в исторических источниках пункты, в том числе и такие, которые освещают вопрос о границах города начала XVI в.

Особенно богатый материал по исторической топографии города этого периода содержит «Книга Мулло-зода»[123]. Она послужила основным источником для настоящего очерка.

---

[121] Участки таких земель были зафиксированы на известном плане города, составленном около 1910 г. Парфеновым и Фениным.

[122] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 46.

Кроме того, были использованы документы, изданные в сборнике «Из архива шейхов Джуйбари» и охватывающие период от пятидесятых до семидесятых годов XVI в., а также содержащая все необходимые для нашей темы сведения опись фонда № 323 из Государственного архива УзССР, составленная покойным сотрудником Института востоковедения АН УзССР Убайдуллой Адиловым. Наиболее ранний из внесенных в эту опись документов относится к 810/1407—1408 г., несколько документов — ко второй половине XVI в., остальные — к XVII — началу XX в.[124]

Эти письменные источники, которые содержат немало упоминаний о стенах, воротах, жилых кварталах и других элементах топографии Бухары, были известны историкам и раньше. Однако использовать имеющиеся в них указания было невозможно без полного этнографического обследования города.

После того как такое обследование было осуществлено, удалось сопоставить топографические данные, содержащиеся в источниках, с топографией современного города и установить с большей или меньшей точностью местонахождение многих из указанных в источниках пунктов.

Охарактеризуем наш основной источник, позволивший установить границы г. Бухары первой половины XVI в.,—«Книгу Мулло-зода». Это сочинение, имеющееся в многочисленных рукописях и литографических изданиях, выпущенных в Кагане, написано Ахмадом бен Мухаммадом, по прозвищу Муин-ал-фукара.

В. В. Бартольд, опубликовавший выдержки из этого сочинения, дал ему положительную оценку: «Точность приводимых сведений говорит о добросовестности (автора)»[125].

Автор «Книги Мулло-зода» задался целью написать своего рода путеводитель по многочисленным бухарским мазарам, составить руководство для паломников, которое облегчило бы им отыскание святынь и дало бы некоторые сведения о тех, кто в них похоронен.

---

[123] Это сочинение (كتاب ملازاده) включено в каталог „Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР“, т. I, стр. 305. Автором использовано уже упоминавшееся литографированное издание этого труда вместе с „Историей Бухары“ Наршахи под общим названием

مرغوبهٔ نادرهٔ پسندیدهٔ زائران مسمی بملازاده و تاٴریخ نرشخی

[124] Речь идет лишь о документах, относящихся к г. Бухаре.

[125] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, СПб., 1896, стр. 166.

Предпослав описанию мазаров оговорку, что сочинение разделено на две части—описание мазаров, расположенных в самом городе и его ближайших окрестностях در نفس شهر و در فنای شهر на расстоянии приблизительно в полфарсаха, и описание мазаров, находящихся в более отдаленной округе در حوالی و نواحیٔ شهر[126]—автор не членит, однако, его на соответствующие разделы и не придерживается намеченного им порядка.

Описания начинаются от одного из крупнейших и наиболее популярных мазаров — могилы Абухафса Кабира[127], расположенной, тогда и сейчас, вне современной городской стены. Он лежит метрах в двухстах к северо-западу от Имамских ворот (см. приложение 1). От мазара Абухафса Кабира автор «Книги Мулло-зода» направляется к западу и юго-западу, затем поворачивает на восток и углубляется в самый город. Описание этой части города заканчивается мазарами, находящимися на юге от города, за пределами современных, а также старых городских стен. Из мазаров, сохранившихся до наших дней, упомянут Бобойи Порадуз, находящийся за воротами Саляххона.

Затем автор «Книги Мулло-зода» переходит к восточной части г. Бухары, где и поныне имеется многочисленная группа старых мазаров, расположенных как вне современной городской стены, так и на территории города.

Упомянув неизвестный нам мазар, находившийся «на юге махалля Калобод», он переходит к другой крупнейшей бухарской святыне—мазару шейха Сайфиддина Бохарзи, расположенному в местности Фатхабад, к юго-востоку от современных Каршинских ворот. Затем описываются, хотя и менее последовательно, в направлении с юго-востока на северо-запад остальные мазары этой части города.

Дальше автор переходит к мазарам, расположенным в северной части города, затем—в его центре и заканчивает описание западной оконечностью города, замкнув таким образом круг возвращением к той стороне, с которой он начал свой обход (см. приложение 1).

Самый отдаленный из описанных мазаров—могила Абубакра Саъда, теперь известная под именем Чорбакр, находится в селении Сумитан, к западу от города на расстоянии 6 *км*. Этот

---

[126] كتاب ملازاده стр. ١٧ (17).

[127] По данным كتاب ملازاده (стр. ١٧), Абухафс Кабир родился в 150/767 г., умер в 217/832 г. У Наршахи приводится только дата смерти („История Бухары", стр. 76).

мазар описан в той части сочинения, которая посвящена мазарам западной оконечности города.

Описывая мазары, автор «Книги Мулло-зода» нередко приводит определяющие их местоположение ориентиры, среди которых особенно важны для нашей темы упоминания о городских стенах и воротах.

Для того чтобы использовать эти ценные сведения, необходимо уточнить датировку источника. В. В. Бартольд пишет по этому поводу: «Время жизни автора неизвестно, видно, что он жил не раньше XV в.»[128]. Основанием для установления наиболее ранней даты возможного написания «Книги Мулло-зода» В. В. Бартольду послужили, несомненно, самые поздние из приводимых в этом сочинении даты смерти различных «святых»[129].

Анализ содержащихся в нем топографических данных позволяет уточнить датировку источника и определить верхнюю хронологическую границу. Из текста рассматриваемого сочинения видно, что оно написано до перестройки городской стены: в нем описывается город в его старых границах, когда еще не существовало той городской стены, которая сохранилась до наших дней.

Среди многочисленных элементов топографии, указываемых при определении местонахождения тех или иных «святынь», мы не найдем ни одного указания, относящегося к этим новым стенам. «Книга Мулло-зода» умалчивает о них при описании всех святынь, расположенных близ сохранившихся до наших дней стен и ворот города. Нет упоминания о них, например, при определении местонахождения мазаров Абубакри Тархона, Абубакри Хомида и Ходжа-Исхока Калободи, находившихся поблизости от дошедших до нас восточных стен города.

При описании могилы Абухафса Кабира ничего не говорится о городских стенах и воротах. Сказано лишь, что она находится «по правую руку того, кто идет от города по направлению на запад»[130]. Это заставляет думать, что мазар был расположен тогда довольно далеко от стен города.

---

[128] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, стр. 166.

[129] Наиболее поздней датой нужно считать 814/1411—1412 г. В каталоге «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» это сочинение датировано XVI в. (Каталог, т. I, стр. 305). Н. Д. Миклухо-Маклай считает, что автор его жил «не раньше, но и, судя по содержанию сочинения, не позднее этого столетия» (Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей, М.—Л., 1955, стр. 32). А. А. Семенов сообщил, что на основании изученных им источников он пришел к убеждению, что автор «Книги Мулло-зода» жил при Убайдулла-хане (правил с 1532 по 1539 г.).

[130] كتاب ملازاده стр. ٢٤

Отсутствует упоминание о стенах и воротах при описании оказавшихся при перестройке стен внутри города мазаров Чашма-Аюб (расположен возле самой стены, несколько западнее Угланских ворот), Исмаил Самани (мавзолей стоит у дороги, ведущей к воротам Талипоч) и Ходжа Гунджор (находится недалеко от ворот Шергирон) (см. приложение 1).

Автор «Книги Мулло-зода» ничего не говорит также о построенных в эпоху Абдулла-хана базарных купольных пассажах (тим), например, о Тиме менял или о Тиме шапочников.

Таким образом, ясно, что «Книга Мулло-зода» написана до того, как были выстроены последние городские стены.

Изучение этого источника позволяет наметить границы города предшествовавшего периода, т. е. XV—начала XVI в. Его северная граница может быть определена в нескольких пунктах.

В северо-восточной части она намечается имеющимся в «Книге Мулло-зода» упоминанием о расположенном в северной стороне города (در جانب شمالیٔ شهر) кладбище Нуробод[131] (см. приложение 1). Это кладбище, функционировавшее еще в начале послереволюционного периода, лежало, как можно заключить из текста источника, в черте города. Однако остается неясным, где именно проходила линия городской стены. Неупомянутый в источнике лепрозорий (Песхона), находившийся непосредственно за кладбищем Нуробод, конечно, образовался вне города и только в процессе роста последнего оказался включенным в городскую черту. В период написания «Книги Мулло-зода» он, по-видимому, находился еще за его пределами.

Указанный в источнике ориентир для установления местонахождения Самаркандских ворот оказался утраченным: прах „святого“ Абулхасани Хамадони, о котором говорится, что его могила находится „внутри стен, у Самаркандских ворот“ [132](در اندرون حصار بر دروازهٔ سمرقند), был перенесен в другое место, о чем сообщается вставной арабской фразой:

(توفی ببخارا فی المحرم سنهٔ خمس و تسعین و ثلثمائه و دفن فی داره بالسهله ثم رفعو اعظامه بعد عشرین او اکثر لاجل الحصار و دفنوها فی موضع آخر)[133]

---

131 كتاب ملازاده стр. ٦٦ (66).

132 Там же, стр. ٦٧ (67).

133 Там же, стр. ٦٨ (68).

«И умер в Бухаре в месяце мухаррам в году 395 и похоронили в доме его, на дворе, потом подняли с почестями через двадцать лет или больше и для сохранности похоронили его в другом месте».

По-видимому, фраза принадлежит не самому автору, а одному из переписчиков сочинения. Это видно из того противоречия, которое имеется между содержащимся в ней сообщением о перенесении мазара и высказанным раньше положительным утверждением, что мазар находится около Самаркандских ворот.

В настоящее время мазар Сейида Абулхасани Хамадони, известный как под этим именем, так и под названием «святого-Сейиди-Побанд» или «Сейид-Бандикушо»[134], находится в бывшем квартале Дегрези. Вероятно, это и было тем «другим местом», куда был перенесен мазар от Самаркандских ворот (см. приложение 1).

Место этих ворот устанавливается благодаря упоминанию башни Айор, невдалеке от которой, у подножия стены, находился мазар Авлиёи Калон [135](قريب برج عيار برخاكريزحصار)

Этот мазар, несомненно, тождествен с дошедшим до нас мазаром Авлиёи Кабир, который находится в бывшем квартале Авлиёи Гариб[136] (см. приложение 1).

Локализация башни Айор, которая, судя по этому ориентиру, должна была находиться недалеко от Самаркандских ворот, позволяет наметить и последние. Они должны были стоять на той же дороге, что и современные, но значительно южнее, на одной линии с башней Айор.

Следующая к западу точка северной границы города определяется местонахождением мазара Ходжа-Суфиёни Саури, который до настоящего времени сохранился в квартале Тупхона, находившемся на северной оконечности шахристана. По «Книге Мулло-зода», этот мазар лежал «внутри городских стен, поблизости от ворот Камаргарон»

(اندرون حصار نزديك بدروازهٔ كمرگران)[137]

Как видно, северная граница города того времени проходи-

---

[134] Первое название приведено в „Книге Мулло-зода", второе—засвидетельствовано для XVI в. одним из актов, помещенных в сборнике „Из архива шейхов Джуйбари" (№ 17, стр. ١٩).

[135] كتاب ملازاده стр. ٦٦ (66)

[136] Согласно „Книге Мулло-зода", Ходжа Гариб был сыном и учеником Авлиёи Калон, и его могила находилась поблизости от могилы отца. Локализация башни Айор была дана В. А. Шишкиным (В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары).

[137] كتاب ملازاده стр. ٦٩ (69).

ла где-то очень недалеко от границы шахристана, возможно, в некоторых точках совпадая с ней.

Рельеф местности позволяет наметить лишь один пункт, где могли находиться эти северные ворота города: они могли лежать к западу от возвышенности, на которой располагается мазар Суфиёни Саури, на дороге, являющейся спуском с нее и проходящей параллельно той, которая ведет к Самаркандским воротам. Эта улица, как сказано, была одной из древних улиц; на ней находились шестые ворота шахристана.

Таким образом, для определения северной границы города «Книга Мулло-зода» содержит достаточно данных.

Северо-западная и западная границы намечаются по источнику менее четко. Ясно лишь, что находящиеся сейчас в пределах городской стены мазары Чашма-Аюб и Ходжа-Гунджори, так же как и могила Исмаила Самани, лежали вне стен, но где проходили последние, источник не указывает. Мы находим в нем только косвенное указание для определения северо-западной границы города—упоминание о мазаре Имама Бадриддина Майдони, который и сейчас находится в бывшем гузаре Хонако и известен у бухарцев под названием мазара Садри-Бадри Майдони, или Шейх Майдони (см. приложение 1). По словам «Книги Мулло-зода», этот мазар находился «внизу города», т. е. в его конце, «на берегу реки»

(در پایان شهر در کنارهٔ رود شهر)[138]

Где именно проходила граница города в этом направлении до перестройки стены, уточняет сообщение старожилов квартала Кош-мадраса Усто-Маджида Солихова (род. в 1852 г.) и Усто-Мухтора Мухсинова (род. в 1880 г.) о том, что, по преданию, слышанному ими когда-то от стариков, городская стена (хокрези хисор) проходила в прошлом неподалеку от их домов, охватывая квартал Кош-мадраса. Таким образом, определяется точка, соответствующая примерно северному концу проспекта Хиёбон. Ясно, что зафиксированная в этом устном предании граница города может принадлежать как раз той Бухаре, которая описывается в «Книге Мулло-зода».

Юго-западная граница города определялась воротами Хаджиен, которые, несомненно, получили свое название вследствие того, что через них выезжали из города паломники, отправлявшиеся на поклонение главным мусульманским святыням в Мекку и Медину. Ворота стояли на дороге, ведущей к современным Каракульским воротам. Их место намечается упоминаемыми в «Книге Мулло-зода» мазарами Имом-Бакр (Абубакри-Фазл) и Солори хадж (см. приложение 1), которые

---

[138] كتاب ملازاده стр. ٧٠ — ٧١ (70—71).

сохранялись до недавнего времени в юго-западной части города, в квартале Хонакойи Джуйбор. До перестройки стены во второй половине XVI в. они находились недалеко от ворот, вероятно, внутри города. Это видно из того, что, описав мазар Солори хадж, расположенный «к западу» от мазара Имом-Бакр, и переходя к описанию мазаров, находящихся еще западнее, автор «Книги Мулло-зода» пишет: «Когда выйдешь из ворот Хаджиён...»[139] (چون از دروازهٔ حاجیان بیرون آئی)

Для определения южной границы города в «Книге Мулло-зода» содержится несколько указаний. Хотя они и не дают возможности точно установить ее линию, но позволяют определить нахождение внутри города некоторых пунктов, известных и поныне. Из источника видно, что юго-западная граница города проходила в начале XVI в. южнее мазара и кладбища Турки-Джанди, которые, согласно тексту, находились в «южной стороне города, примыкая к строениям»[140] (در جانب جنوبیٔ شهر متصل بعمارات شهر)

На юго-востоке приблизительная граница города намечается благодаря имеющемуся в „Книге Мулло-зода“ описанию мазара шейха Халимуддина Демуни (см. приложение 1), по которому получил название, сохранявшееся еще в начале революции, один из кварталов к югу от ханако, хауза и медресе Надир-девонбеги. Могила Халимуддина Демуни, по словам источника, помещается „в середине города, в квартале Суфа“[141]. (در میانهٔ شهر در کوی مفه и درس محلهٔ صفه)

Вследствие сохранения мазаров Турки-Джанди и Ходжа-Халими Демуни до недавнего времени, отождествить территорию, описываемую в „Книге Мулло-зода“, с современной нетрудно. Источник свидетельствует, что южная граница города проходила значительно южнее этих мазаров.

Наиболее трудно определить восточную границу города. Как известно, и в XX в., и в X в. здесь имелось двое ворот. Однако наш основной источник по топографии города конца XV—начала XVI в. приводит только одно название восточных ворот—Калобод.

Название Калобод (Калябад) засвидетельствовано в истории города Бухары на протяжении целого тысячелетия. Еще у арабских географов X в. (Истахри) упоминаются Калободские

---

139 كتاب ملازاده стр. ٣٤ (34).

140 Там же, стр. ٣٨ (38).

141 Там же, стр. ٦٦ (66).

ворота; они сохраняли свое название и во время написания «Книги Мулло-зода». В этом источнике, так же как и в некоторых документах, мы находим это название в качестве наименования жилого квартала, который был расположен, несомненно, поблизости от ворот.

Название «Калободские ворота» стоит, вероятно, в непосредственной связи с популярной святыней—могилой Абубакра-Исхока Калободи (умер в 380/990—991 г.), которая находилась за этими воротами. Эта могила сохранилась до настоящего времени за Мазарскими воротами.

Некоторые бухарцы считают, что могила «святого» находится под фундаментом медресе Калобод. Однако это маловероятно.

Сохраняя свое название в течение нескольких веков, Калободские ворота, несомненно, меняли свое место с каждой перестройкой городской стены. Мы не знаем, где именно стояли они в X в., а также и в начале XVI в. По северной и западной границам видно, что город был в это время меньше, чем после последней перестройки стены. Поэтому можно предполагать, что и на востоке он не достигал границ современного города.

Неясно также, на какой из двух дорог, выходящих из города на восток, стояли Калободские ворота.

В. В. Бартольд отождествил ворота Калобод с юго-восточными—Каршинскими—воротами, основываясь лишь на порядке упоминания ворот у Истахри. Но, как мы видели, это основание не всегда достаточно надежно.

В противоречии с мнением В. В. Бартольда находится расположение квартала Калобод, который является одним из старых кварталов Бухары, сохранивших свое название на протяжении столетий. Мы встречаем упоминание о махалля Калобод в «Книге Мулло-зода»[142]; в одной недатированной, но, несомненно, ранней вакуфной грамоте он именуется Куйи Калобод[143]. Это же название (гузар Калобод) квартал сохранил до нашего времени. Он, как и медресе Калобод, лежал на дороге, которая вела не к Каршинским, а к Мазарским воротам (см. приложение 1).

Это противоречие пока не удается объяснить достаточно удовлетворительно. Можно лишь допустить, что в прошлом квартал был значительно больше и на юге доходил до Каршинской дороги. Основанием для такого предположения служит упоминание в „Книге Мулло-зода“ мазара, находившегося на юге махалля Калобод (در جانب جنوبیٔ

---

142 كتاب ملازاده стр. ٤٠ (40).

143 ЦГИА УзССР, ф. 323, № 55/75.

محلهٔ کلاباد)[144], вслед за мазаром Ходжа-Порадуз, который расположен вне линии городских стен, за воротами Саляххона[145]. При системе изложения материала автором „Книги Мулло-зода“ порядок упоминаемых мазаров является косвенным указанием на их местонахождение.

Возможно, что в то время, когда писалась «Книга Мулло-зода», в восточной стене города, небольшого по площади, было не двое ворот, а только одни. Обращает на себя внимание тот факт, что автор «Книги Мулло-зода», описывающий множество мазаров, особенно густо расположенных в восточной стороне города, упоминает здесь лишь одни ворота—Калободские. Мы считаем наиболее вероятным пунктом их местонахождения тот участок дороги, который лежит за стоявшим у самой дороги медрессе Калобод[146], выстроенным в конце XVI в. джуйбарским шейхом Ходжой Саъдом, известным под именем Ходжа Калон[147]. Связанные с этим медресе легенды указывают на то, что оно находится в пункте, отмеченном древней традицией.

Народное предание считает это медресе, в полном противоречии с исторической истиной, самым старым в Бухаре и притом возведенным чудесным образом, без помощи человеческих рук, в одну ночь. Совершенно ясно, что подобное предание не может относиться к такой поздней постройке, как медресе Ходжи Саъда, построенному в конце XVI в.; остальные постройки джуйбарских ходжей хорошо известны в народе: сохранились рассказы об их сооружении, лишенные всякой легендарности.[148] Легенда о Калободском медресе подсказывает предположение, что на него было перенесено предание, связывавшееся с каким-то старым, позже исчезнувшим зданием. Эту догадку, возможно, подтверждает уже упомянутый недатированный документ из собрания Государственного архива УзССР, представляющий собой, по-видимому, копию старой вакуфной грамоты, снятую при Шах-Мураде, печать которого имеется на документе. В документе упоминается медресе Арслан-хана, находящееся в «махалля Калобод»[149].

Как известно, медресе Арслан-хана в квартале Калобод нет; не сохранилось и никаких следов, которые указывали бы на его существование здесь в прошлом. Перенесение связанных,

---

[144] كتاب ملازاده стр. ٤٠ (40).

[145] Там же.

[146] На той же точке зрения в отношении локализации ворот Калобод стоят В. А. Шишкин и Л. И. Рempель.

[147] Он упоминается как строитель и жертвователь вакфа в грамоте, датируемой 1067/1608—1609 г. (ЦГИА УзССР, ф. 323, № 115/162).

[148] Такие предания существуют, например, о строительстве соборной мечети в квартале Гаукушон, а также квартальной мечети Магоки-Курпа.

[149] ЦГИА УзССР, ф. 323, № 55 (75).

вероятно, с ним легенд на медресе Ходжа Саъда позволяет предположить, что последнее было построено на месте старого медресе, пришедшего в упадок[150]. Подтвердить или опровергнуть эту догадку могли бы только раскопки на этом месте.

Исследование сообщаемых в «Книге Мулло-зода» и других письменных источниках отдельных мелких фактов и сопоставление последних с данными, добытыми этнографическим путем, позволили, таким образом, с большей или меньшей точностью определить примерную линию границы города конца XV —начала XVI в. Важность установления этого факта определяется открывшейся в результате этого возможностью сравнить Бухару XV—начала XVI в. с городом более поздним и отчасти с более ранним, освещаемым в «Истории Бухары».

Город, черты топографии которого зафиксированы в «Книге Мулло-зода», находился на том этапе своего существования, конец которому положило строительство новых стен. Мы не знаем точно, когда начался этот этап. Можно лишь предположить, что началом его было строительство новых стен после разгрома Бухары монголами, когда, как свидетельствует «История Бухары», старые стены оказались разрушенными[151].

Сравним город начала XVI в., который предстал перед нами в результате исследования «Книги Мулло-зода», с городом, сложившимся после перестройки городской стены во второй половине XVI в.

Как показало наше исследование, до этой перестройки территория города Бухары была значительно меньше. Рост города, отмеченный постройкой новой стены, шел неравномерно. Меньше всего город вырос к югу, где его граница отодвинулась очень незначительно. Однако приведенное выше название «сабзикори», относящееся к самой поздней еврейской слободе Амиробод, показывает, что эта территория раньше была сельской местностью (см. приложение I).

Город рос в основном к востоку и западу. Направление роста города, по-видимому, определялось характером хозяйства включенных в него пригородов. При этнографическом обследовании Бухары XIX—начала XX в. выяснилось, что именно восточный и западный районы города носили ремесленный характер, в то время как в южном, оставшемся почти в прежних границах, ремесленников было мало. Значительное число ремесленников зафиксировано нами и в северной, также сильно

---

[150] Подобные «перестройки», в результате которых старое строение полностью заменялось новым, очень часто практиковались именно в отношении культовых зданий, стоявших на вакуфной земле, которую шариат и суеверие запрещали использовать иным способом.

[151] Наршахи, История Бухары, стр. 48.

расширившейся части города; однако они не составляли там подавляющего большинства населения.

Было бы чрезвычайно интересно сравнить установленные нашим исследованием границы города начала XVI в. с границами города X—XII вв. Однако размеры последнего для нас далеко не ясны. Мы показали, что его границу можно приблизительно наметить лишь в северной части; в этом месте после перестройки стены оказались Имамские ворота, поблизости от которых в X—XII вв. помещались северные ворота рабада.

Если мы сравним расположение этих ворот в XII в. с определенным выше расположением северных ворот города начала XVI в. (Камаргарон на северо-западе и Самаркандских на северо-востоке), то увидим, что город в этом направлении значительно уступал городу XII в.

В других направлениях эти два периода в жизни города (X—XII вв. и начало XVI в.) не могут быть сопоставлены, ввиду отсутствия данных для определения западных, южных и восточных границ рабада в X—XII вв. Можно лишь с уверенностью сказать, что на юго-западе и юге город XVI в. занимал территорию несколько большую, чем та, которую В. А. Шишкин считал территорией города IX—X вв. Это видно из того, что если кладбище Турки-Джанди в IX—X вв. (по датировке В. А. Шишкина, нуждающейся в уточнении) было вне города, то в начале XVI в. оно оказалось уже со всех сторон окруженным городской застройкой.

Уменьшение территории города, или, по крайней мере, медленные темпы его роста, очевидно, были следствием тех ударов, которые дважды наносили монголы, в результате чего в конце XIII в. город совершенно пустовал в течение семи лет, а потом долго не мог оправиться: Ибн-Батута, побывав в Бухаре в 1333 г., еще застал большинство мечетей, медресе и рынков, лежащими в развалинах[152]. По-видимому, экономика города к этому времени не была восстановлена, хотя его стены, разрушенные монголами, и были отстроены вновь. Когда и каким правителем это было сделано, остается пока неизвестным. Указание на строительство и укрепление (عمارت و زیادتیٔ استحکام) бухарской крепости (قلعه), т. е. арка[153], Улугбеком, направленным в Бухару после смерти Тимура вместе с царевичем Ибрагим-Султаном, имеется в Равзат-ас-сафо. Там говорится: „В месяце

---

[152] История народов Узбекистана, т. I, стр. 325.

[153] Употребленный здесь термин قلعه в XIX—начале XX в. обозначал стены города. В середине века он употреблялся для обозначения цитадели, а городские стены обозначались термином хисор (حصار).

рамазан они вошли в крепость Бухары и занялись постройкой и усилением ее укреплений. Было решено так, чтобы царевичи и эмиры Шейх Нуриддин и Шохмулк были бы в крепости (قلعه). Управление (территорией города) от одних ворот цитадели, которые открываются в сторону города, до половины цитадели относилось бы к эмиру Мирзо Улугбеку и эмиру Шохмулку, а (территория) от других ворот, которые (обращены) к внешней стороне базара, с другой половиной цитадели, относились бы к Мирзе Ибрагиму и эмиру Шейх Нуриддину»[154].

Картина раздела города между царевичами совершенно ясна: Улугбек получил ту территорию, которая лежала перед восточными воротами арка, вместе с восточной половиной последнего; Ибрагим-Султан—западную половину арка с современными его воротами (западными, обращенными к регистану).

В приведенном сообщении говорится лишь об укреплении цитадели. Вероятно, городские стены к этому времени были уже возведены, в противном случае царевичи, получив в управление город, прежде всего, приняли бы меры к укреплению его возведением городских стен. Трудно предположить, чтобы второй по значению и величине город империи Тимура мог оставаться незащищенным стенами в течение целого столетия, на которое к тому же падал расцвет тимуридского государства. Вероятно, именно эти стены, построенные после разрушения старых стен Чингиз-ханом, окружали город в период, когда жил Ахмад бен Мухаммад Муин-ал-фукара, автор «Книги Муллозода».

Попутно отметим, что приведенное сообщение Равзат-ас-сафо освещает еще один пока нерешенный вопрос о том, что в начале XV в. вторые ворота арка, позже заложенные, еще функционировали.

Можно думать, что они существовали не только в рассматриваемый нами период, но и несколько позже. Вряд ли грандиозная соборная мечеть Мачити калон, построенная в 947/1540—1541 г., возводилась в то время, когда арк, где сосредоточивались двор и высшая знать, был уже обращен в ее сторону глухой стеной.

Верхний хронологический предел закладки восточных ворот арка намечается документом, датированным 1114/1702—1703 г., в котором упоминается квартал Арки баста («закрытый арк»).

---

[154] Равзат-ас-сафо روضة الصفا Литография, Бомбей, ١٢٧١/1854—1855 г., стр. ١٥. Указанием на это важное для данной темы место источника автор обязан А. М. Беленицкому, которому приносит искреннюю благодарность.

Это название квартала еще помнят старики-бухарцы, как старое название квартала Кози-урда, который находился как раз против того отрезка в стене цитадели, где могли помещаться восточные ворота арка, расположенного, по Наршахи, прямо против западных. Упомянутый документ свидетельствует о том, что в самом начале XVIII в. вторых ворот арка уже не было. Период, на который могла падать закладка вторых ворот арка, таким образом, ограничивается, вернее всего, рамками полутора столетий—от середины XVI до конца XVII в.

* * *

Сравнительное изучение материалов этнографического обследования Бухары XIX—начала XX в. и исторических источников XV—XVI вв. позволило установить границы того города, который сложился после разрушения его в 1220 г. монголами и просуществовал до перестройки городских стен в XVI в.

Установление этого факта дает возможность судить о состоянии городской жизни и темпе ее развития в этот период. Между началом и концом XVI в. город вырос очень значительно.

Включение в городскую черту новых районов было, с одной стороны, важным показателем роста городской жизни, а с другой—стимулом для еще более интенсивного развития в новых частях города городских профессий.

Как свидетельствует этнографическое исследование города конца XIX—начала XX в., жизнь охваченных стеной городских кварталов резко отличалась от жизни находившихся за ее пределами пригородов, сохранявших сельский облик и сочетавших развитие в них ремесла с сельским хозяйством подобно тому, как оно издревле сочеталось с промышленными занятиями во многих отдаленных от города селениях Бухарского ханства[155].

Остановимся еще на одном очень важном моменте, отражающем историческую топографию Бухары—на терминах „старый хисар Бухары" (حصار قديم بخارا) и „новый хисар Бухары" (حصار جديد بخارا), которые встречаются во всех ранних официальных актах при определении местонахождения объектов сделок.

---

[155] По «Истории Бухары» Наршахи (стр. 20—24) известно о развитии промышленного ткачества во многих селениях (Зандона и др.). А. Ю. Якубовский пишет: «Редкая деревня между Самаркандом и Бухарой не отдавала часть своего труда в системе своего домашнего производства изготовлению тканей, идущих на городской рынок» (А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л., 1933, стр. 6).

В литературе, посвященной Бухаре, эти термины, по-видимому, впервые подверглись толкованию в статье Е. А. Давидович, ссылающейся на освещение этого вопроса в специальном курсе по исторической топографии Бухары, читанном М. Е. Массоном в 1947 г. на кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета[156]. Е. А. Давидович, следуя М. Е. Массону[157], понимает термин «хисор» в значении «укрепление», «город»[158].

Необходимо уточнить, что термин حصار (подобно смежившему его позже термину قلعه) обозначал также и городскую стену, что и было, вероятно, его основным значением. Это видно из того, что в источниках нигде не говорится о нахождении того или иного объекта в „старом“ или „новом“ хисаре, и реально мы встречаем в них лишь выражение: „внутри старого хисара“ (درون حصار قديم), „вне старого хисара“ (خارج حصار قديم). Как справедливо отмечает Е. А. Давидович, термин „новый хисар“ также встречается, по всем известным нам документам только в тех случаях, когда объект определения располагался вне этого „нового хисара“, и об объектах, находящихся внутри „нового хисара“, предпочитали писать, что они располагаются вне „старого хисара“[159], т. е. иными словами, при локализации объекта указывалось, расположен он внутри либо вне тех или иных городских стен. Это доказывает, что термин „хисар“ обозначал не столько известную территорию, сколько ее границу—городскую стену.

Из всего вышеизложенного следует, что вошедшие уже в научный обиход выражения «внутренний город» и «внешний город» в отношении Бухары не соответствуют значению разбираемых выше терминов.

Г. Пугаченкова и Л. Рempель утверждают, что «еще до недавнего времени старожилы Бухары различали «шаари дарун» (внутренний город) и «шаари берун» (внешний город), относя к внешнему городу основную территорию, лежавшую за пределами былого рабада». Вопреки этому основанному на недоразумении утверждению в Бухаре были в употреблении лишь выражения «даруни шахар» (внутри города) и «беруни шахар»

---

[156] Е. А. Давидович, указ. соч., стр. 28—29.

[157] Трактовка М. Е. Массоном разбираемого вопроса, пока не опубликованная, известна автору настоящих строк лишь по указанной статье Е. А. Давидович.

[158] Там же, стр. 28.

[159] Там же.

(вне города), которые обозначали пункты, находившиеся внутри или вне городской стены[160].

Вопрос о территории, которую обозначал термин «новый хисар» Бухары, можно считать решенным. Как указывала Е. А. Давидович, М. Е. Массон в прочитанном им курсе «отмечал, что под «новым хисаром» нужно понимать город в пределах новых стен, возведенных по приказу Абд-аль-Азизхана»[161]. Развивая это положение, Е. А. Давидович убедительно доказала его ссылками на документы, по которым видно, что «территория вне «нового хисара» Бухары являлась примыкающей к городу сельской местностью, расположенной за новой городской стеной и за новым рвом города»[162].

Более сложен и спорен вопрос о значении термина «старый хисар».

М. Е. Массон, по словам Е. А. Давидович, в своих лекциях высказывал предположение, что «старый хисар» «территориально совпадал, вероятно, с хисаром XV века»[163].

Е. А. Давидович справедливо оспаривает эту точку зрения, утверждая, что по данным актов, «старый хисар» был меньше города в пределах тех стен, которые окружали Бухару до возведения новых стен в XVI в.

Настоящее исследование полностью это подтверждает. Согласно «Книге Мулло-зода», южная граница города XV—начала XVI в., как доказано выше, проходила южнее квартала Ходжа-Халим и кладбища Турки-Джанди, в то время как линия старого хисара оставляла вне города не только эти пункты, но и такие центральные районы, как район расположения Пассажа шапочников и мечетей Магоки-Курпа и Магоки-Аттори[164].

Установив, что термин «старый хисар» обозначал стену, гораздо более древнюю, чем стена XV в., мы вместе с тем находим в источниках неопровержимые свидетельства того, что еще во второй половине XVI в. остатки связанных с этой стеной фортификационных сооружений сохранялись.

Самой стены в XVI в., возможно, уже не было. Сохранявшийся еще ров утратил всякое оборонное значение. Это видно из того, что прилегающая к нему полоса отчуждения (حريم خندق), которая должна была бы оставаться свобод-

---

[160] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель, указ. соч., стр. 11. В переводе труда А. Вамбери, на которого ссылается Л. И. Рempель в своей другой работе, выражения «даруни шегр» и «беруни шегр» неправильно переведены как «внутренний город» и «внешний город» (А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865, стр. 179).

[161] Е. А. Давидович, указ. соч., стр. 28.

[162] Там же, стр. 29.

[163] Там же, стр. 30.

[164] Подобные факты отмечены и в указанной статье Е. А. Давидович.

ной, в XVI в. была уже занята застройкой. Один из документов, помещенных в сборнике „Из архива шейхов Джуйбари", датируемый 868/1563—1564 г., упоминает дом, выстроенный на этом месте

(خانه که بر حریم خندق بلدهٔ مذکوره مبنی شده ست)[165]

Эти факты показывают, что, во всяком случае, на данном отрезке «хисори кадым» совпадал с окружавшей и защищавшей шахристан стеной, которая, как показано в первом очерке, посвященном Бухаре начала VIII в., отмечала границу города того периода.

Не обозначая стену города XV в., термин «старый хисар» все же вошел в обиход, по-видимому, лишь после строительства последней стены, получившей название «нового хисара». Это мнение, высказанное Е. А. Давидович, подтверждается отсутствием термина «старый хисар» в «Книге Мулло-зода», написанной до появления новой стены. В этом источнике мы находим лишь термин «хисар»[166].

* * *

Рассматриваемый в настоящих очерках вопрос о городских стенах и охватываемой ими в тот или иной период территории представляет большой исторический интерес. Его выяснение дает конкретную основу для суждения о размерах города, а следовательно, и о развитии городской жизни с ее специфической экономикой, определявшей роль города в хозяйстве страны как основного производителя промышленных товаров и центра торговли.

Размеры окруженной стенами территории, конечно, наиболее полно соответствовали степени развития городской жизни лишь в момент возведения стен. С течением времени ограничение территории города стенами приходило в противоречие с экономикой города и нуждами городского населения, и эти противоречия, усиливаясь по мере развития городской жизни, в конце концов принуждали правителей предпринимать перестройку городских стен. Таким образом, в то время как перестройка городских стен в тот или иной исторический период свидетельствовала о новом этапе в развитии городской жизни, длительное сохранение прежних стен было показателем замедленных темпов развития, застоя в экономике страны.

---

[165] Из архива шейхов Джуйбари, стр. ٥٩ (59), документ № 40.
[166] См. выше, очерк первый.

Раздел второй

ОЧЕРКИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ БУХАРСКОГО ХАНСТВА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX вв.

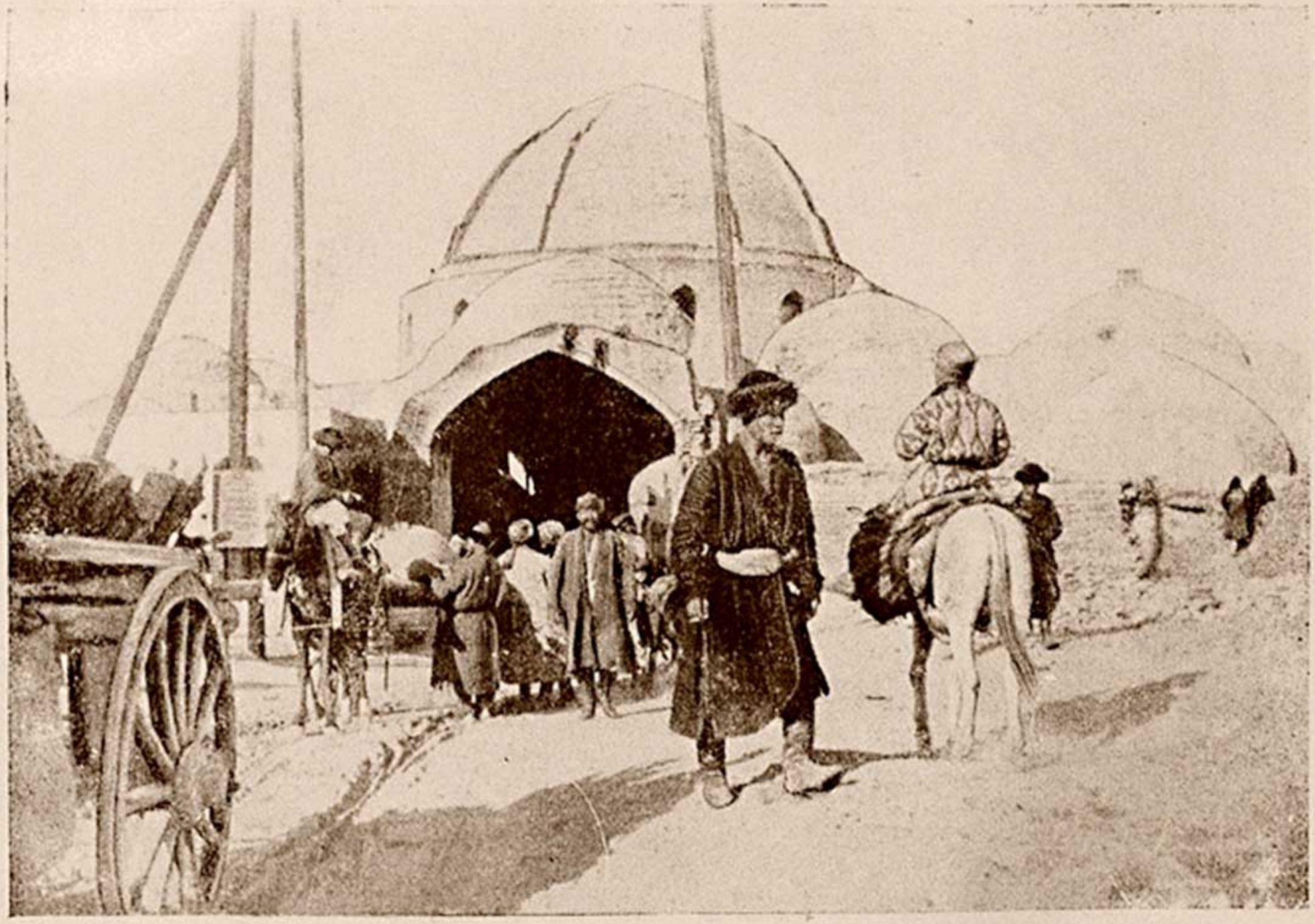


Рис. 17. Бухара. Пассаж Токи Тельпак

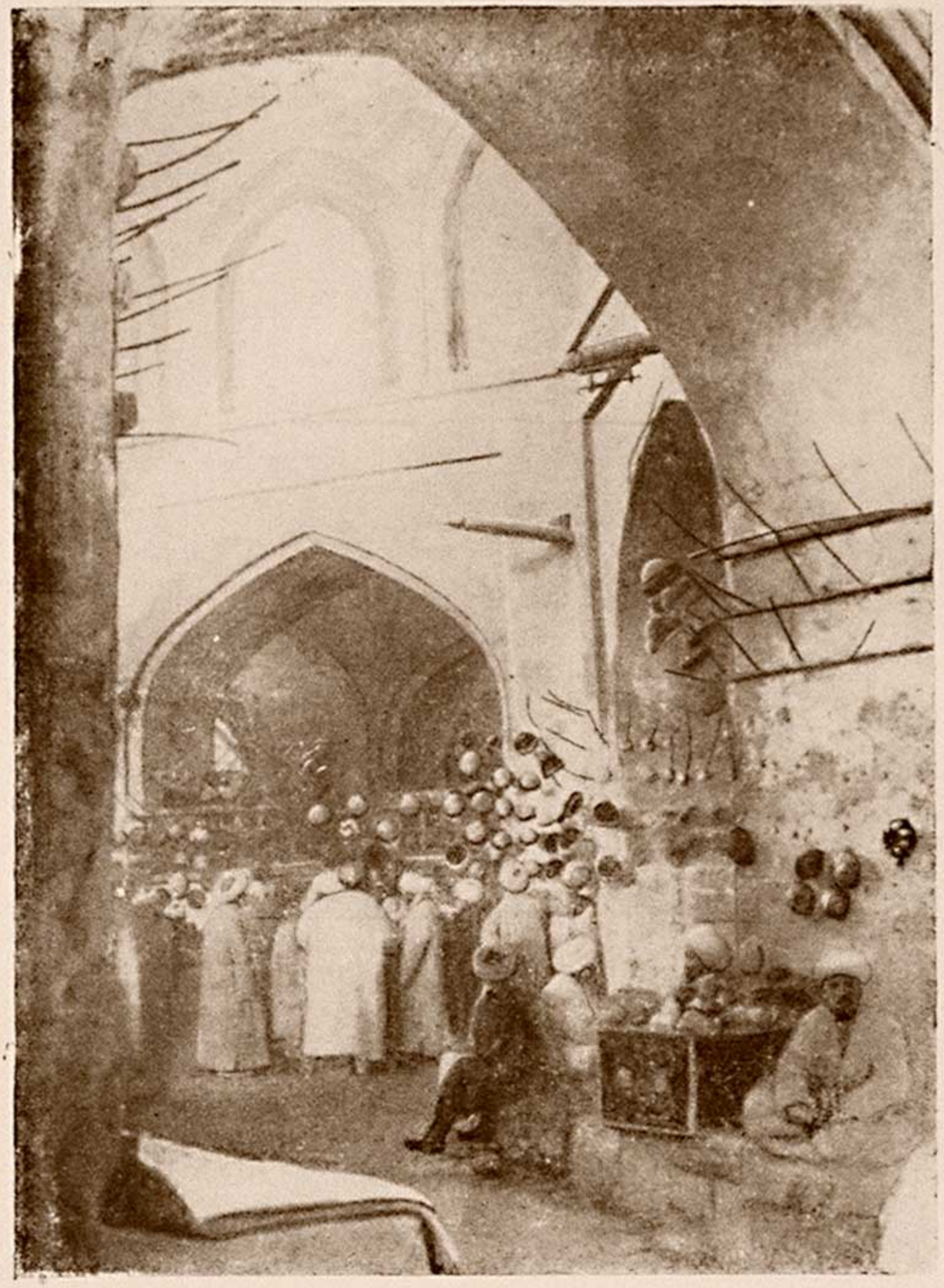


Рис. 18. Бухара. Пассаж Токи Тельпак (внутренний вид)

Рис. 19. Бухара. Медресе Калобод

Рис. 20. Бухара. Водоносы у хауза

Рис. 21. Бухара. Ювелир в своей мастерской

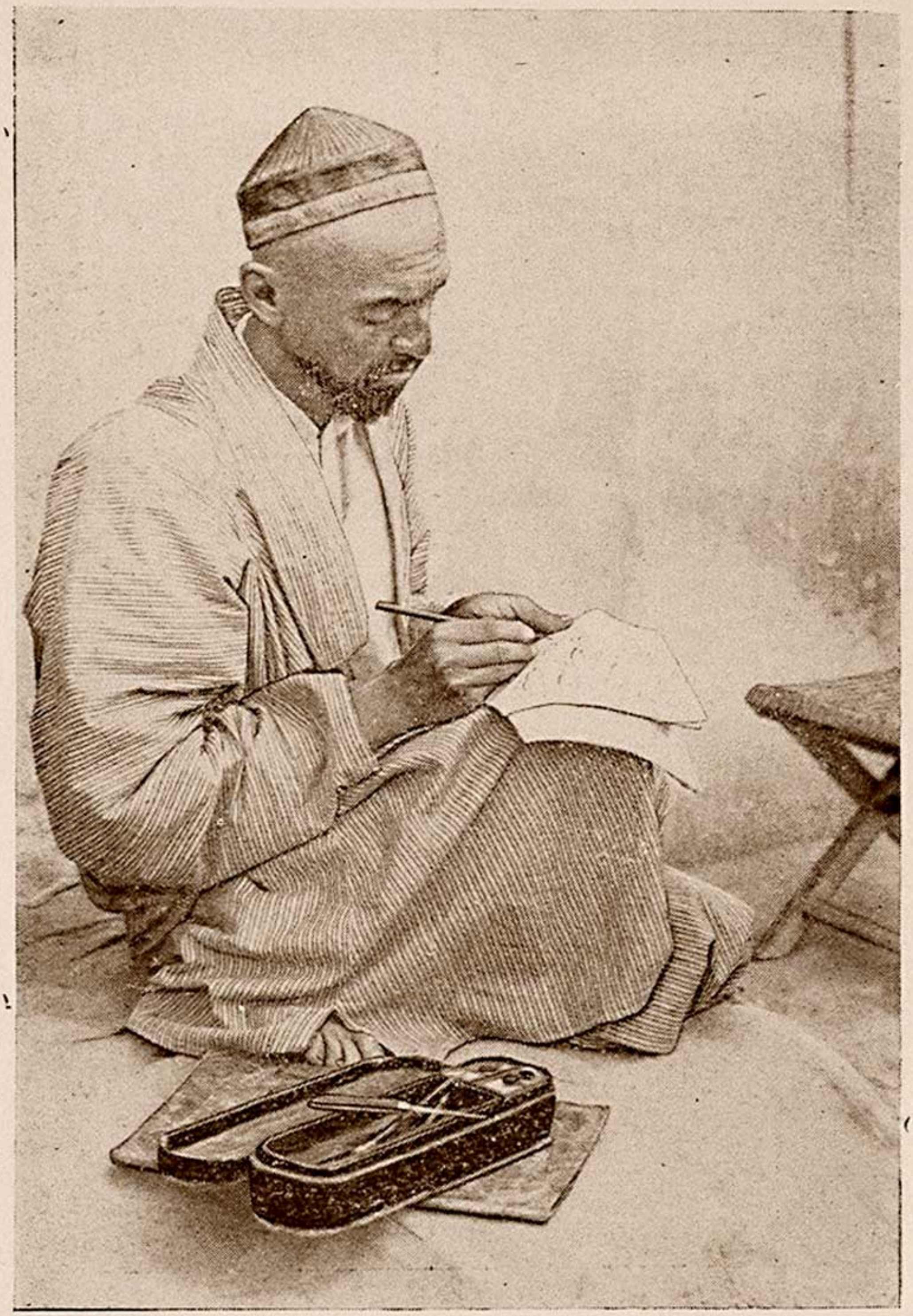


Рис. 22. Бухара. Мирзо (писец) за работой

Рис. 23. Бухара. Группа сановников

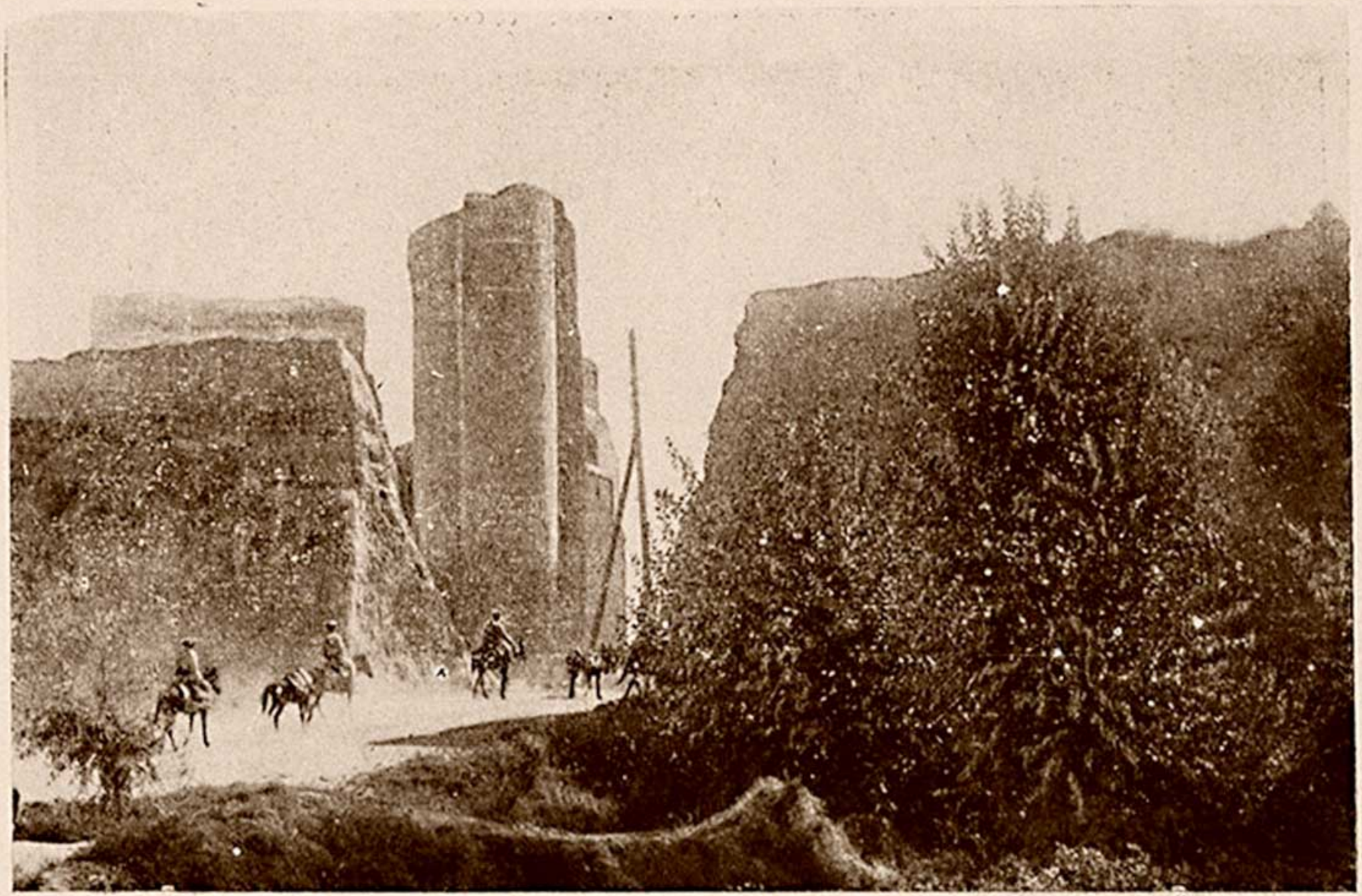


Рис. 24 Шахрисябз. Остатки северных ворот и стены

рис. 25. Шахрисябз. Общий вид города

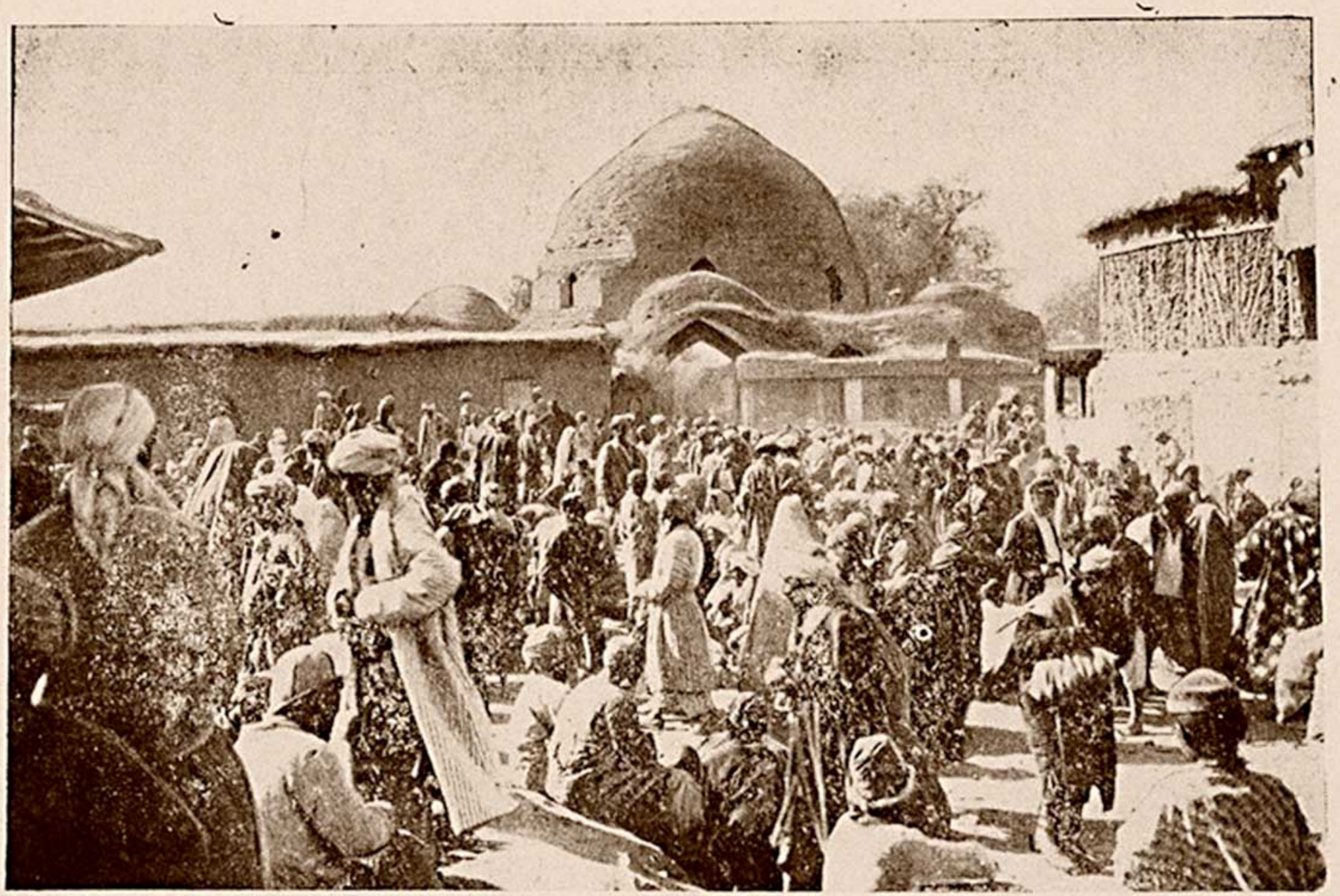


Рис. 26. Шахрисябз. Базар у пассажа Чорсу

Рис. 27. Шахрисябз. Каляндары

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

БУХАРА

Бухара — главный город Бухарской области Узбекской ССР — принадлежит к древнейшим городам Средней Азии. В течение своей многовековой истории он играл большую роль в хозяйственной, политической и культурной жизни страны, много раз становясь столицей различных государственных образований. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией Бухара была столицей ханства.

Выдающееся положение этого древнего города привлекало к нему внимание на всех этапах его существования. Вследствие этого он освещен в ранних исторических источниках лучше других городов Средней Азии.

Начиная с XVI в. Бухару неоднократно посещали европейцы, которые оставили нам ее описания. Сочинения Дженкинсона, ездившего в Бухару в 1558—1560 гг.[1], Филиппа Ефремова,[2] взятого в плен и привезенного в качестве раба в Бухару, где он выдвинулся и занимал в конце XVIII в. ряд должностей во дворце и в армии правителя Бухарского ханства Даниялбия, хорошо известны всем, изучающим историю Средней Азии. Не менее известны сочинения авторов первой половины XIX в. — Мейендорфа[3], Борнса[4], Вамбери[5], и в особенности

---

[1] Дженкинсон, Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. (в книге «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», пер. П. В. Готье, Л., 1932).

[2] Ефремов, Девятилетнее странствование, М., 1950.

[3] Meyendorff, Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820, Paris, 1826.

[4] А. Борнс, Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками от Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, изд. П. В. Голубкова, М., 1848—1849.

[5] А. Вамбери, указ. соч. и др.

русского востоковеда Н. Ханыкова. Побывав в Бухаре в 40-х годах XIX в. как член русской миссии, Н. Ханыков издал исключительно ценное исследование Бухарского ханства, выполненное для своего времени на большой научной высоте и не утратившее значения до наших дней[6].

После присоединения Средней Азии к России в Бухаре побывало много русских людей, которые оставили свои воспоминания и наблюдения, изданные как отдельными книгами, так и в виде статей, систематически публиковавшихся в газете «Туркестанские Ведомости». Следует отметить, что все эти публикации, как правило, были написаны не специалистами-историками, а чиновниками, служащими туркестанской администрации, попадавшими по делам в Бухару и не ставившими перед собой специальной задачи изучения этого города.

Все же такие публикации, как уже упоминавшаяся статья И. Т. Пославского, «Очерки Бухары» П. П. Шубинского[7], статья Н. Ф. Ситняковского[8], путевые очерки М. А. Маева[9], книга А. Ф. Костенко[10], статьи освещающие отдельные стороны жизни города и его населения[11], в значительной мере пополнили наши знания о Бухаре, в частности о ее населении.

Большой интерес для изучающих город Бухару представляет составленный в конце XIX в. военным топографом Парфеновым подробный схематический план города (масштаб 1 : 5040), отредактированный и вычерченный капитаном Фениным. Этот план, известный среди научных работников под названием «фенинского», лег в основу всех составлявшихся позже с научными целями планов города (например, планов, приложенных к хранящейся в архиве Института истории и археологии АН УзССР рукописной работе Л. И. Ремпеля «Историческая топография Бухары»[12], а также плана Бухары в книге В. А. Лаврова «Градостроительная культура Средней Азии»[13]). План Парфенова-Фенина был использован и автором настоящей книги (см. приложение II).

---

[6] Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

[7] П. П. Шубинский, Очерки Бухары, Исторический вестник, вып. VII, VIII, IX, X, 1892.

[8] Н. Ф. Ситняковский, Попытка к исчислению народонаселения в гор. Бухаре, протокол ТОЙРГО от 28/II 1898 г.

[9] М. А. Маев, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V, 1879.

[10] А. Ф. Костенко, Туркестанский край, т. I, СПб., 1880.

[11] Тимофеич, Юстиция в Бухаре, Туркестанские Ведомости, 1910 г., № 163, 167, 169, 171; В. В. [В. Л. Вяткин], Бухарский книжный рынок, Туркестанские Ведомости, 1887 г., № 61, 62, 64; В. В. Крестовский, В гостях у эмира Бухарского, СПб., 1887.

[12] Работа выполнялась в порядке участия ее автора в этнографической экспедиции М. С. Андреева в г. Бухару в 1940 г.

[13] В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950.

После Великой Октябрьской революции изучение истории всех народов Советского Союза поднялось на новую, более высокую ступень. В Средней Азии сложилось несколько крупных научных центров, занимавшихся изучением истории Средней Азии, в том числе и историей среднеазиатских городов. Однако до недавнего времени это изучение направлялось преимущественно на историческое прошлое городов, среди которых была и Бухара. Вследствие этого вопрос о составе населения Бухары и его быте в период, предшествовавший Бухарской революции 1920 г., остается наименее исследованным и слабее всего освещенным в литературе.

Задача настоящего очерка — несколько заполнить этот пробел.

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ БУХАРЫ И ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Среднеазиатский феодальный город членился на жилые кварталы — махалля, или гузары, — которые представляли собой основную структурную ячейку города. Жилой квартал был не только территориальной единицей. Его жители объединялись в своеобразную общину, внутри которой протекала жизнь населявших квартал семей, связанных между собой родством или личным знакомством, взаимопомощью и участием в семейных событиях друг друга.

Без исследования жилых кварталов очень трудно изучить состав и быт населения среднеазиатских городов в дореволюционный период. Каждый хорошо знал свой квартал и его жителей и лишь о нем мог сообщить достаточно подробные и достоверные сведения. Сообщения старожилов отдельных кварталов дают в своей совокупности достаточно широкий и подробный материал, опираясь на который можно судить о всем городе в целом.

Подобные материалы послужили основным источником для данной работы. Первой задачей, поставленной перед собой ее автором, было выявление всех жилых кварталов города и локализация их на плане.

Выполнение этой задачи сильно облегчилось и ускорилось благодаря наличию плана Парфенова-Фенина, на котором были нанесены все бухарские мечети. Так как в Бухаре квартал совпадал, как правило, с приходом, выявление с помощью старожилов приходских мечетей (которые на плане не были выделены) позволило определить местонахождение подавляющего большинства кварталов. Опрос помог установить примерные границы их, выяснить, какие кварталы и в каком направлении граничили друг с другом. К сожалению, лишь после того как это было сделано, автору стало известно, что еще в 1940 г.

Л. И. Ремпелем было составлено на основе плана Парфенова-Фенина несколько очень интересных планов города, в том числе и план расположения квартальных мечетей.

Автор имел также возможность бегло познакомиться с планом, составленным бывшим сотрудником Бухарского комитета охраны памятников старины и искусства Саиджановым. Этот план основан целиком на плане Парфенова-Фенина и содержит лишь некоторые уточнения. Квартальные мечети на нем также не выделены из общего числа мечетей[14]. На самом раннем плане г. Бухары, составленном в 1841—1842 гг. Н. Ханыковым, приходские мечети не отмечены вовсе[15]. Начерченный, видимо, по памяти этот план очень схематичен и неточен, что понятно, если учесть условия, при которых Н. Ханыков мог изучать город.

Значительные трудности представляет решение вопроса о числе жилых кварталов.

Жители Бухары считают, что город состоял из 360 кварталов. Эта цифра порождена, по-видимому, прочной традицией. Она приведена, конечно, со слов населения, Н. Ханыковым, который пишет, что «всех мечетей в городе 360, по числу улиц»[16]. Как говорит А. Вамбери, его уверяли, что в Бухаре имеется 365 мечетей, однако он не мог насчитать столько[17]. Эта же цифра названа и Н. Ф. Ситняковским[18].

В действительности эти цифры сильно преувеличены и не имеют под собой реальной основы. Очевидно, они восходят к традиции саркальных чисел, одним из которых было число 360. Его называют при желании дать понятие о множестве, превышающем сотню, но не доходящим до тысячи.

Путем опроса, который был проведен автором настоящей работы, в Бухаре выявлено 217 кварталов, некоторые из них не имели своей мечети (см. приложение II). Их жители пользовались для совершения обязательных пятикратных молитв расположенной по соседству общегородской соборной мечетью, если в ней происходили также и ежедневные намазы.

На плане Парфенова-Фенина зафиксировано 218 мечетей, из которых при проверке 201 мечеть оказалась квартальной. На плане, составленном Саиджановым, мы находим 197 квартальных мечетей. В списке М. С. Андреева, составленном к планам Л. И. Ремпеля[19], в специальном разделе «К карте гузар-

---

[14] План находится в частных руках.

[15] Н. Ханыков, указ. соч., приложение.

[16] Там же, стр. 87.

[17] А. Вамбери, указ. соч., стр. 179.

[18] Н. Ф. Ситняковский, указ. соч., стр. 85.

[19] М. С. Андреев, Опыт транскрипции (фонетической) названий различных пунктов города Бухары русскими буквами. Обе работы хранятся в научном архиве Института истории и археологии АН УзССР.

ских мечетей» значится 209 названий, из которых семь занесено ошибочно[20].

Большой интерес для нашей темы представляет список кварталов Бухары, составленный в 1925—1926 гг. администрацией города при проведении мер по упорядочению внутригородского управления, когда мелкие кварталы были объединены и созданы укрупненные. В этом списке числятся 192 старых квартала[21].

Таким образом, из всех использованных материалов, в том числе и этнографических, видно, что число кварталов Бухары, неодинаковое в различных материалах, все же близко к двум сотням, причем опрос жителей города позволил обнаружить наибольшее число кварталов. Именно опросным путем оказались выявленными незарегистрированные при составлении планов города кварталы, не имевшие своих мечетей.

Весьма труден для разрешения и в то же время чрезвычайно важен вопрос о количестве населения города. Его выяснение для конца XIX— начала XX в. будет способствовать и изучению вопроса о размерах города в эпоху средневековья, для более ранних периодов которого исчислить городское население не представляется возможным, и исследователю приходится ограничиваться выяснением размеров занятой городом территории, с учетом плотности застройки. Изредка встречающиеся в источниках цифры, как правило, не базируются на каких-либо точных данных и преувеличения в них обычны.

Поэтому цифры, характеризующие население среднеазиатских городов, в особенности городов Бухарского ханства, сохранивших больше черт феодального города, приобретают в качестве сравнительных весьма большой исторический интерес.

Однако точными данными о населении ханства мы не располагаем.

Демографических переписей в ханстве, как это характерно для феодальных государств вообще, никогда не производилось. Эмирские власти учитывали лишь налогоплательщиков-домохозяев, которые заносились в особые списки — дафтары. Естественно, что эти списки отражали не количество населения, а лишь число семей, и то относительно, так как семьи женатых сыновей хозяина, а иногда и его младших братьев, жившие неразделенными, учитывались как одна семья (одна дверь). Население города по этим спискам все же могло бы быть определено приблизительно по среднему подсчету. Однако дафтары,

---

[20] Три названия занесены дважды (№ 142 и 324, 145 и 325, 234 и 333), под № 157 значится название одной из частей квартала Чукур-махалля, под № 249—часть квартала Мирджон-кельды, под № 265—базарная мечеть.

[21] Список любезно передан автору для использования В. А. Шишкиным.

которые хранились эмирскими властями в тайне, не были обнаружены после революции, когда государственный архив эмиров был взят органами Советской власти на учет и хранение. Поэтому даже и этот источник для определения количества и состава населения городов Бухарского ханства в настоящее время неизвестен.

Приблизительный подсчет жителей городов Бухарского ханства производился побывавшими в них лицами по личному впечатлению, на глазок, или по приблизительным подсчетам официальных представителей чиновничьего аппарата Бухарского ханства.

Наиболее подробно освещен в литературе вопрос о количестве населения г. Бухары.

Чаще всего высказывалось мнение о числе домов города, а затем путем умножения на среднее число членов семьи получались общие цифры. Понятно, что эти исчисления могли дать самое приблизительное представление о количестве населения. Н. Ханыков, специально оговорив, что обстоятельства не позволили познакомиться с дафтарными записями[22]—единственным статистическим источником в ханствах — ссылается на произведенные им 30 опросов, в результате которых плотность населения составила 15 человек на танап. Находя эту цифру преуменьшенной, он считает по 38 человек на танап и исчисляет население города в 60—70 тыс. человек[23]. В то же время он высказал мнение, что в Бухаре не больше 2500 домов. Эти цифры явно не сведены друг с другом: при таких расчетах на семью должно приходиться по 24—28 человек.

Военный инженер И. Т. Пославский, побывавший в Бухаре в 1886 г., исчислял население города в 50 тыс. человек[24]. Н. Ф. Ситняковский, убедившись в совершенной неточности всех этих исчислений и указывая, что «глазомерное впечатление обманчиво, город кажется большим, в действительности он меньше»[25], исчисляет население Бухары следующим способом: считая, что плотность городской застройки Бухары равна плотности центральной части г. Туркестана, где на 100 кв. сажен приходилось 1 142 участка (домовладения), он получает 11 420 домовладений. Исходя из данных переписи 1897 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве, он считает, что на один двор в среднем приходилось 6 человек, и таким образом определяет число жителей г. Бухары в 68 500 человек. Для проверки он применяет другой способ исчисления: ссылаясь на то, что «по частным

---

[22] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 96.
[23] Там же, стр. 92.
[24] И. Т. Пославский, указ. соч., стр. 85.
[25] Н. Ф. Ситняковский, указ. соч., стр. 85.

сведениям в Бухаре 365 кварталов», и считая (по аналогии с Андижаном), что среднее число дворов в квартале — 36,6, он получает 13 360 дворов, что дает, по его расчетам, 80 тыс. жителей[26]. Как мы видели, в последнем расчете он исходит из неверной предпосылки, приняв за исходную цифру (365 кварталов) данные, называемые самими бухарцами (обычно 360) повторенные в литературе (Н. Ханыков, А. Вамбери), но не соответствующие истине.

Демографическая перепись впервые на территории Хивы и Бухары была произведена лишь в 1926 г., и ее опубликованные материалы являются наиболее ранним письменным источником, определяющим численность и состав населения страны. Материалы этой переписи могут и должны быть использованы в качестве отправных данных и аналогий также и для выяснения количества и состава населения в предшествовавший период.

По этой переписи в г. Бухаре было зарегистрировано 11 901 домовладение, 13 491 семья и 46 706 человек населения, из которого местных жителей было 41 839 человек[27].

Однако в отношении Бухары, как и некоторых других городов Бухарского ханства, эти цифры могут быть использованы для понимания облика и размера городов в дореволюционный период с большими оговорками. Развитие и рост таких городов, как столица ханства Бухара и резиденция наследника Карши, были в значительной степени обусловлены их ролью в политической жизни страны. В них жило множество придворной и чиновной знати, окруженной слугами и приближенными; многочисленные слои трудового населения и торговцев были заняты их обслуживанием. Здесь были сосредоточены регулярные войска эмирата — сарбазы и их командиры из числа сипо (военнослужилого сословия) и еще более многочисленное духовенство, среди которого большое место занимали учащиеся. Поэтому, если в первое десятилетие послереволюционного периода некоторое уменьшение городского населения в связи с гражданской войной и хозяйственной разрухой было характерно для всех городов Средней Азии, то в Бухаре этот процесс протекал особенно бурно, изменения в составе городского населения были более глубокими и сохранились на более длительный срок. В то время как в других городах население восстановилось очень быстро и в дальнейшем его численность все вре-

---

[26] Н. Ф. Ситняковский, указ. соч., стр. 85.

[27] Материалы Всесоюзной переписи 1926 г., вып. I, Поселенные итоги, Самарқанд, 1927, стр. 41.

мя возрастала, в Бухаре после 1920 г. восстановление городского населения протекало замедленными темпами[28].

Классовый состав населения дореволюционной Бухары обусловил невозможность восстановления после революции населения этого города в прежнем составе, а следовательно, и в прежнем количестве. Немалая часть города запустела, жители ее переселились либо в другие, более удобные районы города, либо в сельские местности. Многие ремесленники вынуждены были сменить свои старые профессии на такие, которые находили применение в новых условиях. Например, изменение водоснабжения города — осушение хаузов и строительство водопровода — сделало ненужными многочисленных в Бухаре водоносов-машкобов, и правительство приняло меры для их использования в других отраслях хозяйства. В 1928 г. 200 семей водоносов были переселены в пригородные сельские районы, где стали колхозниками[29].

К моменту переписи 1926 г. процесс глубоких изменений в составе и количестве городского населения зашел далеко, поэтому цифры, зафиксированные этой переписью, недостаточно показательны ни для предыдущего, ни для последующего периодов истории Бухары.

Кроме того, следует учесть, что в Бухарском ханстве, где правление эмира оставило тяжелое наследие — отсталость и забитость населения, условия проведения переписи 1926 г. и особенно регистрации женского населения не обеспечивали точности полученных цифр, которые оказывались значительно преуменьшенными. Это видно, например, из неправдоподобно малого в некоторых группах населения, по данным переписи, количества женщин сравнительно с мужчинами. Слишком преуменьшенным кажется и среднее число членов семьи (4 человека).

Из вышеизложенного ясно, что количество прежнего населения г. Бухары и цифры, полученные при переписи 1926 г., не могут быть не только равными, но и близкими. Поэтому приблизительные исчисления городского населения по числу домов, к которому вынужден был прибегнуть по примеру более ранних исследователей автор настоящих очерков, и поныне не потеряли своего значения и в известных пределах обес-

---

[28] Этот факт отмечен и при составлении государственного хозяйственного плана на 1923/1924 г., где указано (с оговоркой, что цифры носят приблизительный характер) уменьшение численности городского населения на территории Бухарской Народной Республики с 251,8 тыс. в 1913/1914 г. до 180,6 тыс. в 1923 г. («Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/1924 г.», Старая Бухара, 1923, стр. 54, табл. 10).

[29] ЦГИА УзССР, ф. 837, Совнарком УзССР, оп. 8, д. 302, л. 32.

печивают достоверность полученной нами цифры городского населения.

В многочисленных беседах со старожилами каждого квартала в отдельности, в одних случаях точно, в других—приближенно удалось выяснить число домов в каждом квартале. Суммировав эти цифры, автор получил число домовладений г. Бухары — 12,5 тыс. Если считать, что в каждой семье было шесть членов[30], то население города составляло 75 тыс. человек. К этому числу нужно прибавить многочисленных обитателей арка, жилая часть которого занимала больше половины его площади, а также временных жителей города: приезжих купцов, живших в караван-сараях, и муллобачей — учащихся медресе. Последних, как утверждает Н. Ханыков, видевший список, составленный для раздачи им денег, было 9—10 тыс. человек[31]. Таким образом, если к числу жителей жилых кварталов Бухары прибавить еще 10—15 тыс. на всех прочих жителей города, то по нашим вычислениям количество населения Бухары до революции должно было состоять приблизительно из 85—90 тыс. человек.

Этих пределов количество населения г. Бухары достигло в результате длительного исторического развития.

Уже в X в. Бухара была крупнейшим городом Средней Азии. По словам Истахри, «нет в Хорасане и Мавераннахре города, сильнее укрепленного, чем Бухара и более многолюдного, в городе ощущалась большая теснота»[32].

Если нашествие орд Чингиз-хана и привело к значительному сокращению города, который долго не мог полностью восстановиться, то во всяком случае XVI в. ознаменовался весьма значительным увеличением его территории. В последующий период она постепенно все лучше осваивалась и все более плотно заселялась.

В результате развития городской жизни после присоединения Средней Азии к России плотность населения этого города еще более увеличилась, и к концу XIX — началу XX в. он представлял собой пример исключительно густой населенности. Подавляющее большинство домовладений города — особенно в его центральной части — почти не имело дворов,

---

[30] Эта цифра принималась в качестве средней многими авторами. Д. Н. Логофет пишет, что это «выработано было опытом при производстве всех военно-статистических работ в Средней Азии» (Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб, 1911, стр. 152).

[31] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 88.

[32] См. В. А. Шишкин, Города Узбекистана, стр. 8. В. А. Шишкин правильно замечает по этому поводу, что «город в то время был значительно меньше современного».

город рос ввысь, двухэтажные здания были здесь распространены больше, чем во всех остальных городах Средней Азии.

При всем том, как мы видели, население города не достигало и 100 тыс. Эта цифра свидетельствует, насколько преувеличены представления некоторых историков о городах средневековья, основанные на некритически принимаемых сообщениях письменных источников.

В качестве примера можно указать на приведенное М. Е. Массоном без необходимой оценки сообщение источника о населении Герата, где в XII в. якобы «насчитывалось до полумиллиона жителей, а по другим сведениям — до миллиона»[33]. Мало надежны используемые М. Е. Массоном «косвенные данные»— сообщения источников о том, что во время эпидемии чумы, свирепствовавшей с февраля по июль 1485 г. в самом Герате «по официальным данным», якобы умерло 60 тыс. человек[34]. Тот же автор считает, что в Самарканде эпохи Навои было «несколько сот тысяч жителей»[35].

Маловероятные для средневекового города сами по себе эти цифры становятся вовсе сомнительными при сравнении их с данными о численности городов Средней Азии в конце XIX—начале XX в.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Пополнение городского населения новыми группами или единичными поселенцами было естественной и закономерной формой этногенетического процесса в условиях крупного городского центра, притягивавшего к себе отдельные элементы сельского населения, жителей других городов, где складывались менее благоприятные условия для развития ремесла и торговли, и отдельных пришельцев из соседних стран. С конца XVIII в. приток переселенцев в г. Бухару еще более стимулировался тем, что Шах-Мурад дал городу тарханную грамоту, освободившую от налогов его население (за исключением иноверцев, в частности исповедывавших юдаизм евреев, которые платили джизью)[36].

---

[33] М. Е. Массон, К исторической топографии Герата XV в., Сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 139—140.

[34] Там же.

[35] М. Е. Массон, Архитектурно-планировочный облик Самарканда времен Навои, Труды САГУ, вып. 81, Ташкент, 1956, стр. 58.

[36] В. В. Бартольд пишет, что «Шах-Мурад в начале своего царствования освободил жителей Бухары от «алыка и салыка», т. е. подати, взимавшейся по числу домов» (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 108).

Процесс постепенного, до наших дней продолжающегося пополнения городского населения прослеживается по этнографическим материалам. Его темп в тот или иной период определяется общим развитием в стране городской жизни, что находится в зависимости от темпов социально-экономического развития, от углубления процесса общественного разделения труда.

Основным источником пополнения состава городского населения была сельская округа, откуда медленно, но непрерывно происходило переселение в город небольших групп сельчан, вокруг которых с течением времени собирались земляки.

Тесная связь города и сельской округи — тем более обширной, чем значительнее город — не означает, однако, полной идентичности этнического состава их населения. В Узбекистане, население которого по переписи 1926 г. на 74,19% состояло из узбеков, жители некоторых городов сохранили таджикский язык, хотя население окружающей их сельской округи говорит по-узбекски. Примером такого города, наряду с Самаркандом и Ургутом, может служить и Бухара.

Сельская округа, тяготеющая к Бухаре — весь оазис нижнего течения Зеравшана, не говоря о степных и пустынных пространствах, лежащих на север от оазиса и заселенных кочевниками, — в подавляющем большинстве узбекская.

В Бухарском округе, выделенном при национальном размежевании, из общей численности населения в 333 047 человек узбеки составляли 288 327 человек, т. е. 87,3%, а таджики — 22 391 человек, т. е. 7%[37]. Из 13 районов, вошедших в Бухарскую область, таджиков больше всего в двух районах — в пригородном Бухарском и в Вабкентском. Но даже и там процент таджиков очень невелик: в Бухарском районе на 35 053 узбеков приходилось в 1926 г. 7 956 таджиков, в Вабкентском — на 43 267 узбеков только 6097 таджиков. В остальных районах области таджики составляли: в Богаутдинском — 3 078 на 37 689 узбеков, в Гиждуванском — 284 на 55 462, в Каракульском —60 на 39 927, в Ленинском — 2 492 на 42 524, в Рометан-Хайрабадском—2420 на 34 278 узбеков.

При этом значительная часть узбекского населения области состояла из полукочевых в прошлом узбеков, сохранявших родоплеменное деление.

Такой состав населения обусловил вхождение при нацио-

---

[37] Эти цифры, полученные в результате разработки материалов переписи 1926 г., заимствованы из рукописной работы Ш. И. Иногамова «Этнический состав и этнографические карты Бухарской области».

нальном размежевании Бухарской области (Бухарского округа) в Узбекскую Советскую Социалистическую Республику.

Население г. Бухары формировалось в процессе длительного и сложного исторического развития. Периоды расцвета города неоднократно сменялись периодами полного или частичного запустения, после чего он снова заселялся.

Последний период почти полного запустения Бухары падает на XVIII в., когда, по свидетельству источника конца XVIII—начала XIX в. «Гулшан-ал-мулук», в результате междоусобиц и хозяйственной разрухи в городе остались заселенными всего два квартала[38].

Сведения о том, как скоро и кем заселилась Бухара после этой катастрофы, неполны.

По-видимому, значительное место среди населения ожившей и восстановившейся к концу XVIII в. Бухары заняли многие из бежавших от разрухи бухарцев, которые снова вернулись в родной город при наступлении более благоприятных времен и которых оказалось немало. Доказательством этому может служить сохранение бухарцами таджикского языка, несмотря на узбекоязычность большей части населения сельских районов г. Бухары.

Возвращение в г. Бухару большого количества прежних жителей доказывается еще и тем, что многие жилые кварталы в конце XIX—начале XX в. были известны под теми же названиями, под которыми мы находим их в письменных источниках XV, XVI и XVII вв. Так, с XV в. нам известны кварталы Калобод и Ходжа-Порсо; с XVI в. — Амири, Бозори-нау, Гаукушон, Косагарон, Ходжа-Зайниддин, Суфиён, Азизон, Гозиён, Сарахсиён; с XVII в. — Калтигиён, Чохи-занджир, Мачити-бесутун, Мир-Дустум (в форме Хонакойи Ляби-хаузи-Мир-Дустум) и ряд других. При этом следует отметить, что кварталы эти находились в самых различных частях города: Ходжа-Порсо и Чохи-занджир — на территории шахристана, Калобод — к востоку от него, Бозори-нау и Амири — к западу от пассажа Токи Телпак, Косагарон и Суфиён — в западной части города, к востоку от южного конца проспекта Хиёбон, который также известен нам с XVI в.[39]

Восстановление города приписывается династии мангытов, в особенности эмиру Шах-Мураду, правившему с 1775 по 1800 г. Он пополнил население города переселенцами, в част-

---

[38] Д. Г. Вороновский, Автореферат канд. диссертации на тему: «Гулшан-ал-мулук» Мухаммада бен Яъкуба Бухори», Ташкент, 1949, стр. 9.

[39] Некоторые из этих кварталов упоминаются в актах, опубликованных в сборнике «Из архива шейхов Джуйбари», другие встречаются в документах, занесенных в опись ф. 323 ЦГИА УзССР.

ности довольно значительной массой нового этнического компонента — 17 или 30 тысячами[40] жителей разоренного им Мерва, которые восстановили утраченное бухарцами в предшествующий тяжелый период искусство обработки шелка. С Шах-Мурадом связывают свое поселение в городе и жители бывшего квартала Буйробофон, делившиеся на две части — узбеков-хорезмийцев (урганджийон) и туркмен племени хидирэли, также переселенных сюда, по преданию, из Хорезма.

Население г. Бухары было многонациональным. Здесь жили таджики, узбеки, арабы, форсы, евреи, казахи, татары, афганцы, индусы и др.

* * *

Бухарцы-горожане в подавляющем большинстве владели узбекским и таджикским языками. Однако говорили они преимущественно на последнем. Таджикский язык употреблялся дома, в семье, при деловом общении между собой людей различных профессий, в том числе и ремесленников, в сфере внутригородской торговли, в то время как на базарах, куда съезжалась масса сельского населения, можно было слышать преимущественно узбекский язык. На таджикском языке в эмирате говорили образованные люди и велось делопроизводство. И поныне в городе повсюду звучит таджикская речь, среди городских школ много таких, где преподавание ведется на таджикском языке. По цифрам, содержащимся в титульных списках Министерства просвещения за 1954/1955 г., в семилетних и средних школах обучалось на таджикском языке 2 717 детей, на узбекском — 1 623, на русском — 6 772 человека[41].

Таджикоязычность бухарцев-горожан, сложившаяся исторически, объясняется, несомненно, той важной ролью, которую играл в этногенезе городского населения древний местный иранский пласт.

В бухарском говоре сохранилось много слов, оставшихся от древнего дотаджикского языка, относившегося к иранской группе языков. Среди них есть такие специфически бухарские

---

[40] В разных источниках указываются разные цифры (см. В. А. Жуковский, Развалины старого Мерва, СПб, 1894, стр. 87, 88).

[41] Конечно, язык обучения не всегда совпадает с родным языком учащегося. В частности, за послевоенные годы увеличилась тяга к русским школам, куда отдают своих детей многие таджики и узбеки. Приведенные цифры показывают, что эта тяга захватила и г. Бухару.

термины, как «вартишк» — перепелка, «таш» — кетмень[42], «поч» — гумно и др. К этому же языковому пласту, вероятно, относится и само название города. В литературе высказывалось мнение, что «и само имя «Бухара» — эфталитского происхождения»[43].

Авторы, писавшие о языке древних бухарцев, считали его диалектом согдийского языка[44]. Лингвистический анализ двух фраз, приведенных Наршахи[45], был сделан Ф. Розенбергом[46], и Хеннингом (Henning)[47]. Оба автора вносят коррективы в написание этих фраз, искаженных переписчиками источника, и толкуют их, исходя из грамматических норм согдийского языка.

Приведение этих фраз Наршахи показывает, что бухарцы еще в начале VIII в. сохраняли древний дотаджикский язык, который к X в. заменился уже таджикским.

Большинство тех бухарцев, которые считают своих предков исконным местным населением и не имеют преданий о их переселении в Бухару, вероятно, являются потомками древних обитателей города, жизнь которого не прерывалась в течение многих столетий.

Наряду с потомками древнего местного населения в составе таджиков г. Бухары есть несколько групп, переселившихся сюда в различное, сравнительно позднее время из сельских районов с таджикским населением. Эти группы, не успев полностью слиться с остальным населением города, сохраняли иногда свою обособленность. Они объединялись территориально, не сливаясь с остальными горожанами и поддерживая связь со своей родиной. Наиболее ярким примером может служить население квартала Мулло-Хоки-рох, известного также под названием «Понобихо», указывающим на происхождение жителей квартала из селения Поноб. Они постепенно скупили большинство домов квартала, вытеснили его прежнее население и дали кварталу новое название. Понобцы брачились преимущественно между собой и со своими односельчанами, оставшимися в Понобе, где многие из переехавших в город сохраняли свои земельные участки и проводили там жаркие летние месяцы.

---

[42] Слово «таш» не смешивать с узбекским «тош» — камень.

[43] В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, Вестник древней истории, 1954, № 1, стр. 157.

[44] В. В. Бартольд, К вопросу о языках согдийском и тохарском, Иран, I, 1926, стр. 29.

[45] Наршахи, История Бухары, стр. 64.

[46] Fred. Rosenberg, Sogdica, Prace lingwistyczne ofiarowane janowi Bouduinowi de Courtenay, Krakow, 1921, p. 25.

[47] Ссылаюсь по Р. Фраю (R. Frye, op. cit., p. 136).

Среди таджикского населения г. Бухары был также некоторый процент выходцев из Горного Таджикистана, которых называли общим именем «кулобихо» (кулябцы). Как правило, они переселялись в Бухару индивидуально, например, оставаясь там по окончании обучения в медресе, обзаводились семьей и очень скоро совершенно сливались с бухарцами, сохраняя все же семейные предания о своем происхождении.

* * *

Несмотря на преобладание в Бухаре таджикского языка, большинство жителей города считает себя не таджиками, а узбеками. При переписи 1926 г. из 41 839 человек зарегистрированного местного населения узбеками назвало себя 27 825 человек, а таджиками лишь 8 646 человек[48].

Путешественники, побывавшие в г. Бухаре в первой половине XIX в., называют бухарцев, конечно, с их собственных слов, узбеками[49]. А. Борнс отмечает гордость, с какой бухарец-узбек относил себя к узбекскому народу. В то же время многие бухарцы называли таджиками не себя, а форсов[50].

Изучение населения г. Бухары показало, что многие семьи, так же как и отдельные группы, употребляющие таджикский язык (владея, как и все бухарцы, также и узбекским языком), по своему происхождению относятся к узбекам и сохраняют память о принадлежности их предков к тем или иным узбекским племенам (мангыт, найман, уч-уруг, кырк-юз, туркман района Нурата), либо предания о приходе из мест, населенных узбеками, например, из Хорезма. Такие группы имелись в квартале Урганджи (к западу от ворот Шейх-Джалоль), в квартале Чармгарон (к югу от ворот Шергирон), в квартале Олим-Ходжа (к югу от Самаркандских ворот), где жили потомки бежавшего в г. Бухару в начале XIX в. знатного хивинского рода, и, наконец, уже упоминавшаяся группа в квартале Буйробофон. Все эти группы совершенно не имели связи друг с другом, что ясно говорит о разновременности прихода их в г. Бухару.

Попав в окружение таджикоязычного населения, составлявшего в г. Бухаре подавляющее большинство, переселенцы, в особенности если жили они в Бухаре достаточно долго, утрачивали свой язык и переходили на таджикский. Однако, оказываясь нередко в роли господствующего сословия (сипо), его представители бережно хранили тюркские традиции, выражавшиеся в племенном и этническом (в смысле принадлеж-

---

[48] Всесоюзная перепись 1926 г., вып. XV, Узбекская ССР, ЦСУ СССР. М., 1928, стр. 146—147.

[49] Meyendorff, op. cit., p. 195; А. Борнс, указ. соч., стр. 395.

[50] В пяти различных пунктах города при спросе был получен ответ: «тоджик гуфта мо эронихоя мегуфтем.

ности к узбекской народности) самосознании, поддерживаемом и стимулируемом привилегированным положением этих групп.

Наряду с начавшим складываться этническим самосознанием, которое развилось к XIX в. далеко не у всех обитателей г. Бухары и наблюдалось, по-видимому, преимущественно в среде высших сословий, сохранялось родоплеменное сознание. Оно было особенно сильно у тех групп населения, которые, не так давно оставив кочевой образ жизни, сохранили кочевые традиции. Наиболее яркими представителями таких групп были родоплеменные узбеки, в том числе и те, которые жили в г. Бухаре и говорили на таджикском языке. К именам представителей узбекской знати обязательно прибавлялось название племени, к которому человек принадлежал. Узбекский язык употреблялся в придворном церемониале, узбекским было подавляющее большинство терминов, обозначавших должности и чины.

Так как феодальное ополчение в Бухарском ханстве в основном состояло из родоплеменных узбеков и формировалось по племенам[51], то в этих кругах более распространен был узбекский язык. Среди представителей сипо было немало таких, которые поселились в городе недавно. Получая вместе с назначением казенные квартиры, которые находились во многих кварталах города, узбекоязычные семьи вкрапливались в массу населения, говорящего по-таджикски.

Имелись в Бухаре и компактные группы узбеков, сохранившие свой язык. Одна из них, самая многочисленная и, по-видимому, самая поздняя проживала в северо-западной части города, к югу от ворот Талипоч и принадлежала к военнослужилому сословию. Здесь жили кенегесы и калмоки[52]. Они не были единственными жителями в этой части города: в кварталах, где они жили, часть населения (в одних кварталах большая, в других — меньшая) говорила на таджикском языке и занималась различными ремеслами.

Вторая тюркоязычная группа, уже упоминавшаяся, составляла единственное население квартала Буйробофон (к югу от Самаркандских ворот), занимаясь плетением циновок (буйро, литерат, — бурьё), что дало название кварталу. Связанная общим занятием и профессиональной корпорацией, в которую не входили посторонние, так как ремесло циновщиков было

---

[51] См. В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Известия Среднеазиатского отделения РГО, вып. XVIII, Ташкент, 1928.

[52] Не вдаваясь здесь в специальный вопрос о происхождении калмоков, необходимо оговориться, что мы считаем бухарских калмоков конца XIX—начала XX в., одним из узбекских племен, среди которых были различного происхождения этнические образования, принявшие форму племенной организации.

целиком сосредоточено в этом квартале, эта группа имела все условия для сохранения тюркоязычности.

Третья сохранившая свой язык группа узбеков проживала в восточной части города (к северу от Мазарских ворот), составляя половину населения квартала Кара-Камоль. Другая половина говорила по-таджикски. Большинство населения квартала занималось сапожным ремеслом и было тесно связано друг с другом в деловом и в бытовом отношениях. И те и другие прекрасно знали таджикский и узбекский языки. Узбекский был, однако, родным языком, употреблявшимся в семье, лишь для первой половины населения этого квартала. Эта группа сохраняла узбекский язык вместе с приставкой «бек», прибавлявшейся к именам мужчин, как единственная память о том, что их предки принадлежали к родовитым (авлоди) узбекам-сипо. Признавая за ними знатное происхождение, их соседи из привитого с детства уважения говорили с ними по-узбекски, хотя нередко, как приходилось наблюдать, и те и другие в пылу разговора незаметно для себя переходили на таджикский язык.

Меньшие группы тюркоязычных узбеков, принадлежавшие главным образом к военному сословию, отмечены информаторами в кварталах Чашма-Аюб, где жило 10 семей знатного рода из племени бахрин, и в кварталах Моркуш и Кыргыз-ойим, где жили мангыты и кырк-юзы. Последние, по сохранившемуся у них преданию, переселились сюда из-под Ура-Тюбе после взятия его русскими войсками. Мангыты и кырк-юзы принадлежали к военнослужилому сословию.

Процесс складывания буржуазных наций в Бухарском ханстве успел развиться в еще меньшей степени, чем на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Та часть населения г. Бухары, которая давно утратила родоплеменное деление, но не доросла еще в условиях затянувшегося феодализма до сознания национальной общности, отличалась аморфностью, и вопрос о национальной принадлежности не был еще поставлен перед ней самой жизнью. Как говорят старики-бухарцы, «их никто не спрашивал, узбеки они или таджики». Оба эти термина не получили еще до революции устойчивой семантики. Термин «узбек» в устах горожан — бухарцев и самаркандцев — имел значение не столько этническое, сколько социальное, обозначая жителя сельских местностей и получив несколько пренебрежительный оттенок («деревенщина»).

Религиозная принадлежность имела для горожан гораздо большее значение, чем национальная. Самоназванием различных групп городского населения, относившегося к суннитам, было «мусурмон» — мусульманин. Социальная общность объ-

единяла в один господствующий класс тех узбеков, таджиков и форсов, которые принадлежали к правящей верхушке.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии началось образование социалистических наций. В ходе этого процесса значительная часть таджикоязычных бухарцев, как связанная генетически со старым таджикским населением этого города, так и ставшая таджикоязычной на протяжении одного-двух последних столетий, отнесла себя к узбекам. Другая часть консолидировалась с таджикской социалистической нацией.

После национального размежевания в Бухаре усилилось значение узбекского языка. Город сделался центром населенной преимущественно узбеками Бухарской области, и связь областных организаций с районами осуществляется на узбекском языке; на узбекском языке читаются лекции в Бухарском институте, готовящем кадры учителей для сотен узбекских школ области. В городе работает немало людей, приехавших из других областей Узбекистана, и среди них очень много узбеков.

Приведенные факты вскрывают одну из своеобразных черт происходившего в Средней Азии процесса формирования народностей и вхождения отдельных этнических групп в социалистические нации.

Несмотря на то, что и узбекская и таджикская народности сформировались в своих основных чертах в IX — XI вв., а в конце XIX — начале XX в. начался процесс формирования буржуазных наций, этническое самосознание у отдельных их групп было еще не развито. К тому же общность исторических судеб таджиков и узбеков, однородность уклада хозяйства и близкие экономические связи, культурная близость, в частности двуязычность многих групп таджиков и узбеков, общность религии приводили к тому, что среди представителей этих народностей многие еще не могли достаточно ясно отчленить этническую связь от культурной общности и религиозной принадлежности.

При формировании социалистических наций эта нечеткость самосознания сказалась в таких явлениях, как противоречия между осознанием себя некоторыми группами частью одного народа и употреблением ими языка другого народа. Это указывает на некоторую незавершенность процесса слияния с социалистическими нациями отдельных этнических групп.

* * *

Значительную группу населения г. Бухары составляли форсы (ирони). Название «форс» они приняли после так называе-

мой «шиитской резни» 1910 г., когда обострение отношений между суннитами и шиитами Бухары привело к тому, что прежние названия «ирони», «марви» стали употребляться остальными лишь за глаза, приобретая оттенок оскорбительности и враждебности. Вследствие этого и в литературе следует принять их новое и уже укоренившееся в быту бухарцев название — форс[53].

Все форсы г. Бухары были таджикоязычны, резко отличаясь языком и антропологическим типом от самаркандских тюркоязычных ирони, потомков кизилбашей, переселение которых в Самарканд, так же как и форсов г. Бухары, приписывается эмиру Шах-Мураду.

Большая часть форсов жила в юго-западной части города— Джуйбаре, составляя почти единственное население кварталов Чакар, Чукур-махалля и Вакф (Вахм), преобладающее население гузара Тахти Чорбог и меньшинство в остальных гузарах Джуйбара. Форсы жили также в расположенных вдоль проспекта Хиёбон кварталах (Волида-хони-шахид и др.), которые были восточной границей расселения этой этнической группы. Лишь в южной части проспекта граница заходила несколько восточнее — до квартала Моркуш, где был один из шиитских молитвенных домов (хусайния).

Вторая, значительно меньшая группа форсов населяла расположенный на северо-западном конце шахристана квартал Тупхона, составляя примерно 60% его населения.

Третья группа, состоящая из 28 родственных семей, жила в квартале Дуст-чурогоси, к западу от арка. Эта группа, по преданию, сохранившемуся у ее представителей, происходит от пришедшего в Бухару из Ирана пять поколений тому назад, т. е. примерно в конце XVIII в., шелкомотальщика Ибрагима. Живя в окружении суннитов-бухарцев, в отрыве от остальных форсов Бухары, эта группа форсов перешла в суннизм и почти полностью ассимилировалась с окружающим населением, с которым имеет постоянные брачные связи. Однако представители этой группы хранили в памяти не только рассказ о приходе в Бухару их предка, но и имена всех его потомков во всех прошедших поколениях. Сохраняли они и старое ремесло этой семьи — размотку коконов.

Форсы жили также в нескольких пригородных кишлаках (Кум-работ, Тотор-махалля, Джуйбори-берун и др.), население которых было тесно связано с городом, занимаясь, как и многие горожане, ткацким ремеслом.

---

[53] Это название употреблено, например, в издании «Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923/1924 г.», стр. 225. Название «форс», по-видимому, отразилось в форме «перс» и в материалах переписи 1926 г. в г. Бухаре.

Происхождение различных групп форсов неодинаково. Одни из них были потомками переселенных сюда в конце XVIII в. эмиром Шах-Мурадом жителей Мерва; другие — потомками освобожденных, согласно договору с русским правительством, рабов, привозившихся в Бухару со всего Хорасана, включая и север Афганистана; третьи, наконец, происходили от переселенцев из Ирана, в разное время и по своей воле приходивших в Бухару и тут оседавших. Записанные генеалогии некоторых форсов говорят об индивидуальном переселении их предков в Бухару в XVIII в.

Переселения из Ирана продолжались до самой революции. Поздние переселенцы были известны под названием «машади» (мешхедцы). Среди них было немало женщин, так как бухарские форсы-богачи нередко ездили в Иран за женами.

Наиболее старой была, вероятно, группа форсов, жившая в квартале Тупхона. На это указывает поселение ее компактной группой в самом центре города, на территории шахристана, в то время как остальные форсы жили в самой новой части города — в районе Джуйбара. О том же свидетельствует значительно большая степень сближения этих форсов с окружавшим их населением, а также утрата ими всяких связей с Ираном, в чем представители этой группы видели свое основное отличие от форсов Джуйбара. Не было, по-видимому, близких связей и с последними.

Однако и эта группа вряд ли сложилась одновременно. Это показывает, например, история одной семьи из этого квартала, которая ведет свое происхождение от выходца из Ирана, пришедшего семь поколений тому назад (т. е. примерно в середине XVIII в.) в Бухару в поисках работы. Можно думать, что подобных единичных переселенцев на протяжении веков было немало.

Все эти группы форсов, за исключением той, которая жила в квартале Дуст-чурогоси и перешла в суннизм, объединялись друг с другом общей религией — шиизмом, отделявшей их от остального бухарского населения, которое исповедывало суннизм, препятствуя взаимной ассимиляции. Однако в тех случаях, когда форсы оказывались в ближайшем окружении суннитского населения, они быстро, через одно-два поколения, переходили в суннизм и сливались с окружающей средой.

Невзирая на принадлежность к двум различным, обычно враждебным друг другу направлениям в исламе, связи форсов с остальными группами населения Бухары были довольно близкими. Это проявлялось не только в добрососедских отношениях, выражающихся в обязательном участии. жителей одного квартала—таджиков, узбеков и форсов—в семейных праздниках и обрядах друг друга, но и в заключении браков. К по-

следнему, правда, большинство представителей старого поколения бухарцев относилось неодобрительно, однако никто из них не мог отрицать того, что такие браки в Бухаре были нередки; отдельные факты известны и лично автору настоящих строк.

Наличие культа Алия, Хасана и Хусейна в среднеазиатском суннизме, в особенности в Бухаре, где несмотря на ее положение центра суннитского богословия шиитские традиции были далеко не изжиты[54], привело к тому, что совершение шиитами их религиозных обрядов, в частности обряда шахсей-вахсей, не только не вызывало у исповедывавших суннизм жителей Бухары отвращения, но и пользовалось их полным сочувствием.

Многие бухарцы-сунниты в дни траурных мистерий шли в молитвенные дома шиитов, а в особенности — на происходившие под открытым небом (за Самаркандскими воротами) процессии. Не принимая в них участия, они, растроганные воспоминаниями о трагической гибели Хусейна, почитавшегося и суннитами, проливали слезы, как говорят, «для того, чтобы облегчить свое сердце» («дӣлямоя сабук кунӕм гуфта́ мерафтем»). Бухарцы-сунниты считали, что шииты, терзаемые раскаянием, доводят свою скорбь до неистовства, так как они же сами и были теми, кто когда-то убил Хусейна.

После 1910 г., однако, между форсами и остальным населением Бухары возникло некоторое отчуждение. Оно было вызвано действиями многочисленных сановников из форсов, которые, происходя от рабов, при последних эмирах нередко занимали высшие должности[55], дававшие возможность злоупотреблений. То покровительство, которое они оказывали своим соотечественникам, в частности всячески поддерживая пышное проведение шиитских религиозных обрядов, на которые отпускали большие средства, выжатые из народа, способствовало перенесению этого возмущения на всех форсов вообще. Однако не бухарцы довели его до открытого побоища, в котором пострадало много ни в чем неповинных людей из трудового народа.

Издавна близко сожительствуя с форсами, бухарцы не питали к ним вражды, разделяли с ними, как с товарищами по ремеслу, общие тяготы, а как с соседями по кварталу — об-

---

[54] А. Ю. Якубовский, Ибн Сина, Сб. «Ибн Сина», Ташкент, 1953, стр. 13—14; А. А. Семенов, Исмаилитский панегирик обожествленному Алию Федаи Хоросанского, Иран, III, Л., 1929, стр. 54; О. А. Сухарева, К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. II, 1950, стр. 168—169.

[55] Как говорят бухарцы, этим объясняется исчезновение высшей должности — аталыка, патриархальный генезис которой не позволял давать ее рабам или их потомкам.

щие трапезы. Обострение отношений, как свидетельствуют многочисленные сообщения, было спровоцировано учащимися медресе из числа приезжих. Настроенные крайне фанатично, они считали богопротивной ересью совершение шиитских религиозных обрядов, вызывавших, как было сказано, полное сочувствие бухарцев.

Непосредственным поводом к резне послужил некорректный поступок трех учащихся медресе, которые, придя поглазеть на обряд шахсей-вахсей в каганский молитвенный дом, принялись смеяться над собравшимися там шиитами. Один из студентов был убит, остальные бежали в Бухару, где их поддержали товарищи и наиболее фанатичные группы бухарцев. Произошло открытое побоище, в результате которого оказались убитые и раненые с обеих сторон. Их кровь легла между суннитским и шиитским населением Бухары, вызвав взаимную вражду и отчуждение, которые стерлись и забылись лишь спустя много лет, после революции.

Это столкновение сыграло отрицательную, реакционную роль в политической жизни Бухары. Оно нарушило давно сложившиеся близкие связи между шиитами и суннитами, товарищами по ремеслу и соседями по кварталу, иногда связанными друг с другом отношениями родства. Зародившаяся вражда затемнила сознание тех и других национальной рознью, стимулировала развитие религиозной нетерпимости и фанатизма, которые разжигались духовенством и использовались правившими классами и эмирскими властями для подавления всего прогрессивного.

В советский период религия перестала разделять живущие общей экономической и культурной жизнью, говорящие на одном языке группы бухарских таджиков, узбеков и форсов, которые, несомненно, имеют ясную тенденцию к изживанию прежней, и до того не сильной обособленности.

* * *

Арабы, которые также были таджикоязычными[56], населяли в Бухаре два квартала Арабон. Один находился в центре города, к северу от арка, второй — на его южной окраине, у ворот Саляххона (Салоххана)[57].

---

[56] По переписи 1926 г. в Бухаре проживало 58 арабов — 40 мужчин и 18 женщин (Всесоюзная перепись 1926 г., вып. XV, Узбекская ССР, стр. 146—147). Как и в отношении остальных народностей, следует предполагать, что часть арабов, особенно женщин, не была зарегистрирована.

[57] В. В. Бартольд пишет, что в источниках ничего не сообщается о том, насколько потомки этих арабов отличались по языку и образу жизни от остальных жителей (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 23). Его замечание, что они «говорят по-узбецки» (там же, стр. 24), относится, очевидно, не к арабам-горожанам, а к степнякам.

Происхождение обеих этих групп, несомненно, различно. Трудно датировать их появление в городе на основании этнографических данных. Можно лишь предполагать, что вторая группа арабов поселилась здесь не так давно. Это видно из сохранения ими близких связей с арабами-степняками Бухарского ханства. Последние, приезжая в город, останавливались в домах арабов из этого квартала и здесь же при их посредничестве осуществляли свои торговые операции, главным образом по торговле каракулевыми шкурками, вследствие чего этот квартал превратился в своего рода каракулевый рынок. Поселение этой группы арабов на территории, вошедшей в городскую черту лишь при постройке последней стены, говорит о том, что во всяком случае до того времени их в городе не было.

Проживание арабов в центральной части города компактной группой позволяет предположить, что они завладели этим районом очень давно. Вряд ли сейчас можно с уверенностью ставить живущих здесь арабов в связь с первыми арабскими поселенцами в Бухаре эпохи внедрения ислама, однако эта связь не исключена. Населенный ими квартал находится вне древнего шахристана, но поблизости от той его части, где поселил арабов Кутейба. Как пишет Наршахи (X в.), вернее, его переводчик и соавтор Абунаср-Ахмад Куббави (XII в.), дома арабов находились перед теми воротами шахристана, которые носили название «ворот цитадели» и которые автор настоящей работы, уточняя прежние локализации, помещает против вторых, теперь заложенных ворот арка.

* * *

Евреи, говорившие на еврейском диалекте таджикского языка, занимали три больших слободы — Махаллайи кухна, Махаллайи нау и Амиробод, которые заселялись в приведенной последовательности по мере роста еврейского населения Бухары.

Трудно сказать, когда образовалась Старая слобода. Она расположена на самой окраине той территории, которая входила в черту города начала XVI в.[58] Это позволяет думать, что Старая слобода образовалась, вероятно, до XVI в. Две другие, несомненно, связаны с городом, границы которого определились при перестройке стен. Эти слободы помещались также на окраине города (в его новых границах). Последняя слобода (Амиробод) — самая поздняя. Конечно, еврейские

---

[58] О. А. Сухарева, К исторической топографии Бухары первой половины XVI в., стр. 159.

слободы образовывались в пределах города, а не за его стенами, где население не чувствовало себя в безопасности.

Как известно, еврейские общины имелись в городах Средней Азии уже в VI в. В какой связи с этими ранними поселенцами находились евреи, жившие в г. Бухаре в XIX — начале XX в., — неизвестно. Единственный источник по истории современного еврейского населения г. Бухары — исторические предания, сохранившиеся у них, говорят о поселении там их предков в XIV в.

92-летний еврей-красильщик, уроженец Бухары, сообщил, что, как он слышал от стариков, еврейская колония образовалась здесь впервые при Тимуре, когда сюда было переселено из Шираза девять семей. Второе предание рассказывает о переселении Тимуром из Багдада в Бухару евреев — мастеров по обработке шелка. Мейендорф, говоря о 800 домах евреев в Бухаре, приводит, ссылаясь на устные сведения, сообщение о том, что евреи пришли в Бухару из Самарканда, где они жили семь веков после того, как покинули Багдад[59]. Борнс говорит о 4 000 обитавших в Бухаре евреях, пришедших сюда из Мешхеда и Персии[60].

По-видимому, все эти противоречия объясняются тем, что переселения отдельных еврейских групп в Бухару совершались неоднократно, в разное время. Они продолжались даже в колониальный период, несмотря на исключительно тяжелые условия, в которые попадали в Бухаре евреи.

Так как евреям под страхом смертной казни было запрещено селиться в эмирской Бухаре за пределами еврейских кварталов, эти переселения, так же как и естественный прирост населения, привели к тому, что еврейские слободы, особенно Махаллайи кухна и Махаллайи нау, были населены чрезвычайно густо даже для Бухары, которая вообще отличалась высокой плотностью населения. В этих слободах часто встречались дома, совершенно лишенные двора и состоящие лишь из построенных вплотную друг к другу и одно над другим помещений, двери которых выходили на небольшую открытую террасу, представлявшую собой единственное свободное пространство, или на крыши помещений первого этажа.

Перенаселение отведенной евреям площади заставляло их неоднократно обращаться с особыми заявлениями к эмиру, в результате чего, согласно сохранившемуся у них преданию, им и была выделена новая площадь для поселения—сначала Новая слобода, а потом, когда и она оказалась перенаселенной,—Амиробод.

---

[59] Meyendorff, op. cit., p. 172.
[60] А. Борнс, указ. соч., стр. 391—392.

Всего, по сообщениям местных евреев, в трех еврейских кварталах было свыше 500 домов: в Старой слободе — приблизительно 250, в Новой слободе— 200 и в Амироботе—70—80. Следовательно, евреев в Бухаре было не менее 3000 человек[61].

Евреи, жившие в г. Бухаре, сохраняли древнееврейскую религию—юдаизм. Однако из среды еврейского населения Бухары выделилась группа евреев-мусульман, предки которых в разное время были насильственно обращены в ислам фанатичными представителями духовенства при помощи эмирских властей.

Эта группа жила обособленно и крайне замкнуто, оттолкнутая своим вынужденным вероотступничеством от остального еврейского населения и в то же время не слившаяся со своими новыми собратьями по религии вследствие пренебрежительного отношения к ним и своего собственного нежелания вступать в близкие связи с мусульманами-неевреями. Евреи-мусульмане селились обычно небольшими группами в кварталах, находящихся по соседству с еврейскими слободами. Они образовали особую этническую группу, весь уклад жизни которой определялся своеобразным сочетанием элементов еврейства и мусульманства. Эта группа не была однородна и распадалась на две части. Одни семьи сохраняли многое от еврейства, другие в большей или меньшей степени восприняли культуру окружавшего мусульманского населения, чему особенно способствовало обучение их детей в мусульманских школах—мактабах и медресе.

Это различие между семьями евреев-мусульман было следствием как конкретной истории каждой семьи, так и большей или меньшей продолжительности срока, прошедшего со времени обращения ее в ислам. Лишь в первом, иногда во втором поколении наблюдалось стремление вернуться к юдаизму, что можно было сделать, уехав из пределов Бухарского эмирата. Для более отдаленных потомков евреев, насильственно обращенных в мусульманство, ислам превращался, в свою очередь, в религию отцов и дедов, и его влияние постепенно проникало во все области жизни, хотя некоторые традиции еврейства сохранялись.

В советское время под влиянием сложившихся условий, способствующих, с одной стороны, консолидации наций и народностей, а с другой—изживанию всяких проявлений расовой дискриминации и национального угнетения, наблюдается исчезновение былой национальной изолированности. Группа

---

[61] При переписи 1926 г. среди евреев зарегистрировано 125 мужчин и 331 женщина, что совершенно неверно.

евреев-мусульман в Бухаре в настоящее время сливается частью с еврейским, частью с таджикско-узбекским населением. Ее прежняя замкнутость в значительной мере изжита.

* * *

Кроме описанных национальных групп, в Бухаре жили и представители некоторых других народностей. В северо-восточной части один квартал населяла небольшая группа казахов, в разных местах жило немало афганцев-торговцев, многие из которых торговали чаем; были здесь и индийцы. Последние, отделенные от остальных жителей Бухары религиозными предрассудками, жили в особом караван-сарае, являясь в большинстве ростовщиками и общаясь с остальными бухарцами лишь при своих ростовщических операциях.

Все вышеизложенные факты говорят о сложности этнического состава населения Бухары конца XIX—начала XX в., вскрывают пути формирования этого населения, своеобразие этногенетического процесса в условиях крупного города.

Объединение и ассимиляция отдельных этнических групп, составлявших городское население, к концу XIX—началу XX в. не были завершены. Этот процесс тормозился характерной для феодального строя религиозной и сословной разобщенностью различных групп населения.

ЗАНЯТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В составе городского населения Бухары очень большое место занимали ремесленники. Они концентрировались по специальностям в различных частях, иногда в отдельных кварталах города. Профессия населения нередко находила свое отражение в названии кварталов: 23 квартала Бухары в изучаемый период носили название различных ремесел, которыми жители этих кварталов занимались и в конце XIX—начале XX в. В ряде случаев, однако, такие кварталы, сохранив прежнее название, утратили производственный характер, и их названия не соответствовали уже занятию их населения.

Примером могут служить кварталы Мехчагарон (гвоздари), Сузангарон (игольщики), Косагарон (гончары), Собунгарон (мыловары). Оставление жителями этих кварталов прежнего занятия объяснялось в большинстве случаев исчезновением самого производства, сделавшегося нерентабельным вследствие ввоза соответствующих фабричных изделий. Иногда несоответствие старого названия квартала занятиям его жителей было следствием каких-нибудь изменений в распорядке городской жизни. Мыловарам, например, раньше за-

нимавшимся своим делом в населяемом ими квартале, в конце XIX в. было запрещено варить мыло в центре города, и они были вынуждены либо заняться чем-нибудь другим, либо переселиться на окраины.

Существование в Бухаре XIX—начала XX в. как специализированных ремесленных кварталов, так и сравнительно очень большого количества названий, указывавших на занятие ремеслом жителей квартала в прошлом, говорит о том, что встарину многие кварталы были тесно связаны с профессиональными корпорациями, возможно, полностью с ними совпадая. В некоторых случаях это положение сохранялось: квартал Буйробофон объединял всех плетельщиков циновок, которые были в городе. Таково же было положение в квартале Кемухтгарон, где жили почти все кожевники, вырабатывавшие специальный сорт кожи (кемухт.)

Совпадение границ квартала с границами распространения ремесла в Бухаре изучаемого периода имело место лишь при малом развитии промысла, в тех случаях, когда он обслуживал узкий круг потребителей и был представлен небольшим числом ремесленников.

Гораздо характернее для этого времени было такое развитие ремесла, при котором оно далеко вышло за пределы жилого квартала, охватив значительное число людей, живших не только в нескольких кварталах (нередко все же объединенных территориально), но и за пределами городской стены. Такое положение было свойственно тем производствам, продукция которых шла и на удовлетворение внутренних потребностей и на вывоз.

Наиболее ярким примером такого ремесла может служить ткачество, которое, как считают старики-ткачи, было представлено в Бухаре (в городе и ближайших пригородах) 12 тыс. станков.

Производственный, ремесленный характер носили обычно жилые кварталы, расположенные на окраинах, в чем сказываются исторические условия роста феодального города, наличие характерных для него ремесленных пригородов—рабадов, которые при постройках новой стены включались в городскую черту.

Юго-западная окраина города была районом распространения ткачества, которое, делясь на несколько специализированных отраслей, было занятием большинства населения всех кварталов Джуйбара, а также имело некоторое распространение в кварталах, расположенных к востоку от проспекта Хиёбон.

Вторым районом города, где также жили ткачи и имелись

ткацкие мастерские, был квартал Корхона[62], находившийся к востоку от шахристана. Однако там численность ткачей была сравнительно невелика. Возможно, это был район древнего распространения ткацкого ремесла, на что указывает наличие здесь двух мазаров, связанных с ткачеством и его патронами.

В этом же районе города (в квартале Шои-Ахси) была сосредоточена выработка тонких шелковых платков (калгай), орнаментируемых способом батикования. Ткань для этих платков, изготовленная из неотваренной грежи, привозилась преимущественно из Ферганы. Частично ее поставляли ткачи-евреи, жившие в самой Бухаре.

Можно отметить специализацию отдельных этнических групп на производстве определенных видов тканей. Форсы вырабатывали преимущественно шелк-канаус, бархат и особого типа шелковые платки (тирма). Коренные бухарцы, таджики или таджикоязычные узбеки, также занимаясь отчасти выработкой упомянутых выше тканей, изготовляли полушелковые полосатые ткани (бекасаб, алоча, адрас) и отрабатывали их лощением. Бекасаб и адрас вырабатывались, например, населением квартала Пухтабофон.

Не связанным с другими ткацкими ремеслами было производство широких тканых поясов, носимых знатью и придворными кругами. Это производство, рассматриваемое как отдельное ремесло, концентрировалось в одном квартале—Тагбандбофон, которому оно дало название.

Кожевники жили в четырех местах довольно значительными группами. Две из них находились около городских ворот: в квартале Чармгарон (к югу от ворот Шергирон) и в квартале Арабон (возле ворот Саляххона). За воротами находились принадлежавшие цеху участки, на которых кожевники раскладывали для просушки свои кожи. Третья группа жила в северной части города, в квартале Искандар-хон, где был большой солончак, служивший кожевникам местом для обработки и сушки кож.

Четвертая группа, по-видимому, была самой старой. Это видно из того, что она жила и имела свои мастерские в самом центре города, на территории древнего шахристана, в квартале Кемухтгарон, хотя производство кожи, связанное с неприятными запахами, было здесь, конечно, очень неудобно. В этом квартале вырабатывался специальный сорт кожи, и

---

[62] Название этого квартала не может быть сопоставлено с известной, по сообщению Наршахи, большой ткацкой мастерской (коргоха). Отмеченный нами квартал Корхона находится довольно далеко к востоку от шахристана, тогда как, по Наршахи, мастерская помещалась к западу от него, «между крепостью и шахристаном, около соборной мечети» (Наршахи, История Бухары, стр. 29).

жившие здесь кожевники занимали особое место среди других ремесленников этой специальности. Они были связаны с эмирским двором, поставляя кожи преимущественно казие для войска и аристократии.

Значительное развитие получило в Бухаре сапожное ремесло, также делившееся на ряд отраслей в зависимости от вида вырабатываемой обуви. Оно было сосредоточено в восточной части города; однако лишь в квартале Кара-Камол им занималось почти все население (около 90%), в остальных же кварталах этой части города оно составляло заметный, но не преобладающий вид занятия. Немало ремесленников этой специальности было и в других частях города. Они отмечены во многих кварталах, расположенных в северо-западной части города, между воротами Талипоч и Шергирон, в квартале Миракон и во многих кварталах в центре города, где они жили небольшими группами или даже отдельными семьями.

Особой специальностью была починка и чернение старой обуви (сийокори). Этим занимались почти все жители квартала Сийокорон и многие жители квартала Ходжа-таббанд.

Представители металлообрабатывающих ремесел распределялись по городу следующим образом.

Кузнецы и слесари, объединяемые общим названием «чолнгар», группировались в двух находящихся в различных районах города кварталах—Ахтачи и Амири, в каждом из которых они составляли больше половины населения.

Литейщики жили в квартале Дегрези, где находились в изучаемый период лишь их дома и торговые ряды. Производство же, которое, как можно думать по самому названию квартала, раньше осуществлялось здесь, было вынесено за городские стены в селение Мугулони-кари. Жители последнего также занимались литейным делом, выполняя в этом производстве те работы, которые не требовали высокой квалификации.

Медники и ювелиры жили преимущественно в центральных районах города. Медники не представляли собой сколько-нибудь компактных групп; ювелиры же, которые жили в различных частях города, составляли большинство населения квартала Азизон и значительный процент в квартале Косимшайх, расположенных невдалеке от Купола ювелиров, где были их торговые ряды. Число ювелиров, изделия которых пользовались большим спросом среди жителей столицы и, кроме того, вывозились в сельские районы и другие города, было весьма значительно. При составлении в начале XX в. списка для какого-то проводимого старшиной цеха мероприятия в него было внесено 400 имен.

В числе металлообрабатывающих ремесел, кроме упомянутых, были еще и мелкие, но чрезвычайно интересные специальности: литье из бронзы (рехтагари) и очищение золота и серебра от примесей (гахбанди). Литьем из бронзы в предреволюционной Бухаре занимались 30 мастеров. Очищение золота и серебра от примесей находилось преимущественно в руках ювелиров, хотя имелись и немногочисленные специалисты—гахбанды, для которых эта профессия была единственным занятием.

Деревообделочники населяли кварталы, расположенные севернее арка. Одна группа—токари—составляла подавляющее большинство населения квартала Харротон, которому они дали название. Часть токарей расселилась в соседнем квартале Чашма-Аюб.

Вторая группа деревообделочников—согутарошон, занимавшаяся выработкой различных мелких деревянных предметов (вил, ободов для решет и сит и т. п.), жила в квартале Козы-Мир-хошим (он же Согутарошон), имея свои мастерские-лавки вдоль улицы, ведущей к воротам Хазрати Имом.

Большое количество ремесленников вырабатывало различную одежду. Шитье халатов было сосредоточено в квартале Моркуш и соседних; изготовление овчинных тулупов (пустиндузи)—в двух кварталах Пустиндузон; шитье меховых шапок (телпакдузи) — в квартале Дуст-чурогоси.

Золотошвеи, которых в Бухаре было немало, жили отдельными семьями или небольшими группами во многих кварталах центральной части города. Компактную группу они составляли лишь в большом квартале Мир-Дустум, который назывался в народе «кварталом золотошвеев» (Гузари зардузон). Здесь жили самые крупные мастера и предприниматели и находились сравнительно большие мастерские, в которых работали наемные мастера (хальфа).

Несколькими компактными группами были представлены строительные ремесла, в которые входили две основные специальности—каменщики (гилькор) и плотники (дурезгар).

Одна из групп мастеров-строителей жила в квартале Мулло-Хоки-рох, или Понобихо, население которого, представляя замкнутую группу выходцев из селения Поноб, занималось почти исключительно строительным ремеслом (гилькори). Из этого квартала вышел и известный резчик по алебастру почетный член Академии наук УзССР Ширин Мурадов.

Вторая группа жила в кварталах, расположенных вдоль улицы Хиёбон. Особенно много было представителей строительных ремесел в находившемся в этом районе квартале Ходжа-Туйгун, где они составляли больше половины жителей.

К этой группе примыкали многочисленные мастера-строители из Джуйбара (кварталы Джуйзар, Дасторбандон, Шахринау). Территориально близки к ним были и представители этой профессии, жившие к северу от ворот Шергирон, где их также было немало. В этом районе, как и в Джуйбаре, жили каменщики.

Чрезвычайно велико было в Бухаре количество ремесленников, занимавшихся изготовлением различных пищевых продуктов. Сюда входили хлебопеки, кондитеры, повара, мясники и т. п., делившиеся, в свою очередь, на ряд специальностей. Эта прослойка трудового люда столицы, также объединенная в свои профессиональные корпорации, была рассеяна по всему городу, обеспечивая своей продукцией население его различных районов.

Очень важным элементом среди трудящихся Бухары были водоносы (машкоб), которые разносили воду из многочисленных бухарских водоемов по домам своих постоянных клиентов. Их общее число могло доходить до нескольких сот человек, так как в Бухаре имелось свыше 80 водоемов, вокруг каждого из которых группировалось до 30—40 и больше водоносов. Иногда водоносы брали на себя за определенную плату поливку и поддержание чистоты улиц в отдельных кварталах или на базарах и в торговых рядах. Нередко, однако, эту обязанность выполняли специально нанимавшиеся подметальщики (фаррош), также составлявшие одну из групп трудового люда Бухары. На обязанности водоносов было тушение возникавших в городе пожаров, на которые они сбегались со своими мехами для воды, заслышав звук специального барабана.

Наряду с ремесленниками среди населения г. Бухары имелись и «дехкане».

Они жили во многих кварталах города, особенно в восточной его части. Как выяснилось, однако, в Бухаре этот термин обозначал не только человека, занимавшегося обработкой земли лично, но и всякого, кто жил на доходы с земли, что преимущественно и встречалось среди городского населения.

Чрезвычайно интересным историческим фактом следует считать сохранение в самом городе, несмотря на его крайнюю тесноту, земельных участков, используемых для земледелия. Массивы таких земель лежали в восточной и юго-западной частях города. На плане Парфенова—Фенина они отмечены как пахотные земли. В действительности, указанные на этом плане участки были заняты преимущественно садами и огородами. Лишь на незначительной их части были пашни; там высевался ячмень, который жали еще зеленым на корм скоту. Такими посевами была занята большая часть земель в юго-запад-

ном углу города, куда поливная вода подавалась через желоб при помощи чигиря из находящегося снаружи арыка.

Сады, расположенные в восточной (в кварталах Дилкушойи дарун, Кучабог и др.), северо-западной (в кварталах Баходур-бий и Дурман) и юго-западной частях города, принадлежали преимущественно знати и крупнейшим богачам. В юго-западном районе города находился и так называемый «Сад Ботур-хона», принадлежавший эмирскому гарему, обитательницы которого выезжали иногда туда летом.

В Бухаре, крупнейшем среднеазиатском торговом центре, было много людей, занимавшихся торговлей. Каждая группа торговцев имела особое название в зависимости от того, какими товарами она торговала.

Каждый вид товаров продавался в специальном ряду, но торговцы одной специальности обычно не жили в определенных частях города, хотя и была заметна тенденция к некоторому их объединению в одном районе. В некоторых кварталах, примыкавших к соответствующим торговым рядам, жило по несколько семей торговцев одной специальности.

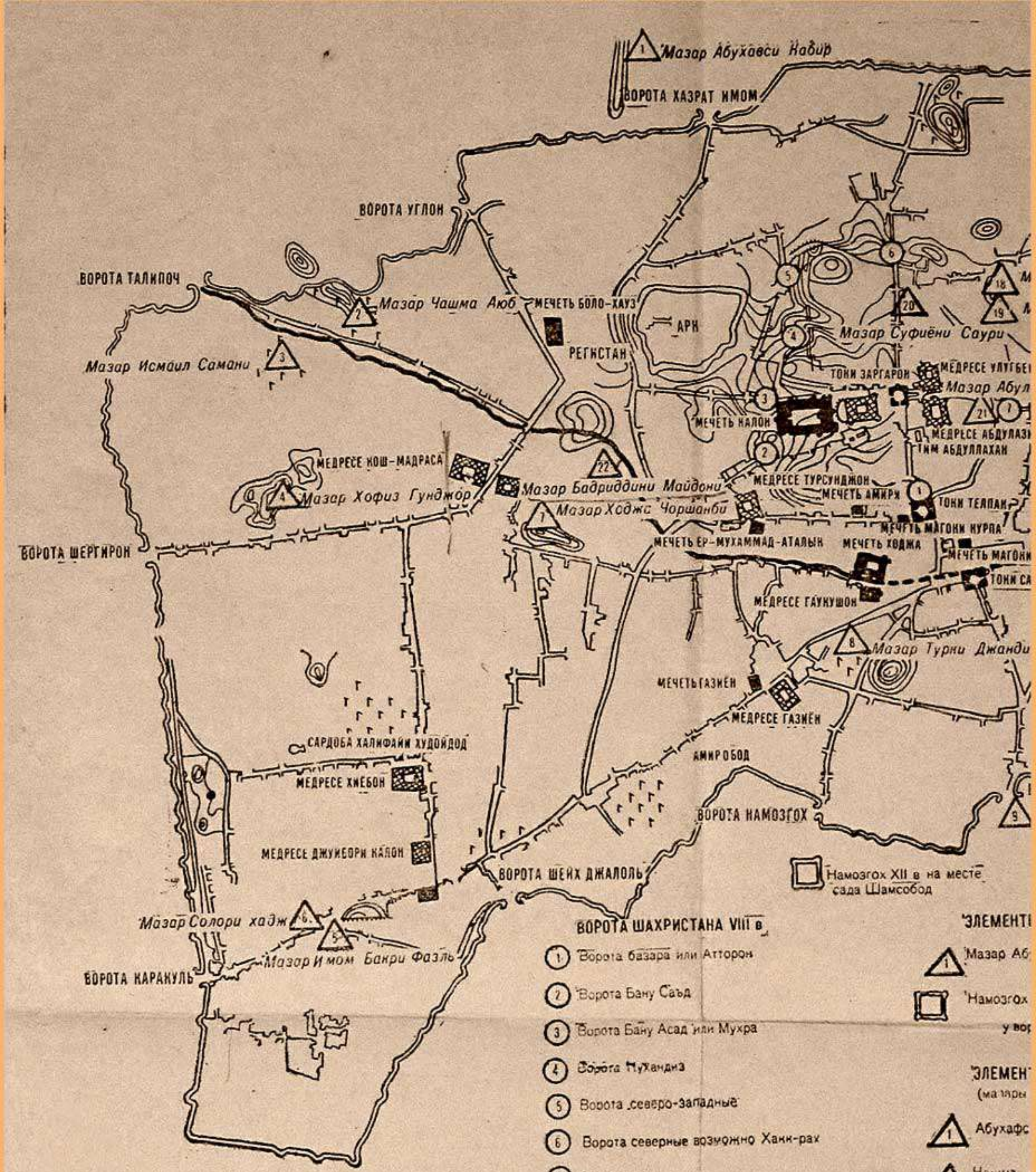
Помимо местных торговцев, в г. Бухаре было немало приезжих. Многие из них находились здесь длительное время. Большинство жило в караван-сараях, снимая там худжры. Караван-сараи также были по большей части специализированными. Многие караван-сараи принадлежали купцам, которые приезжали из какого-нибудь места, имевшего с Бухарой постоянную связь. Так, в Бухаре был, например, караван-сарай хивинцев (Сароййи урганджихо).

Особой специальностью, также связанной с развитием в Бухаре торговли, была упаковка грузов. Упаковщики (борбанд), так же, как и водоносы, группировались вокруг отдельных объектов, в данном случае караван-сараев, и специализировались на упаковке определенных видов товаров. Особенно многочисленны были упаковщики каракулевых шкурок.

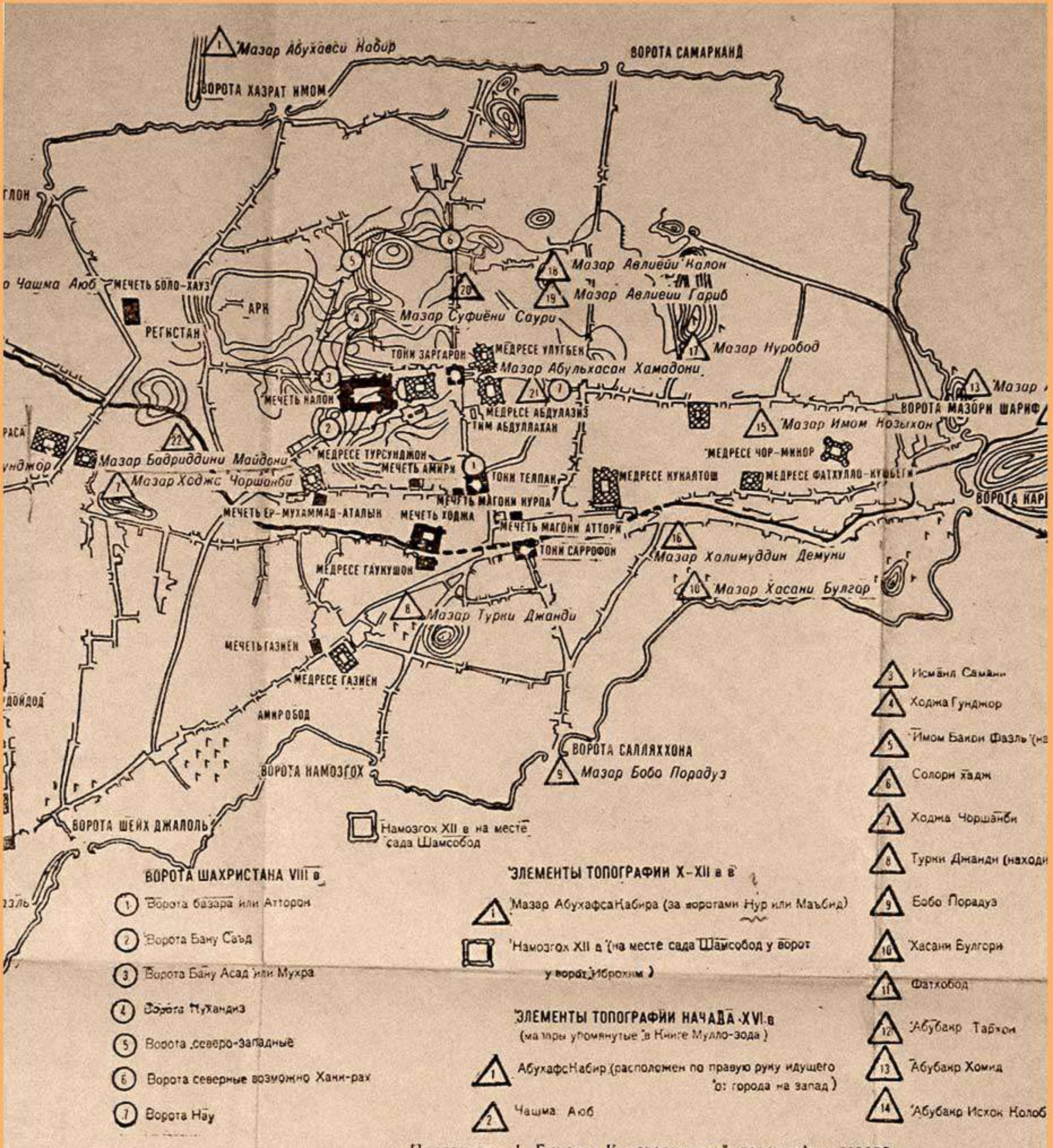
Особую категорию среди бухарского населения представляли собой ростовщики, совмещавшие нередко ростовщичество с профессией менял (сарроф). Последние имели на городских базарах специальные ряды, размещаясь в одном из купольных пассажей — Тими саррофон, которому они дали свое название.

На ростовщичестве специализировались индусы, которые также имели в Бухаре свой караван-сарай. Они сумели глубоко проникнуть в экономику города: их должниками были как феодалы и крупные купцы, бравшие у них большие суммы, так и мелкие бухарские ремесленники, вынужденные прибегать к мизерным займам, чтобы свести концы с концами.

Приложение 1. Бухара. К исторической топографии города.



Приложение I. Бух



ВОРОТА ШАХРИСТАНА VIII в

1. Ворота базара или Аттарон
2. Ворота Бану Саъд
3. Ворота Бану Асад или Мухра
4. Ворота Мухандиз
5. Ворота северо-западные
6. Ворота северные возможно Хани-рах
7. Ворота Нау

ЭЛЕМЕНТЫ ТОПОГРАФИИ X–XII в в

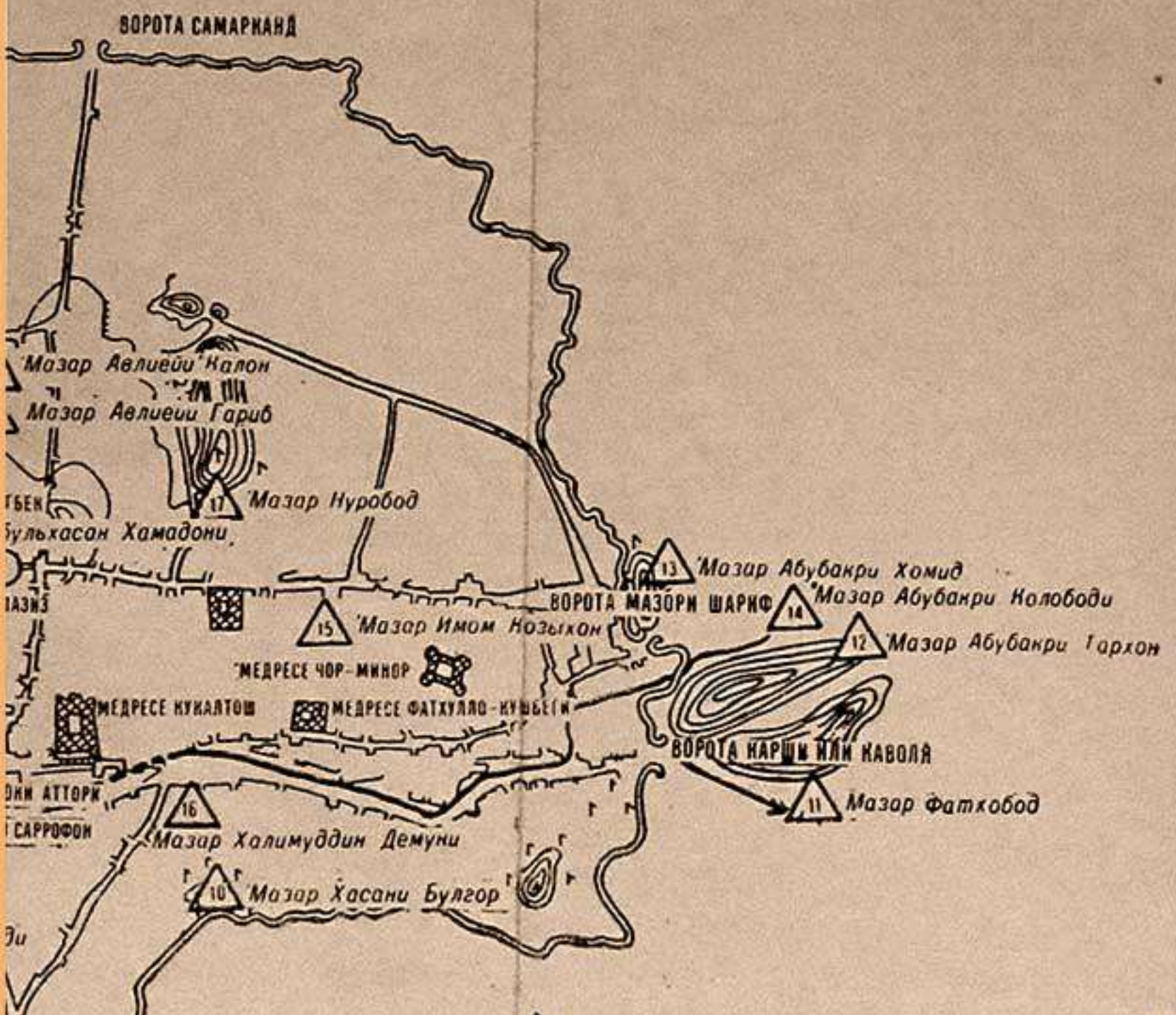
1. Мазар АбухафсНабира (за воротами Нур или Маъбид)

Намозгох XII в (на месте сада Шамсобод у ворот у ворот Иброхим)

ЭЛЕМЕНТЫ ТОПОГРАФИИ НАЧАЛА XVI в
(мазары упомянутые в Книге Мулло-зода)

1. АбухафсНабир (расположен по правую руку идущего от города на запад)
2. Чашма Аюб

Приложение I. Бухара. К исторической топографии города.



3 Исмаил Самани

4 Ходжа Гунджор

5 Имом Бакри Фазль (находился внутри города у ворот Ходжиён)

6 Солори хадж

7 Ходжа Чоршанби

8 Турки Джанди (находился на южной стороне города среди жилых строений)

9 Бобо Порадуз

10 Хасани Булгори

11 Фатхобод

12 Абубакр Тархон

13 Абубакр Хомид

14 Абубакр Исхок Колободи

15 Имом Козихон

16 Халимуддини Демуни (находился в середине города в квартале Суфа)

17 Нуробод (находился в северной стороне города)

18 Авлиёи калон (находился внутри города у стены около башни Айор)

19 Авлиёи Гариб сын Авлиёи калона

20 Суфиёни Саври (находился внутри города неподалеку от ворот Намазгарон)

21 Сайид Абулькасани Хамадони (перенесен от Самаркандских ворот)

22 Бадриддини Майдони (в конце города на берегу канала)

ТЫ ТОПОГРАФИИ X–XII в в

Бухафса Кабира (за воротами Нур или Маъбид)

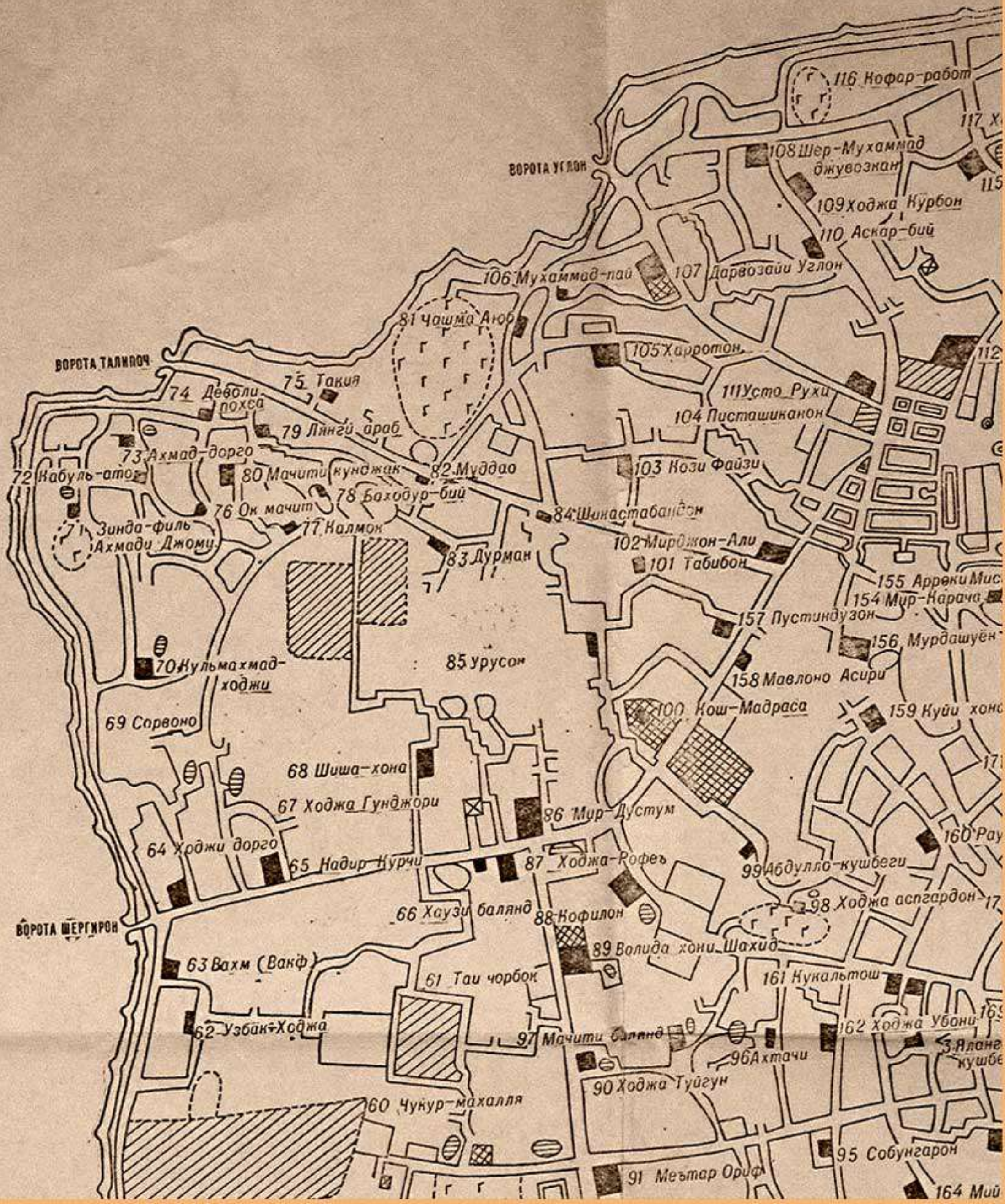
XII в (на месте сада Шаусобод у ворот Иброхим)

ТЫ ТОПОГРАФИИ НАЧАЛА XVI в
упомянутые в Книге Мулло-зода)

Кабир (расположен по правую руку идущего от города на запад)

Аюб

ра. К исторической топографии города.


ВОРОТА УГЛОН
ВОРОТА ТАЛИПОЧ
ВОРОТА ШЕРГИРОН
116 Кофар-работ
108 Шер-Мухаммад джувозкан
109 Ходжа Курбон
110 Аскар-бий
106 Мухаммад-пай
107 Дарвозайи Углон
81 Чашма Аюб
105 Харротон
111 Усто Рухи
104 Писташиканон
75 Такия
74 Девони похса
79 Лянги араб
73 Ахмад-дорго
72 Кабул-ато
80 Мачити кунджак
82 Муддао
103 Кози Файзи
78 Баходур-бий
76 Ок мачит
84 Шикастабандон
71 Зинда-филь Ахмади Джому
77 Калмок
83 Дурман
102 Миржон-Али
101 Табибон
155 Арвоки Мис
154 Мир-Карача
157 Пустиндузон
156 Мурдашуён
70 Кульмахмад-ходжи
85 Урусон
158 Мавлоно Асири
69 Сорвоно
100 Кош-Мадраса
159 Куйи хон
68 Шиша-хона
67 Ходжа Гунджори
86 Мир-Дустум
64 Ходжи дорго
65 Надир Курчи
87 Ходжа-Рофеъ
99 Абдулло-кушбеги
66 Хаузи балянд
88 Кофилон
98 Ходжа аспгардон
89 Волида хони Шахид
63 Вахм (Вакф)
61 Таи чорбок
161 Кукальтош
62 Узбак-Ходжа
97 Мачити балянд
162 Ходжа Убони
96 Ахтачи
90 Ходжа Туйгун
60 Чукур-махалля
95 Собунгарон
91 Меътар Ориф
164 Мий

ВОРОТА ХАЗРАТ ИМОМ
122 Джон-кубади хурд
121 Джон-кубади калон
123 Маддохон
129-Чоршанби-казок
130 Олим-ходжа
116 Кофар-работ
117 Хоса-пулод
120 Ходжа Гойиб
127 Истемур
128 Искандар-хон
108 Шер-Мухаммад джувозкан
124 Мадали-ходжи
126 Бозори чуб...
131 Буйробофон
115 Назарча
119 Ходжа Рофеъ
109 Ходжа Курбон
118 Арабон
125 Катаган
110 Аскар-бий
114 Согутардшон
113 Мирзо Гафур
135 Ходжа-Низом аддини боло
132 Тупхона
112 Меьтар Шох-бек
134 Ходжа Низомаддини поен
133 Раъд-зада
141 Аулиейи
111 Усто Рухи
140 Чохи Занджир
104 Писташиканон
138 Алокабандон
136 Кози-урда
139 Сарроджон
147 Мулло Пайрави
137 Тагбандбофон
149 Кальтигиион
148 Азизон
150 Косым-шайх
195 Шегрези
151 Зангулясози
155 Арреки Мисгари
154 Мир-Карача
152 Хазрати Хызр
194 Мавлоно Шариф
157 Пустиндузон
193 Бозори гул
156 Мурдашуен
172 Надир-Баис
177 Хофиз Кунгрот
175 Сиддикиен
158 Мавлоно Асири
153 Хаузи лесак
176 Хамбоми Кунджак
159 Куйи хонако
174 Ходжа Зейниддин
201 Кемухтгарон
171 Мусурмон-энага
173 Дуст-Чурогоси
178 Сузангарон
180 Шарифджон
179 Забуда
192 Мулло Шох
189 Мирзо Кули
160 Раугангарон
188 Амири
190 Магоки-Аттори
99 Абдулло-кушбеги
187 Магоки курпа
186 Сийокорон
98 Ходжа аспгардон
170 Мачити бесутун
181 Мухаммад-ер аталык
185 Мирзо Хайдар поен
182 Модари
184 Хаи
183 Гаукушон
161 Кукальтош
168 Имом Мухаммад Газоли
169 Ляби хаузи арбоб
34 Почокуль-ходжи
162 Ходжа Убони
3 Яланги Бокиджон кушбеги
15 Сесуки тарроки
14 Чор корвон
96 Ахтачи
167 Куйи дарахт
16 Барокхон
13 Махаллай
166 Заббиен
17 Пустиндузон
165 Бобойи Нонкаш
18 Меьтар
95 Собунгарон
33 Чор Харос
32 Оби равон
31 Турки Джанди
164 Майонколиен
19 Ислом

ВОРОТА САМАРКАНД

Жон-кубади хурд

129-Чоршанби-казок

130 Олим-ходжа

142 Зехтоби

128 Искандар-хон

126 Бозори чуб

131 Буйробофон

125 Катаган

143 Чорбакколи дарвозайи Самарканд.

132 Тупхона

144 Шохи Акси

133 Раъд-зада

141 Аулиейи гариб

140 Чохи Занджир

146 Мавляви Мирзоджон

145 Чуббоз

139 Сарроджон

147 Мулло Пайрави

149 Кальтигиион

148 Азизон

196 Ходжа калон

195 Шегрези

197 Корхона

194 Мавлоно Шариф

199 Мир-Ибрагим

198 Мехчагарон

193 Бозори гул

200 Пой-остона

207 Колобов

209 Саодакон

201 Кемухтгарон

202 Мухаммади пастак

203

206 Ходжа Порсо

192 Мулло Шох

191 Мохи-тобон

204

205 Ой бинок

190 Магоки Аттори

186 Сайокорон

185 Мирзо Хайдари поен-

184 Хаи

183 Гаукушон

8 Мулло Шамси Мухаммад

7 Мирзо-бии

9 Ходжа Ханим

6 Куйи Мурочуш

5 Кокилляш Калон

4 Почо-Ходжа

15 Сесуки тарроки

10 Ходжа Булгор

14 Чор корвонсарои

16

13 Махаллайи Кухна

11 Алвонж

17 Пустиндузон

18 Меътар Шафеъ

12 Эшони пир

19 Ислом

31 Турки Джанди

32 Оби равон

178 Сузангарон

179 Забуда

189 Мирзо Кули

Магоки курпа

Чор Харос

Почкуль-ходжи

Гулясози

Офиз Кунгрот

Ибоми Кунджак

Жа Низомаддини

Алокабандон

Сайокорон

Чоршанби-казок

Темур

Дали-

Шайх

Ходжа калон

Ходжа Ханим

Ходжа Булгор

Ходжа Порсо

Ходжа Тахир

Ходжа Ахрор

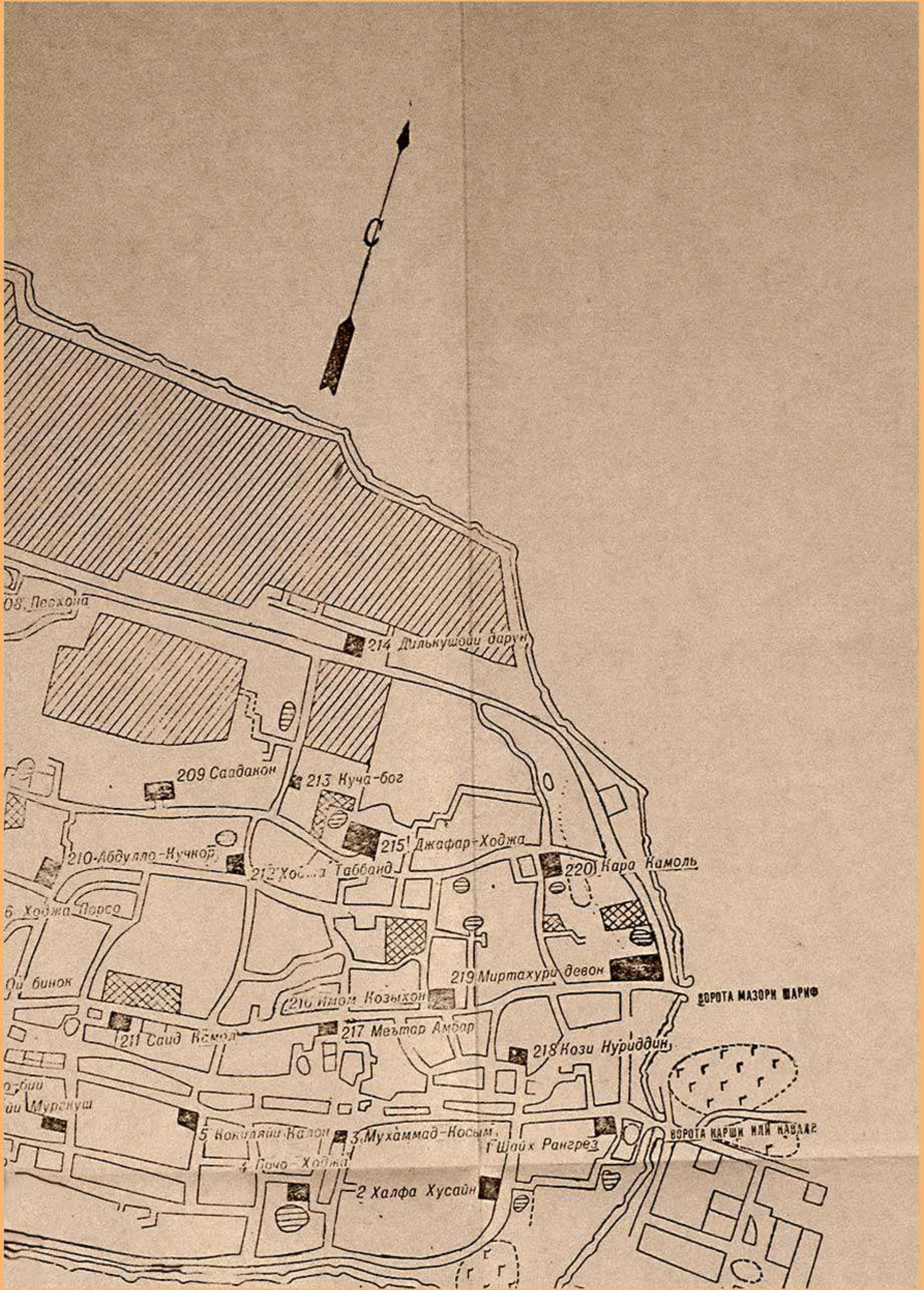
Ходжа Ахмад

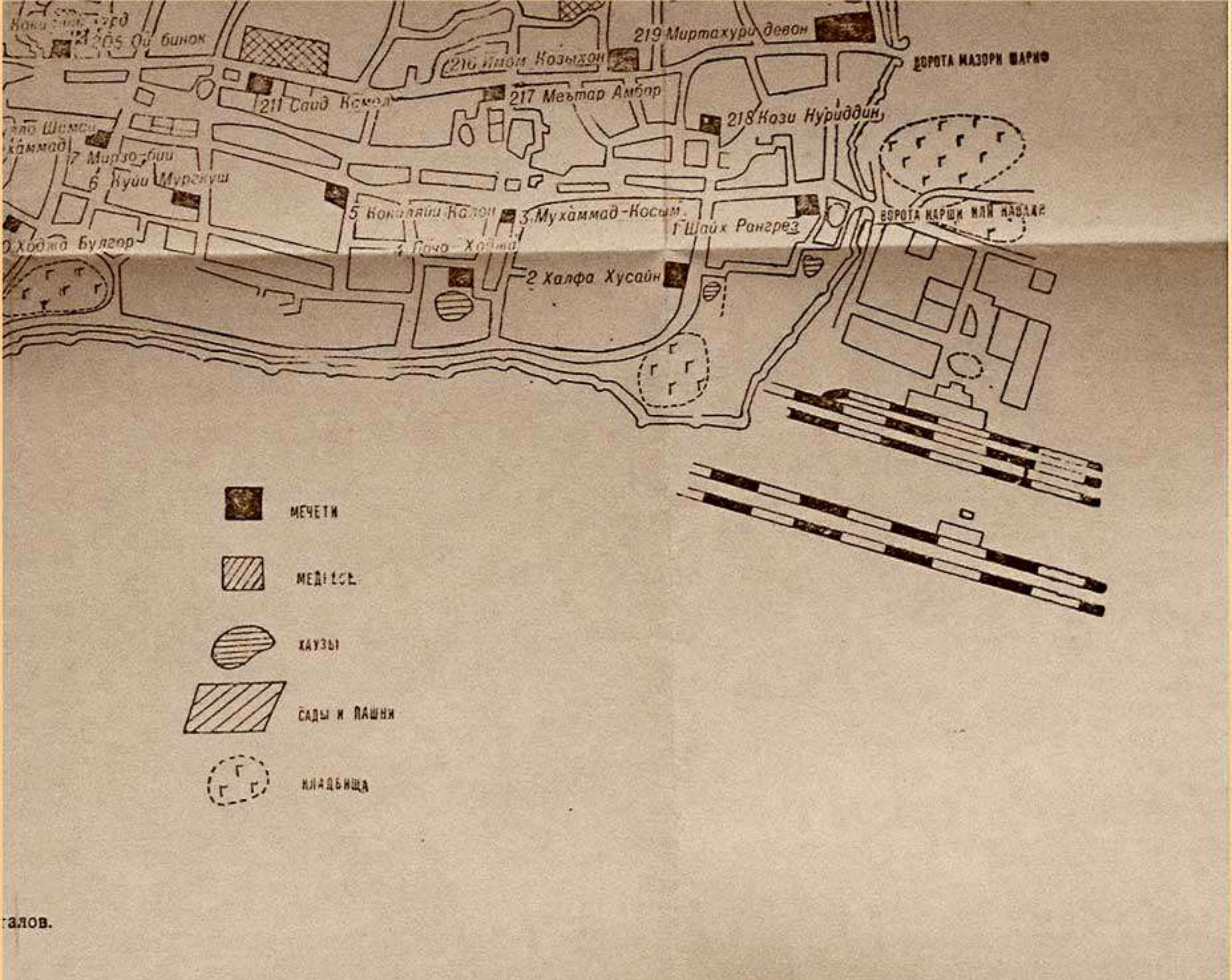
Ходжа Ахрор

Ходжа Ахмад

Ходжа Ахрор

Ходжа Ахмад


С
08. Лесхона
214 Дилькушойи дарун
209 Саодакон
213 Куча-бог
215 Джафар-Ходжа
210-Абдулло-Кучкор
212 Хо...а Таббанд
220 Кара Камоль
6 Ходжа Порсо
Ой бинок
219 Миртахури девон
216 Имом Козыхон
ВОРОТА МАЗОРИ ШАРИФ
211 Саид Камол
217 Меътар Амбар
218 Кози Нуриддин
Мурокуш
5 Кокалдаш Калон
3 Мухаммад-Косым
Шайх Рангрез
ВОРОТА КАРШИ ИЛИ КАБУЛ
4 Поло-Ходжа
2 Халфа Хусайн

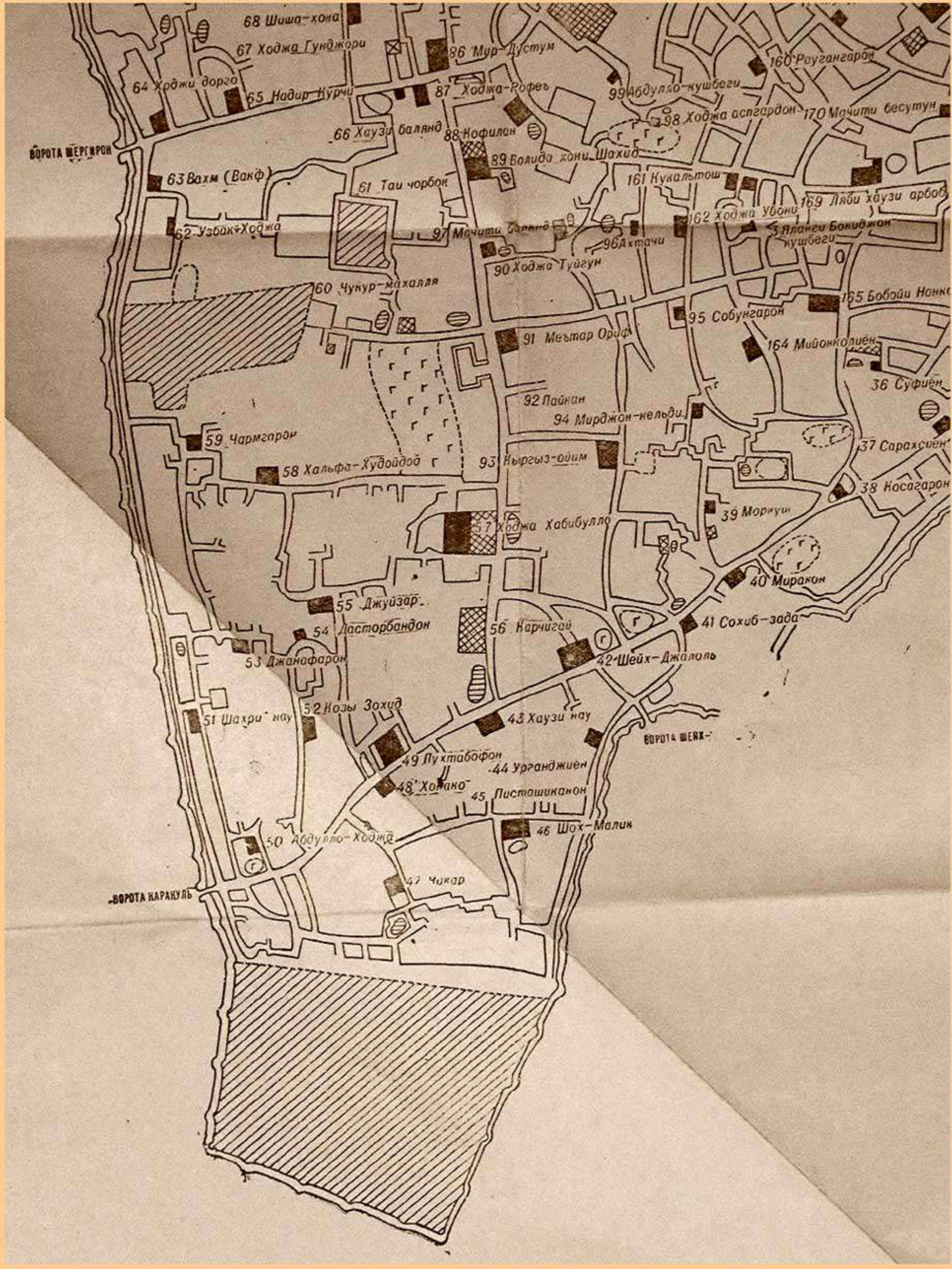

219 Миртахури девон
ВОРОТА МАЗОРИ ШАРИФ
216 Ямои Козыхон
217 Меъмар Амбор
211 Саид Камол
218 Кози Нуриддин
7 Мирзо-бии
6 Куйи Мурғуш
5 Кошлайи Калон
3 Мухаммад-Косым
1 Шайх Рангрез
ВОРОТА КАРШИ ИЛИ КАШКАР
Хаджа Булгор
2 Халфа Хусайн
МЕЧЕТИ
МЕДРЕСЕ
ХАУЗЫ
САДЫ И ПАШНИ
КЛАДБИЩА

галов.

Приложение II. Бухара. Схематический план расположения кварталов.

159 Кўйи хонақо
174 Ходжа Зайниддин
201 Кемухтгарон
171 Мусурмон-эшага
173 Дуст-Чурогоси
178 Сузангарон
179 Забуда
180 Шарифджон
192 Мулло Шох
189 Мирзо Кули
191 Мох
160 Раугангарон
188 Амири
190 Магоки Ат
99 Абдулло-кушбеги
187 Магоки курпа
186 Сийокорон
98 Ходжа аспгардон
170 Мачити бесутун
181 Мухаммад ер аталы
185 Мирзо Хайдар
182 Модари
184 Хаи
183 Гаукушон
161 Кукальтош
168 Имом Мухаммад Газоли
34 Почокуль-ходжи
169 Ляби хаузи арбоб
15 Сесуки
162 Ходжа Убони
3 Яланги Бокиджон кушбеги
167 Кўйи дарахт
14 Чор к
96 Ахтачи
16 Барикон
13 Мах
166 Заббиён
17 Пустиндузон
165 Бобойи Нонкаш
33 Чор Харос
32 Оби равон
18 Меъ
95 Собунгарон
31 Турки Джанди
19 Ислом
164 Мийонколиён
35 Газиён
20 Мулло Хоки рох
36 Суфиён
21 Хонакойи Чукмоки
92 Пайкан
94 Мирджон-кельди
26 Шейх Шох
30 Ходжи-Амонбой
29 Махдуми Аъзам
25 Кутлук
37 Сарахсиён
22 Араб
27 Гарибия
38 Косагарон
28 Амиробод
24 Махаллайи нау
23 Мир М
39 Моркуш
ВОРОТА САЛЯХ
ВОРОТА НАМОЗГОХ
40 Миракон
41 Сохиб-зада
42 Шейх-Джалоль
ВОРОТА ШЕЙХ-
46 Шох-Малик

Приложение II. Бухара. Схематический


68 Шоша-хона
67 Ходжа Гунджори
86 Мир-Дустум
64 Хаджи дорга
65 Надир-Курчи
87 Ходжа-Рофеъ
99 Абдулло-кушбеги
160 Раугангарон
98 Ходжа аспгардон
170 Мачити бесутун
66 Хаузи баланд
88 Кофилон
ВОРОТА ШЕРГИРОН
89 Волида хони Шахид
63 Вахм (Вакф)
61 Таи чорбок
161 Кукальтош
169 Ляби хаузи арбоб
162 Ходжа Убони
62 Узбак-Ходжа
97 Мачити Баланд
3 Яланги Бокиджон кушбеги
96 Ахтачи
90 Ходжа Туйгун
60 Чукур-махалля
165 Бобойи Нонк
95 Собунгарон
91 Меътар Ориф
164 Мийонколиён
36 Суфиён
92 Пайкан
94 Мирджон-кельди
59 Чармгарон
37 Сарахсиён
58 Хальфа-Худойдод
93 Кыргыз-ойим
38 Носагарон
57 Ходжа Хабибулло
39 Мориш
40 Миракон
55 Джуйзар
54 Ласторбандон
56 Карчигай
41 Сохиб-зада
53 Джанафарон
42 Шейх-Джалоль
52 Козы Зохид
51 Шахри нау
43 Хаузи нау
ВОРОТА ШЕЙХ-
49 Пухтабофон
44 Ургенджиён
48 Хонако
45 Писташиканон
46 Шох-Малик
50 Абдулло-Ходжа
47 Чакар
ВОРОТА НАРАКУЛЬ

Как вспоминают бухарцы, ростовщики-индусы обходили в определенные дни своих должников, получая очередные проценты. Расчеты отмечались на палках-бирках, которые ростовщики при обходах всегда носили с собой.

Положение Бухары как столицы эмирата определило наличие в составе ее населения большого числа служилого люда, представители которого, вне зависимости от того, на военной или гражданской службе они состояли, именовались сипо (сипох).

В более узком значении этот термин относился к чиновной прослойке, имевшей определенный придворный или воинский чин. Низшие командные чины сипо — дахбоши и т. п. — носили название йетим-сипо.

Большая часть сипо, в особенности военных, жила ближе к окраинам города, где скученность была менее значительна и дворы имели несколько большие размеры. Это было важно, так как многие из этих лиц по своей должности держали лошадей не только для себя, но и для своей свиты. Так, знатные сипо жили в кварталах Гозиён, Косагарон и кварталах, находившихся дальше к западу. Особенно много было сипо в квартале Кыргыз-ойим, который в народе назывался «Гузари сипохо».

Население, связанное с деятельностью культовых учреждений, в Бухаре составляло, вероятно, больший процент, чем в любом другом городе Средней Азии.

Прежде всего здесь было очень много учащихся медресе (муллобача). Как было указано, Н. Ханыков определял их число в 9—10 тыс. человек.

Во второй половине XIX — начале XX в. в численности этой прослойки бухарского населения произошли, вероятно, какие-то изменения. С одной стороны, за этот период строились новые медресе, с другой — могло сократиться число медресе, где имелись мударрисы и велись занятия. В конце XIX—начале XX в. занятия проводились лишь в пятой части всех имевшихся в Бухаре медресе, а остальные были заняты под общежития, обитатели которых могли и не иметь к медресе никакого отношения.

Учащиеся бухарских медресе нередко были приезжими и жили в Бухаре временно, снимая или получая на каких-нибудь условиях одну из тех многочисленных келий, которые имелись как в специальных зданиях медресе, так и при многих квартальных мечетях, семейных мавзолеях и даже лавках торговцев. Особенно значительную прослойку учащиеся медресе образовывали в квартале Джафар-ходжа, где находилось богатое, хотя и очень скромное по своей архитектуре

медресе этого имени, привлекавшее своими вакуфными доходами муллобачей, а также и дельцов, которые покупали кельи[63] и потом сдавали или отдавали их учащимся, оставляя за собой приходившуюся на них часть вакуфных доходов.

Среди бухарских мулл[64] выделялись преподаватели медресе—мударрисы, делившиеся на несколько разрядов. Высшим был охунд, который назначался в медресе Кукалтош; за ним следовал аълям, назначавшийся в медресе Гаукушон; затем муфтийи-аскар, назначавшийся в медресе Мир-араб, затем несколько муфтийи-калон, которые назначались в медресе Гозиён, Ходжа Нихол и др. Особым званием, связанным с назначением в определенные же медресе, были «мударриси банораспуш» и «мударриси бекасампуш», что свидетельствует о том, что каждому духовному чину и степени соответствовала и определенная одежда.

В большинстве медресе было по одному-два мударриса. Например, по два мударриса было в медресе Абдулазиз-хан, Абдулла-хан и Мулари-хан, один—в медресе Улугбек. Но в медресе Джафар-ходжа, получавшем самые богатые вакуфные доходы, число мударрисов доходило до сорока, и каждый из них получал крупную по тому времени сумму в 2 000 тенег ежегодно. Высшие духовные должности занимали обычно представители родовитой аристократии, в частности, знатных семей джуйбарских ходжей[65].

Передвижение по иерархической лестнице духовных чинов было медленным и чаще всего связывалось с освобождением вакансии ввиду смерти занимавшего ее раньше.

Велико было также в Бухаре число имамов, обслуживавших многочисленные мечети, начиная с соборных и кончая квартальными и базарными. Последние находились поблизости от торговых рядов и посещались торговцами и покупателями, а также случайными прохожими, которых призыв на молитву заставал на улице.

В каждой мечети были имам (настоятель) и суфи (служитель, призывающий на молитву и присматривающий за чистотой мечети). Кроме имамов, обслуживавших мечети города, многие из священнослужителей Бухары выступали в качест-

---

[63] Несмотря на то, что по шариату запрещалась купля-продажа вакуфного имущества, в Бухаре была широко развита торговля кельями. Чтобы обойти запрет, сделка оформлялась на покупку каких-нибудь малоценных предметов, находившихся в келье (лестницы, веника и т. п.).

[64] Это слово употребляется здесь в широком смысле для обозначения представителей духовенства вообще.

[65] А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, вып. V, 1948, стр. 140, прим. 4.

ве имамов мечетей сельских местностей, куда они выезжали на время, а потом, оставив место, снова возвращались в город и ожидали нового назначения.

Большое число мулл было занято чтением корана и различного вида молитв. Они назывались «кори». Из них 30 человек, по сообщению писателя С. Айни, находились на государственной службе, которая состояла в том, что они ежедневно по утрам приходили к арку и громогласно читали молитвы за эмира.

Значительное место в духовном сословии занимали связанные с суфизмом ишаны, которые имели своей базой хонако-мечети, где, кроме намазов, совершались также различного вида радения. Из них крупнейшими были хонако в Джуйбаре и хонако Олим-Ходжа, Халфа-Хусайн и Мавлоно-Шариф, помещавшиеся в одноименных кварталах.

Особым разрядом ишанов были те, которые занимались чтением молитв-заклинаний над больными (эшонойи куф-у суф мекардаги). К таким принадлежали, например, ишаны рода «убони», проживавшие в кварталах Ходжа-убонихо (Ходжа-Гарибон) и Пардозгарон, ишаны Чукмоки из квартала Хонакойи Чукмоки и др.

С религией была связана профессия маддохов (рассказчиков «священных историй»), передававшаяся по наследству. Маддохи составляли большинство населения квартала Маддохон.

Особым занятием, также порожденным культом, было обмывание мертвых. Обмыватели (мурдашуй) представляли собой своеобразную касту, члены которой — мужчины и женщины — наследовали эту профессию и свое положение от своих отцов и дедов. В силу суеверного страха перед обмывателями мертвых, население с ними не смешивалось. В г. Бухаре они жили в специальном квартале Мурдашуён. Находящимся там водоемом (хаузом) жители соседних кварталов не пользовались. Вторая группа обмывателей мертвых жила в Джуйбаре, в квартале Джуйзар.

Следует также упомянуть о профессиональном нищенстве, которым занимались жители небольшого квартала Кабул-ато, находившегося в северо-западной оконечности города, а также жители квартала прокаженных — Песхона, расположенного в восточной части города. Квартал этот, несмотря на то, что его население представляло для остальных жителей города большую опасность, находился в черте города. Очевидно, в момент своего появления он был за пределами города и оказался включенным в него при расширении городской территории. Поэтому можно предполагать, что колония прокаженных образовалась здесь задолго до XVI в.

Население квартала Песхона, который представлял собой отдельную слободу (махалля), жило замкнутой жизнью; среди жителей квартала были свои ремесленники, свои торговцы и свой базар, свои муллы, мечеть, в которой имам был также из прокаженных; при мечети имелась школа. Однако больные не были совершенно изолированы. Те из жителей этого квартала, которые занимались нищенством, разбредались по городу и просили милостыню в местах скопления людей.

Всего в квартале было 120 домов, из чего можно заключить, что здесь жило не менее 500—600 человек. Население квартала время от времени пополнялось: сюда принудительным образом переселяли каждого из жителей города, в отношении которого появлялось подозрение, что он заболел проказой. После революции было произведено медицинское обследование всего населения квартала, причем обнаружилось, что многие, жившие здесь, были совершенно здоровы. После этого больные были изолированы.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Классовый состав городского населения Бухары XIX—начала XX в. определялся феодальным характером всего строя городской жизни, порожденного господством в Бухарском ханстве феодальных отношений.

Правящим классом общества был класс феодалов. В Бухаре — столице эмирата и его политическом центре, где сосредоточивались главные учреждения управления, — класс феодалов был представлен несколькими крупными группами.

Здесь находилась главная ставка эмира, его двор и урда — женская половина, где жили мать эмира, его жены, наложницы, дети, разные родственники и многочисленная прислуга. Урда располагалась в цитадели (арк), занимая большую часть его площади, которая была густо застроена жилыми помещениями.

В цитадели находилась канцелярия и квартира кушбеги, который в отсутствие эмира не имел права покидать арк. Здесь были также главный приемный зал эмира (куриниш-хона), помещения для приема гостей, большая мечеть для совершения ежедневных намазов, дворцовые мастерские, монетный двор, арсенал, казначейство, казематы для особо важных заключенных и казармы дворцовой охраны (гуломбача).

Феодальная знать, жившая в самом городе, в большей

своей части принадлежала к служилой, занимая различные должности при дворе и в аппарате управления.

Военнослужилое сословие было неоднородно. Оно включало в себя крупную знать, мелких военачальников, вроде дахбоши (таджико-узбекское — десятник), и мелкое чиновничество. Всех их объединяло получение тех или иных феодальных доходов.

По заведенному в Бухаре обычаю, каждый, получавший назначение на должность, в соответствии с ней получал и казенную квартиру, в которой оставался на все время службы. Казенных домов (хонахойи подшохи) имелось в Бухаре множество; они были разбросаны по всему городу и по своему качеству и размерам сильно отличались друг от друга. Некоторые из них представляли собой монументальные строения из жженого кирпича, другие были обыкновенными небольшими каркасными домишками.

Чиновная знать, владевшая обширными поместьями на правах частной собственности, кроме того, получала большие доходы от дарованных эмиром танхо — доходных статей (земли, мельниц, лавок, жилых домов), налог с которых поступал получившему танхо лицу —танходору).

Значительная часть служилого сословия, в частности лица, занимавшие командные должности в армии, получали, в соответствии с должностью, довольствие натурой или деньгами — так называемые деньги за зерно (галля-пули) и потанапный сбор (танобона). Выдача происходила раз в год и была связана с поступлением в казну налогов, из которых производилось наделение. Кроме денег, выдавался полный комплект одежды (сарупо), по своему качеству также соответствовавший должности.

Определенные круги служилой аристократии имели право на кормление, называемое вазифа. Городская служилая знать получала это кормление по выработанной, видимо, издавна своеобразной системе. Получающие кормление — вазифахур — закреплялись за лавками определенных торговцев разной специальности, которые были обязаны по договоренности с казной отпускать свои товары в положенном для каждой должности количестве. Вазифахуры получали все необходимое для жизни, начиная с продуктов питания и кончая мылом, серными спичками и фуражом. Отпущенное отмечалось каждым торговцем на бирках, которые представляли собой обструганные палочки; сверху было написано, какой отпускается продукт, ниже шли обозначавшие его количество зарубки. Бирки передавались затем в канцелярию ведавшего финансами девонбеги, и казна, согласно им, расплачивалась с отпускавшими продукты торговцами.

В бирках с надписями, которые имели значение официального документа, принимавшегося эмирским финансовым управлением, нельзя не видеть отдаленные отзвуки старой традиции, отраженной в документах на палках с горы Муг[66].

Военнослужилое сословие, представленное в Бухаре, было, таким образом, типичным привилегированным классом феодального общества. Не имея прямой связи с основным производящим классом этого общества — крестьянством, оно участвовало в его эксплуатации, присваивая прибавочный продукт через аппарат эмирской власти.

Иной была социальная природа регулярных войск эмира, так называемых сарбазов (сарбоз).

Сарбазы комплектовались в принципе из волонтеров. На практике же бесправие народных масс и произвол тех, кто находился у власти, нередко приводили к тому, что сарбазами становились по принуждению. Немало, однако, было среди сарбазов, особенно из числа коренных жителей Бухары, и бедняков, которые поступали на службу по своему желанию, рассматривая ее как занятие, дающее средства к жизни.

В определенные дни недели сарбазы должны были являться в казармы (сарбозхона), расположенные в нескольких пунктах города, и исполнять службу; в другое время они жили в своих домах со своими семьями и обычно имели какой-нибудь приработок, нередко занимаясь ремеслами. В служебное время они носили форму, которая была заимствована у русских войск[67]. Окончив дежурство и покидая казарму, сарбазы снимали форменную одежду и переодевались в свое платье — обычный национальный костюм бухарцев.

Положение сарбазов было нелегким: они находились в полной зависимости от своих командиров, к ним применялись телесные наказания.

Отлившись в очень своеобразную форму, напоминающую организацию русских стрельцов, институт сарбазов, однако, коренным образом отличался от той чисто феодальной организации военнослужилого сословия, которая была описана выше. Различие определялось как способом формирования через волонтерство (которое, правда, в условиях феодальной Бухары нередко оказывалось фиктивным), так в особенности способом оплаты — выдачей месячного жалования (ойлик) в виде определенной суммы денег, вручаемой каждому сарбазу на руки, согласно списку.

---

[66] См. «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 12, 14, 47—51.

[67] Одна группа сарбазов, например, носила форму терских казаков и потому называлась населением «териска».

Помимо светской феодальной знати и феодального по своей природе военнослужилого сословия, в Бухаре была многочисленная прослойка духовных феодалов, к которым примыкали представители мелкого нечиновного духовенства.

Духовная аристократия владела громадными поместьями, обеспечивающими ей экономическую и политическую мощь.

Землевладение духовенства складывалось из различных источников. Прежде всего, они владели землей на правах частной собственности, образуемой в основном путем систематической скупки новых участков и наследованием.

Помимо этого, определенная прослойка духовной аристократии, находясь на службе у эмирской власти и занимая высшие духовные должности, пользовалась предоставляемым ей правом получения доходов с танхо. В танхо давались государственные земли, лавки, караван-сараи и даже территория города. Есть сообщения, что ходжи Джуйбара, например, получили в танхо часть города Бухары между воротами Саляххона и Шайх-Джалоль. Так как именно здесь расположены еврейские кварталы, можно думать, что таким образом джуйбарским ходжам было в какой-то период предоставлено право получения в свою пользу с евреев налога (джизья).

Занимая какую-либо из высших должностей или получая звание, например, звание судура, представители высшего духовенства, вместе с тем, получали право на кормление и снабжались вышеприведенным способом.

Наконец, духовенство владело землей и другими доходными статьями на правах вакфа. Доходы с вакфов были разнообразными и получались различными путями.

Прежде всего, знатные семьи из духовного сословия имели наследственные вакфы, приписанные к богоугодным заведениям, которые были основаны их дедами и прадедами, завещавшими потомкам определенную долю доходов. Значительные вакуфные доходы получало высшее духовенство также при назначении на должности мударрисов и имамов в такие медресе и мечети, которые владели крупными вакфами. Кандидаты на такие места назначались эмиром из числа представителей самых знатных семей духовной аристократии. Так, например, эмиром назначались имамы в богатую мечеть квартала Искандар-хон. Однако знатный имам считал ниже своего достоинства лично совершать богослужение и требы. Он ограничивался получением вакуфных доходов, уступая часть их другому лицу за исполнение обязанностей имама; тот, в свою очередь, нередко передавал должность третьему, который и был фактически имамом; он получал вознаграждение от прихожан, не пользуясь вакуфными доходами.

Получение доходов с вакуфных владений непосредственно от крестьян затрудняло духовную знать, и в Бухаре развилась система отдачи права на сбор вакуфных доходов откупщикам (иджорадорам). Хозяин вакуфного дохода заключал с иджорадором письменное соглашение (васика), в котором указывалась сумма откупа и оговаривался срок, в течение которого держатель или попечитель вакфа имел право расторгнуть сделку, если ему представится возможность заключить ее на более выгодных условиях. Такой характер документа породил его название «васикайи пеш-яля» (незаконченная васика, буквально: «с открытым передом»).

Уплачивая условленную сумму держателю или попечителю вакфа, иджорадоры получали в свою пользу все, что оставалось сверх ее, и понятно, что они стремились выжать с дехкан, пользующихся вакуфной землей, как можно больше. Они не считались с пагубным влиянием дополнительных поборов на хозяйство дехкан, так как всякие отношения откупщика с ними прекращались после получения вакуфного сбора.

Несомненно, к разряду людей, пользовавшихся феодальными доходами, нужно отнести и так называемых дахъякхуров — представителей среднего духовенства, получавших стипендию (дахъяк). Право на получение стипендии давалось после специальных испытаний, производимых представителями высшего духовенства в медресе. Получавшие стипендию имели обычно какое-либо основное занятие и смотрели на дахъяк как на небольшой дополнительный пожизненный доход. В форме дахъяка феодальное государство выделяло духовенству определенную долю получаемой с крестьян ренты. Роль религии в упрочении и поддержании феодального строя была очень велика, и светская власть должна была делиться с духовенством своими доходами.

Особо следует остановиться на вопросе о ходжах и саидах как духовном сословии, представители которого вели свое происхождение от Мухаммеда, Алия или четырех первых халифов и на этом основании считали себя высшим сословием, именуя остальных чернью (кароча).

В Бухаре в изучаемый период жило несколько групп ходжей, занимавших среди городского общества различное положение.

Некоторые семьи принадлежали к высшему классу феодалов, другие—слились по образу жизни и правовому положению с трудовым народом, сохраняя, однако, свою сословную замкнутость и не смешиваясь с остальным населением вследствие запрета заключать брак с неходжами, особенно выдавать девушек замуж за посторонних.

Семьи ходжей, проживавших в Джуйбаре, по общераспространенному мнению принадлежали к роду знаменитых джуйбарских шейхов. В действительности же их происхождение было различно, и они находились на разном положении. В то время как одни из них, владея громадными доходами с вакуфных владений, занимали по установившемуся положению высшие духовные, а иногда и гражданские должности и состояли в родстве с эмиром, другие семьи ходжей, жившие в том же самом квартале Джуйбара — квартале Хонако, не обладали никакими привилегиями и, не имея нетрудовых доходов, занимались ремеслом. Среди них зарегистрированы, например, ткачи и плотники[68].

К эксплуататорским классам феодальной Бухары следует отнести и многих из отмеченных среди населения города «дехкан», большая часть которых была крупными и мелкими землевладельцами. Таким образом, в Бухаре за термином «дехкан» сохранилось его старое значение. Меньшая часть дехкан г. Бухары принадлежала к трудовому дехканству и, занимаясь сельским хозяйством в пригородных кишлаках, выплачивала феодальную ренту-налог эмирской власти.

* * *

Трудовое население Бухары, состоявшее в своем большинстве из ремесленников, объединенных в цеховые корпорации, также сохраняло еще средневековый облик.

Организация труда ремесленников в Бухаре имела черты, отличавшие этот город от других ремесленных центров. Здесь имелись более значительные по количеству работающих предприятия, были развиты неизвестные в других местах формы ученичества и работы хальфа, когда ученик или хальфа жил не у хозяина мастерской, как это было обычно в других городах Средней Азии, а у себя дома.

В г. Бухаре сохранились и чисто феодальные формы дворцовых мастерских, обслуживавших нужды эмирского двора. Это были мастерские золотошвеев, организация которых была изучена П. А. Гончаровой[69], ювелиров и медников. Ювелиры обслуживали и монетный двор, изготовляя штампы для монет и чеканя последние.

---

[68] А. А. Семенов ошибочно предполагает, на основании неверной информации И. А. Адилова, что все население Джуйбара состояло из потомков джуйбарских шейхов (А. А. Семенов, Бухарский трактат..., стр. 140, примечание 4).

[69] Рукопись работы П. А. Гончаровой хранится в Узбекском государственном музее искусств.

Работа в дворцовых мастерских была для назначенных туда мастеров обязательна. Их положение зависело от оценки их работы эмиром. Угодившие ему награждались придворными чинами (давался чаще всего низший чин мирохура); прогневивших эмира ждало наказание.

Феодальные отношения, определяющие отношения различных классовых групп ремесленников, в этот период уже, по-видимому, начали устаревать и ломались самой жизнью. В Бухарском ханстве в эту эпоху уже зарождались элементы капитализма. Новые формы социальных отношений были порождены как внутренним ходом всего исторического развития страны, так и тесной связью, установившейся между Бухарой и капиталистической Россией.

Прежде всего, капиталистические отношения начали проявляться в промышленности, единственной формой которой в феодальной стране было ремесло. Наряду с патриархальной фигурой мастера, который был и основным работником, и хозяином предприятия, и торговцем, лично продающим свои изделия — что сохранилось в мелких ремеслах, продукция которых имела ограниченный рынок сбыта, — в этот период появляется в городском ремесле фигура мастера-предпринимателя, хозяина сравнительно крупной мастерской, с одной стороны, и мастера, лишенного средств производства, работающего по найму, — с другой. Функция сбыта продукции уходит из рук мастеров, она осуществляется скупщиком, в роли которого выступает хозяин крупной мастерской.

Таким образом, в изучаемый период из общей массы ремесленников, связанных феодальными отношениями, выделились сравнительно крупные предприниматели, обеспечивавшие работавших на них мастеров сырьем и захватившие в свои руки сбыт продукции. Сохраняя еще порожденный феодализмом облик мастера (устокор) и используя цеховую организацию, эти промышленники, выступавшие и как скупщики продукции у мелких ремесленников, превращались уже в капиталистов.

В г. Бухаре вплоть до революции не было фабрично-заводской промышленности, отсутствовал и пролетариат. Промышленные рабочие появились в этот период в близлежащем городе Кагане, где находился хлопкоочистительный завод и железнодорожные мастерские. Эти предприятия принадлежали не бухарцам, и в г. Бухаре прослойки, связанной с фабрично-заводской промышленностью, не было.

Нарождавшаяся местная буржуазия была преимущественно торговой, компрадорской. Торговцы различались по специальностям и по масштабу операций.

Крупные купцы-оптовики (саудогар) объединялись в традиционную корпорацию, имевшую своего выборного старшину. В память о былой караванной торговле старшина и в этот поздний период носил название «корвон-боши»[70].

Многие купцы имели своеобразные конторы, снимая для этой цели худжры в многочисленных караван-сараях. Там они вели деловые переговоры и заключали сделки. Торговцы меньших масштабов, операции которых ограничивались пределами города, назывались «дукондор», так как они имели лавки (дукон) на городских базарах.

В особую цеховую корпорацию выделились мясники (кассоб). Они считались ремесленниками, так как убой скота и разделка туш были делом трудоемким, требовавшим специальных технических навыков, которые усваивались при прохождении ученичества. Профессия мясников была, однако, в большей степени торговой, так как торговля мясом находилась в их руках.

Ростовщический капитал занимал в Бухаре во второй половине XIX — начале XX в. господствующее положение.

Даже капиталы, ввозимые в Бухару русскими банками, проходили через руки ростовщиков, взимавших за раздаваемые ими более мелкие ссуды высокий ростовщический процент.

Значительное место среди населения города занимала прослойка градообслуживающего персонала: водоносы, подметальщики, упаковщики, носильщики и т. п. Определявшие их положение производственные отношения были тесно переплетены с феодальными и пережиточными патриархальными.

Водоносы, например, так же как и ремесленники, были объединены в профессиональную корпорацию, социально расслоенную цеховой иерархией. Водоносы подчинялись, кроме того, мирабу, ведавшему городской оросительной сетью. Каждый водонос имел своих постоянных клиентов, которых он обслуживал годами, в результате чего у него устанавливалась с ними известная личная связь. Это находило себе выражение, например, в том, что водонос обязательно приглашался на семейные торжества, получая при этом небольшой подарок.

Организация упаковщиков грузов пока остается неизученной, в частности неизвестно, имелась ли у них цеховая корпорация.

---

[70] О роли корвон-боши в разборе недоразумений между купцами и ростовщиками в Бухаре говорится в повести С. Айни «Смерть ростовщика» (С. Айни, Марги судхўр, Сталинобод, 1953, стр. 157).

Для изучаемого периода остается неясным и вопрос о развитии в г. Бухаре поденщины, которая наиболее характерна для ранних этапов капитализма формой продажи своего труда беднотой, лишенной средств производства.

По-видимому, в Бухаре поденный труд не получил широкого распространения; здесь даже для мелких работ по дому, для помощи в строительстве зданий и т. п. предпочитали привлекать хорошо известных, нередко состоявших в родстве с хозяином, всегда одних и тех же людей. С ними договаривались на более или менее длительный срок или, «по родственному», эксплуатировали их труд без специально оговоренной платы.

Все же применение труда наемных рабочих-поденщиков получило в Бухаре конца XIX—начала XX в. (и, вероятно, значительно раньше) регулярный характер. В городе было несколько мест, где образовалась своеобразная биржа для найма чернорабочих (бозори мардикор), на которую ежедневно выходило до 30 человек. Один из таких «базаров» был на регистане, второй—в квартале Мулло-Хоки-рох, где жили мастера-строители, которые были основными нанимателями поденных рабочих.

Таким образом, Бухара во второй половине XIX—начале XX в. была типичным средневековым городом, находившимся на позднем этапе затянувшегося в Средней Азии феодализма.

ОЧЕРК ВТОРОЙ

КАРШИ

Город Карши—в настоящее время центр Кашка-Дарьинской области—до 1920 г. входил в Бухарское ханство и занимал в нем второе по значению место (см. приложение III).

Ему посвящена небольшая специальная литература, освещающая историю города и обрисовывающая его облик на различных этапах его существования.

Истории этого города касается В. В. Бартольд, отождествивший его с древним городом Нахшебом, или Несефом, и сообщивший некоторые данные о его исторической топографии[71]. Подробные исторические сведения о древнем городе Нахшебе, или Несефе, касаясь также истории возникновения современного города Карши, дает А. А. Зимин в специальной статье, в который он устанавливает и местонахождение древнего города.[72] Период истории г. Карши, освещаемый в этой работе, ограничивается XVI в. На более позднем периоде автор не останавливается совсем.

---

[71] По словам В. В. Бартольда, «слово «Несеф», по-видимому, было образовано арабами из туземного «Нахшеб». Название «Несеф» сохранилось в памяти стариков-каршинцев в форме «Насеб». Нынешнее название Карши получил только в XIV в., когда джагатайский хан Кебек на расстоянии 2,5 фарсаха от города построил дворец (Карши—по-монгольски «дворец»)» (В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 136).

В более поздней работе, используя дополнительные сведения, В. В. Бартольд указывает: «Нахшебу домонгольского периода соответствуют развалины Шуллюк-тепе в 16 верстах к северо-западу от современного Карши» (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 90—91).

По мнению изучающего археологию Кашка-Дарьи С. К. Кабанова, город назывался Несеф, тогда как название Нахшеб относилось ко всей области (высказано при обсуждении настоящей работы на заседании Отдела этнографии Института истории и археологии АН УзССР).

[72] А. А. Зимин, Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древность, Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.

Немногочисленные, но весьма важные данные о городе Карши начала XIX в. сообщает В. Л. Вяткин, посвятивший очень интересную статью описанию Каршинского округа[73]. Приведенные им факты позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся истории современного населения г. Карши.

Очень ценны сведения, сообщаемые о г. Карши Н. Ханыковым[74], побывавшим там в 1840 г. Сделанное им краткое, но отличающееся свойственной этому автору точностью описание, дает представление о городе первой половины XIX в. Сравнение его с городом конца XIX—начала XX в. позволяет проследить процесс развития городской жизни в этом районе после присоединения Средней Азии к России.

Город последней четверти XIX в. охарактеризован в двух статьях, помещенных в газете «Туркестанские Ведомости»: за 1879 г.—статья «Город Карши», напечатанная под инициалами И. М.[75], и за 1910 г.—обстоятельная и интересная статья Б. Литвинова «Карши»[76], опубликованная под инициалами Б. Л. и основанная, по-видимому, на наблюдениях и материалах, относящихся к концу XIX в.[77] Таким образом, обе последние работы освещают два этапа того периода в истории Карши, когда на его судьбе уже начали сказываться в большей или меньшей степени последствия установления тесных экономических и политических связей между Средней Азией и Россией. Содержащиеся в этих статьях данные позволяют проследить развитие города за 15 лет: с 1879 по 1894 г.

Указанным, в сущности говоря, и ограничивается все то, что имеется в литературе о г. Карши. Город остается совершенно неизученным в археолого-топографическом отношении: не определены его границы, о которых у различных авторов нет единого мнения, не выделены и не датированы отдельные разновременные части города, отсутствуют необходимые картографические материалы. Наиболее ранний план города, публикуемый в виде приложения к настоящей работе, был снят лишь в конце 30-х годов XX в., когда город уже был значительно реконструирован в ходе социалистического строительства. Ввиду отсутствия в прошлом мощных фортификационных со-

---

[73] В. Л. Вяткин, указ. соч.

[74] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 105.

[75] Туркестанские Ведомости, 1879, № 24—25.

[76] Туркестанские Ведомости, 1910, № 114, 115, 116.

[77] А. А. Зимин в цитированной работе замечает, что Литвинов посетил Карши в 1894 г. На эту же дату указывают и приводимые в статье Литвинова цифры налога, относящиеся к 1894 г.

оружений и крупных архитектурных памятников, подобных тем, которые сохранились до наших дней в Бухаре и Шахрисябзе, в архивных фондах и старых изданиях, отражающих дореволюционный город, по Карши нет никаких фотографий и зарисовок.

Недостаточность наших знаний по истории г. Карши побудила автора настоящих строк подготовить к публикации некоторые дополнительные сведения, собранные им при кратковременном пребывании в г. Карши в 1948 г. с экспедицией по изучению народного декоративного искусства и столь же краткой поездке туда в 1956 г. В 1948 г. было проведено две беседы с группой специально для этого собравшихся старожилов-каршинцев, в 1956 г. были сделаны записи сообщений отдельных информаторов[78] и изучен упомянутый выше план города. При всей ограниченности собранных автором этнографических материалов, они все же дополняют наши знания по истории города и составу его населения.

Каршинский вилайят с его плодородной почвой, развитым земледелием и не менее развитым скотоводством был одним из важнейших сельскохозяйственных районов Бухарского ханства, снабжавших продуктами земледелия и скотоводства г. Бухару и его густонаселенные пригороды. Значение Каршинского вилайята для Бухарского ханства этим, однако, не ограничивалось. Если сельские районы его поставляли продукцию специализированного земледельческо-скотоводческого хозяйства, то сам город был важным центром ремесленной промышленности и торговли.

Доход, который Каршинский вилайят приносил эмирской казне, был по тому времени очень велик. В 1894 г. он составил 1 млн. 800 тыс. тенег, или 270 тыс. рублей[79].

Центр этого вилайята—г. Карши—был не только важным торговым и промышленным, но и вторым политическим центром Бухарского ханства: по установившемуся обычаю здесь находилась резиденция наследника бухарского престола.

В литературе установилось мнение, что наследник назначался в Каршинский вилайят правителем (беком)[80]. Однако некоторые сообщения опровергают это мнение: Б. Литвинов, наблюдавший г. Карши в конце XIX в., говорит о том, что наряду с наследником, в Карши был бек, который, в частности, ведал сбором налогов[81].

Это сообщение подтверждается данными Н. Ханыкова, который упоминает о наличии в Карши наряду с наследником

---

[78] Часть этих записей была сделана Мавджудой Рузиевой.
[79] Туркестанские Ведомости, 1910, № 115.
[80] См. А. А. Зимин, указ. соч., стр. 207.
[81] Туркестанские Ведомости, 1910, № 115.

престола, которого он называет градоначальником, также и «губернатора», под которым, очевидно, следует понимать правителя вилайята, т. е. бека[82]. Конечно, наследник, пребывая в Карши, имел власть и пользовался доходами, но размеры и распределение их между ним и беком остаются неясными. Это показывает, что Каршинский вилайят, по крайней мере для конца XIX—начала XX в., не может безоговорочно пониматься как удел, который в качестве самого крупного поступал во владение наследника бухарского престола. Карши был лишь его резиденцией, и значение города определялось не только и, по-видимому, не столько его ролью в экономике ханства, сколько тем, что Каршинский вилайят был районом поселения племени мангытов[83], к которому принадлежала последняя династия бухарских эмиров. При захвате власти в Бухарском ханстве эта династия опиралась по неизжитым еще традициям родоплеменного быта на поддержку соплеменников, связанных в своей основной массе с районом Карши. Необходимость иметь с ними близкие связи послужила, как можно думать, основной причиной для установления резиденции наследника бухарского престола в Карши.

Н. Ханыков, описывая Карши, указывал, что город «окружен тремя концентрическими стенами, которые во многих местах развалились. Первая из них отделяет цитадель от города, вторая служит пределом старому городу, а третья отделяет новый город от окрестных селений».[84] Наибольший поперечник ее, по словам Н. Ханыкова, составлял 3—4½ версты, а окружность 8—9 верст.

Деление г. Карши на три концентрически расположенные части подтверждается некоторыми этнографическими данными. Согласно информациям, полученным в 1948 г. от старожилов, различались цитадель (урда, арк), следующий за ней кургон (по-узбекски—крепость) и дальше—калъа (по-таджикски—крепость, крепостная стена).

Однако во всех остальных материалах (в двух упомянутых выше статьях и плане, в этнографических сведениях) указывается, что город состоял из цитадели, окруженной старым городом, который был охвачен стеной и рвом, и полосы пригородов, не защищенных городскими стенами. Возможно, в далеком прошлом пригороды также были охвачены стеной; однако если она и существовала, как о том свидетельствует сообщение Н. Ханыкова, то уже давно разрушилась, и в настоящее время найти ее следы, во всяком случае простым осмотром, не представляется возможным.

---

[82] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 109.
[83] А. А. Зимин, указ. соч., стр. 207.
[84] Н. Ханыков, указ., соч., стр. 108.

Статья 1879 г. также говорит не о двух городских стенах, а только об одной, «Город значительно разросся; по общим отзывам старожилов, он уже далеко выдвинулся за пределы той стены, которая существовала во время Ханыкова, да и самой этой стены теперь почти нет и следов»[85].

Последнее, видимо, было сильным преувеличением: даже спустя 15 лет (в 1894 г., когда в Карши побывал Б. Литвинов, опубликовавший свои наблюдения только в 1910 г.), стена с запиравшимися на ночь воротами была еще цела. Вторая же стена, которая охватывала бы пригороды, и этим автором не отмечена: «План (города.—*О. С.*)—четыре неправильные концентрические окружности. В центре—площадь. Там четыре медресе, бани, казармы, мечеть и помещения бека и тюра-джана[86] (урда) за особой оградой с кирпичными башнями и крытым ходом. Это—центр. Вокруг него—первая окружность—крепостная стена цитадели, прекрасно сохранившаяся, с несколькими воротами на главные улицы... Вторая окружность—городская стена, так же как и цитадель имеющая ряд ворот. Перед стеной довольно глубокий ров, превратившийся в болото... За этими стенами живет все именитое население края, есть свои базары, свои бани. Перед стенами—шумный торговый город. Колоссальные базары с крытыми караван-сараями, с сотнями лавок. Этот город охватил широким кольцом аристократическую часть... Кругом этого бойкого живого города идет трехверстная толща садов. Среди них видны солидные загородные постройки богачей, выезжавших на лето в сады»[87].

Различно охарактеризованные всеми авторами части города были не только несходны по своему облику, но и разновременны по происхождению. Часть города, огражденная стеной со рвом и представлявшая собой в плане почти правильный квадрат, расположенный по направлению с северо-востока на юго-запад, была территорией старого города, как и называет ее Н. Ханыков. Хотя эта часть города по своей планировке очень напоминает шахристан, однако исторические известия об образовании здесь городского поселения лишь в XIV в. не позволяют считать ее шахристаном, т. е. городом дофеодального времени. Во всяком случае, именно эта часть была древнейшей частью города.

Территория, лежащая вне этой стены, вероятно, так и не приобрела вполне городского вида. Здесь находились сады, огороды и земли, занятые пашней,—далеко не вся территория была под городской застройкой.

---

[85] Туркестанские Ведомости, 1879, № 24—25.
[86] Т. е. наследника.
[87] Туркестанские Ведомости, 1910, № 114.

Таким образом, та четкая граница между городской застройкой и носившей сельский характер округой, о которой писал Н. Ханыков, существовала только в отношении старой части города, включавшей в себя цитадель (арк).

Цитадель Карши была расположена почти на уровне остальной территории старой части города, лишь слегка возвышаясь над нею. Она была ограждена высокой стеной. Внутрь вели через крытый проход одни ворота, которые по словам информаторов, носили название «Сахлов-дарвоза» (Ворота защиты).

В стене внутреннего города ворот было четверо; их названия в исторических источниках не упоминаются. В. В. Бартольд говорит лишь о названиях ворот древнего города—Нахшеба, или Несефа, который имел также четверо ворот и был расположен так, что через него протекала река[88] т. е. лежал севернее современного, находящегося к югу от Кашка-Дарьи.

Названия ворот средневекового города Карши образовавшегося в XIV в., пока еще остаются неизвестными.

Сообщения старожилов-каршинцев позволили выяснить названия ворот XIX—начала XX в. Однако эти сообщения содержат разногласия. Со слов информаторов записано в разных комбинациях девять названий городских ворот, в локализации которых не было единства. Это свидетельствует о том, что городские ворота, так же как и стены, давно уже потеряли практическое значение. Среди зарегистрированных названий некоторые, вероятно, представляют собой варианты старых и новых названий одних и тех же ворот; другие, возможно, были воротами в третьей стене (если только она существовала).

Анализ всех сообщений и изучение плана города позволяют считать более или менее надежно установленным, что ворота в северо-восточной стене носили название Тутак (они же—Куюк); в юго-восточной—Шаршара (они же—Янги-дарвоза); в южной—Карлыкхона, причем место их намечается лишь приблизительно вследствие исчезновения в этой части города старых улиц при перепланировке города; в северо-западной стене—ворота Чаримгар (они же—Хиёбон). Ворота Насеб, или Нахшеб, остаются нелокализованными. Вероятнее всего, они были тождественны либо с воротами Чаримгар, либо с воротами Тутак (см. приложение III).

Кроме указанных, были названы еще ворота Дарвозайи Мисгарлик, Дарвозайи Джиляухона (которые, по-видимому, тождественны с воротами Шаршара), Дарвозайи Раста (по-

---

[88] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 136.

видимому, то же, что Дарвозайи Хиёбон) и Дарвозайи Хандак[89].

Название ворот Джиляухона объясняется тем, что они находились неподалеку от арка, в том месте, где привязывали своих лошадей люди, приехавшие в арк. Значение названия Куюк-дарвоза объясняли тем, что однажды шахрисябзцы, осадив город и не будучи в состоянии взять его, сожгли эти ворота[90] (событие относилось, по словам информаторов, ко «временам Джурабека»[91]). Впоследствии, якобы когда Насрулла-хан победил кокандцев и взял г. Коканд, были сняты, привезены в Карши и поставлены на место сожженных ворот ворота кокандской крепости.

Название ворот Шаршара объясняется тем, что в этом месте через ров был перекинут желоб, подававший воду во внутренний город.

Вопрос о структуре города—его членении на жилые кварталы пока, по имеющимся данным, не может быть решен вполне удовлетворительно. Дальнейшее его исследование—дело будущего. При отсутствии в литературе каких-либо данных по этому вопросу в настоящей работе целесообразно изложить хотя бы неполные данные, полученные опросным путем.

Старая часть города, которая была окружена стеной и рвом, сохранившимися до нашего времени, и служила местом жительства знати и зажиточной прослойки городского купечества, состояла из небольших по территории кварталов (гузар) того же типа, что и кварталы г. Бухары. Полного списка кварталов Карши пока составить не удалось. Информаторы могли сообщить лишь некоторые названия кварталов, сохранившиеся в их памяти. Всего для Карши удалось записать названия двадцати кварталов: около ворот Чаримгар (они же—Хиёбон) располагались кварталы Мир-Души, Мирзолат, Оголык, Чубин, Хонако, Харрот; около ворот Шаршара (они же—Янги-дарвоза)—кварталы Шаршара, Беглар-беги, Хитой, Уй-уйма; около ворот Куюк (они же—Тутак)—кварталы Эрони-гузар, Козихона, Харам-сарой, Дарвозайи Тутак махалляси, Бой-гузари, Мирзо Лятип. Неясно расположение кварталов Темурчи, Халвогар, Кулоль-гузар, Гузари челонгарон.

---

[89] Названия ворот расшифровываются следующим образом: Тутак—тадж. тутовое деревцо; Хиёбон—тадж. аллея, проспект; Шаршара—тадж. водопад; Янги-дарвоза — тадж.-узб. новые ворота; Карлыкхона — тадж-узб. жилье карлуков; Куюк—узб. сгоревшие; Чаримгар—тадж. кожевники; Мисгарлик—тадж.-узб. медники; Раста—тадж. базарная улица; Хандак—тадж. ров.

[90] Запись Мавджуды Рузиевой.

[91] По-видимому, шахрисябзский бек Джура-бий (см. История народов Узбекистана, т. II, стр. 238).

Части города, находившиеся за пределами сохранившейся стены, носили, по-видимому, не столько городской, сколько сельский характер. Это подтверждается и сообщениями информаторов, из которых одни называли их «кишлак», другие—«махаллот»,[92] в то время как третьи именовали их, как и кварталы старой части города, гузарами.

В отличие от сравнительно небольших кварталов, на которые делился старый город, охваченный стеной и рвом, гузары, махаллот или кишлаки, находившиеся за их пределами, были значительно более крупными и состояли каждый из нескольких приходов.

Гузар, или кишлак, Чаримгар, лежавший за одноименными воротами города, согласно полученным в 1948 г. сведениям, состоял приблизительно из 300 домов, образующих четыре прихода (мечети Куйи мачит, Урта мачит, Мачит Хазрати-Кутбишайх и Катта мачит, иначе называемая Мачити калон). Гузар Кургонча, расположенный несколько севернее Чаримгара, состоял приблизительно из 160 домов, образующих пять приходов (мечети Хонако, Урта мачит, Паколюк мачит и две небольшие мечети, находившиеся в полосе садов и помещавшиеся в легких постройках в виде навеса—айвон). Гузар Зогза, лежавший к северу от старого города, состоял из 300 домовладений и трех приходов (Куйи Зогза, Юкори Зогза; название третьей мечети не выяснено). Количество домовладений и приходов в четвертом гузаре—Арабхона, или Кумравот, расположенном еще севернее, осталось невыясненным; по-видимому, этот гузар был сравнительно небольшим. Гузар Бузурравот (Бузург-равот), лежавший к югу от ворот Чаримгар, состоял из 300 домовладений и делился на два прихода (название одной из мечетей—Дукчи мачит, второй—неизвестно). Гузар Беш-гуммаз, расположенный к югу от Бузурравот, состоял из двух приходов (Ичкари мачит и Ташкари мачит; их названия говорят вероятно, о том, что одна из них помещалась внутри, а другая—вне стен). Количество домовладений осталось невыясненным.

Гузар Махсумовот лежал к юго-западу от старого города. Число его домов информаторы также не могли определить; по их словам, он состоял из двух приходов (мечеть Абдукодыроксаккол и Ичкари мачит, также, по-видимому, помещавшаяся со своим приходом внутри стен)[93].

Южную часть занимал гузар Калликхона (Карлукхона).

---

[92] Термин «махалля (множ. число—«махаллот») во многих городах (Ташкент, города Ферганской долины и др.) употреблялся в значении «жилой квартал». В Самарканде и Бухаре XIX—начала XX в. он обозначал пригород.

[93] Можно думать, что имеется в виду наружная третья стена, позже исчезнувшая.

Эти сообщения определяют число приходов, имевшихся в пригородах Карши, в 20—22. Число это, возможно, несколько преуменьшено за счет тех частей города, которые остались вне поля зрения участников беседы (см. приложение III).

В отношении количества населения города многими авторами, ввиду отсутствия для дореволюционного времени статистических материалов, высказывались ошибочные положения.

В дореволюционной литературе население г. Карши определялось в 60—70 тыс. человек.

Эта цифра, названная в свое время еще А. Вамбери и заимствованная одним автором у другого[94], как показывают этнографические и более поздние статистические данные, преувеличена и ненадежна. Обращает на себя внимание, что такой серьезный автор, как Н. Ханыков, а также оба автора статей, помещенных в «Туркестанских Ведомостях»[95], воздерживаются от каких-либо предположений по этому вопросу.

При отсутствии других источников для его решения должны быть привлечены все не только прямые, но и косвенные сведения, а также более поздние сравнительные цифры.

Косвенным свидетельством численности населения города может служить количество имевшихся в нем мечетей, в особенности приходских, вокруг которых группировались жители городского квартала.

Н. Ханыков, характеризуя город первой половины XIX в., специально замечает, что «мечетей в городе немного»[96]. В другом месте мы находим ссылку на то, что мечетей Ханыковым было обнаружено всего шесть[97]. Автор конца 70-х годов насчитал их уже «гораздо больше четырнадцати», правильно замечая, что это «в свою очередь указывает на значительное приращение населения»[98].

Рост города в последующий период повлек за собой дальнейшее увеличение строительства мечетей; их число, по сообщениям информаторов, к предреволюционным годам достигало 36 (среди них мечети соборные, дворцовые и мечети при медресе).

Сравнение этой скромной цифры с более чем 200 приходскими мечетями г. Бухары, объединявшими, как мы показали в предыдущем очерке, от 75 до 85 тыс. жителей, свидетельствует о том, что Карши даже в конце XIX—начале XX в., когда го-

---

[94] См. статью А. А. Зимина (А. А. Зимин, указ. соч., стр. 208), ссылающегося на В. И. Массальского (В. И. Массальский, Туркестанский край, Россия, под ред. В. И. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX, СПб., 1913) и А. Вамбери (А. Вамбери, указ. соч.)

[95] См. выше, стр. 110, примечание 75, 76.

[96] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 109.

[97] Туркестанские Ведомости, 1879, № 25.

[98] Там же.

QCL. N.Ver

род успел значительно вырасти, был все же очень невелик и никак не мог иметь 60—70 тыс. жителей. Даже если считать, что среднее число домовладений, составлявших приход, было в Карши значительно больше, чем в Бухаре, и доходило до сотни, то и тогда число домовладений города могло равняться всего 2,5—3 тысячам, что, если принять по 6 человек на домовладение, дает 15—18 тыс. жителей.

Эта цифра находит себе подтверждение в сравнительных данных переписи 1926 г.

По этой переписи в г. Карши насчитывалось 3007 домовладений и 4062 семьи[99], из них около тысячи семей было русских, украинцев и других, конечно, в большинстве появившихся здесь после революции. Так как число домохозяйств более устойчиво, чем число жителей, и изменяется не столь быстро, можно считать, что в предреволюционные годы в Карши насчитывалось не больше 3—3,5 тыс. дворов.

Число жителей Карши, по материалам переписи, равнялось 15 198 человекам, из которых 3097 человек составляли русские, украинцы и др.[100] Местного населения, в подавляющем большинстве узбеков, было зарегистрировано 11 267 человек. Так как процесс сокращения количества городского населения в годы империалистической и гражданской войн распространялся и на города Бухарского ханства, а город Карши после революции, так же как и Бухара, восстановился не в прежних размерах, следует думать, что в конце XIX—начале XX в. население в Карши было более многочисленным и могло равняться 15—20 тыс. жителей, т. е. по крайней мере в 3 раза меньше, чем то число, которое указывалось во всех касающихся этого вопроса работах.

Сравнение приведенных Н. Ханыковым сведений о числе приходов (что дает нам возможность приблизительно определить количество жителей Карши) и данных статей из «Туркестанских Ведомостей» с материалами, собранными опросным путем, говорит о значительном росте города после присоединения Средней Азии к России.

Причину этого факта, достоверность которого подтверждается авторами конца XIX в., следует искать не только в указанном выше прекращении феодальных и межплеменных войн, но и в развитии всей экономики Средней Азии под влиянием установления стимулировавших это развитие торговых связей с метрополией, в увеличении товарности хозяйства и усилении связанного с этим общественного разделения труда, а также

---

[99] Материалы Всесоюзной переписи 1926 г., вып. 1, Поселенные итоги, стр. 275.

[100] Всесоюзная перепись 1926 г., т. XV, Узбекская ССР, стр. 144—145, табл. X.

в зарождении в недрах феодального производства капиталистических отношений.

Этнический состав населения г. Карши был более однороден, чем в Бухаре.

Во всей имеющейся литературе отмечалось, что в составе населения Карши преобладали узбеки, принадлежавшие к различным племенам.

Наиболее многочисленной группой среди не только сельских жителей, но и населения города были мангыты. В. Л. Вяткин говорил, что «как в Каршах, так и в других частях вилайята проживали главным образом узбеки рода мангыт, превосходившие численностью другие роды и вместе с тем бывшие привилегированным узбекским родом»[101]. Все жившие в городе родоплеменные группы по своему происхождению были связаны с племенами, кочевавшими «в окрестностях Карши» (мангыты) и «между Карши и горами Шахрисябза» (кунграды)[102]. При антропологическом обследовании населения «района Карши», кроме мангытов, было зарегистрировано довольно много каучинов.[103] По словам Н. Ханыкова, из степи в город переселились «многие, особенно старшие родов»[104].

Несмотря на сохранение значительной частью городского населения родоплеменных традиций, связи между ним и степняками-сородичами уже значительно ослабли, родоплеменные отношения к этому времени находились на стадии глубокого разложения. Об этом свидетельствует сосредоточение в городе представителей многих узбекских племен, а в еще большей степени образование из них смешанного военного соединения: при поставке Каршинским вилайятом войска набор его производился по родоплеменным делениям, город же Карши был выделен в особую внеродовую группу[105]. Если бы жители города, принадлежавшие к определенным племенам, были тесно с ними связаны, несомненно, родоплеменной принцип, лежавший в основе организации бухарского войска, не был бы нарушен.

Этнографические данные говорят о том, что представление о родоплеменном делении было свойственно далеко не всем жителям города. Если среди одной части населения оно сохранялось и было сильно, то для других это оказывалось далеким, полузабытым воспоминанием или отсутствовало совершенно.

---

[101] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 22.

[102] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 65.

[103] Л. В. Ошанин, К сравнительной антропологии этнических групп, пришлых из Передней Азии—евреев и арабов, и этнических групп Узбекистана—узбеков и таджиков. Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 8, табл. 3.

[104] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 65.

[105] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 32.

Так, житель Карши из квартала Харам-Сарай (1896 г. рождения) слышал от отца, что их семья происходила из племени «сарай». Кроме этого племени, он знал еще, как и большинство опрошенных, племя (уруг) мангыт, и на просьбу назвать еще какие-нибудь жившие в Карши узбекские племена сказал, что было еще племя «чаримгар». Этот ответ свидетельствует, что в народе слабо было самое представление о племенах: племенное деление заменилось здесь делением на территориальные единицы, каковой и был гузар, или кишлак, Чаримгар.

Значительность последней прослойки подтверждается свидетельством Л. В. Ошанина, который, производя сбор антропологических материалов в 1927 г., убедился, что в Карши «в число исследованных (в городе и районе. — *О. С.*) попал весьма большой процент узбеков, забывших свою племенную принадлежность»[106].

Из двухсот человек, опрошенных им, 57 не знали родоплеменной принадлежности[107]. Не приходится сомневаться что среди горожан, если бы они были выделены Л. В. Ошаниным, процент таких каршинцев был бы значительно выше[108].

Эта часть населения Карши, по-видимому, была потомками местного древнего ираноязычного населения, возможно, пережившего сюда из переставшего существовать после монгольского нашествия города Нахшеба (Насеба, Несефа). Оно оказало значительное влияние на антропологический облик каршинцев. По данным Л. В. Ошанина, «...основным типом для современных узбеков Шахрисябза и Карши является тот же иранский (европеоидный. — *О. С.*) тип»[109].

Все вышеизложенные факты позволяют сделать важные выводы о составе городского населения Карши.

Среди жителей города имеется значительная прослойка узбеков, сохранивших родоплеменное деление. Это свидетельствует о том, что большая часть жителей Карши принадлежала к поздней волне узбеков, появившихся в Средней Азии, по-видимому, в связи с завоеваниями Шейбани-хана и являвшихся в XIX в. основными носителями родоплеменного начала. Населявшие г. Карши узбеки, по свидетельству В. Л. Вяткина, крепко сохраняли свое родоплеменное деление[110].

---

[106] Л. В. Ошанин, указ. соч., стр. 141.

[107] Там же, стр. 141.

[108] Там же, стр. 7. Согласно табл. 2 среди обследованных каршинцев горожане составляли 39,5%, а пришлые из кишлаков — 60,5%.

[109] Там же, стр. 140.

[110] В. Л. Вяткин говорит о том, что «признаку родового происхождения у каршинских узбеков придавалось большое значение, так как не только к именам знатных и чиновных прибавлялось в официальных бумагах название рода или колена, но и к именам самых обыкновенных смертных (В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 23).

Наряду с представителями узбекских племен, составившими более поздний слой в населении города, в числе его жителей были узбеки, не знавшие родоплеменного деления, в этногенезе которых, несомненно, участвовало древнее местное ираноязычное население, оформившееся позже частью в таджикскую народность, представители которой и поныне населяют некоторые районы Кашка-Дарьи, частью же вошедшее в состав узбеков. На наличие таджикского компонента в населении г. Карши указывает большое количество таджикских названий в его топонимике (см. названия городских ворот и кварталов).

Таджики были, видимо, сравнительно немногочисленны, поэтому и утратили свой язык, полностью слившись с узбекским населением. Это слияние завершилось еще до начала XIX в. В. Л. Вяткин отмечает, что в Каршинском вилайяте «среди многородового тюркского населения не встречалось вовсе таджиков, по крайней мере о них нет ни одного особого упоминания»[111].

Кроме того, в состав местного узбекского населения города вошли потомки довольно многочисленных переселенцев, в разное время попадавших в Карши и здесь оседавших, например, из Ургута и Катта-Кургана, причем последнее переселение произошло несколько поколений тому назад. В литературе имеются сведения о том, что в Карши были переселены в ходе борьбы бухарских эмиров с Шахрисябзом отдельные группы жителей этого города с целью ослабить сопротивление шахрисябзцев и сломить их мятежный дух[112].

В составе жителей г. Карши имелись также небольшая группа ирани (50--60 домов), попавших сюда из Бухары, несколько семей среднеазиатских евреев и значительная группа уйгур (по данным переписи 1926 г. — 287 человек); время поселения здесь уйгур неизвестно.

Арабы населяли один из семи гузаров пригорода[113]. По-видимому, жившие там арабы были связаны своим происхождением с арабским населением сельских местностей каршинского вилайята. Переселение их в город и пригороды отражает, несомненно, развитие важнейшего в жизни феодального общества процесса отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, рост городского населения за счет деревни.

---

[111] В. Л. Вяткин, указ. соч., стр. 23.

[112] И. Бекчурин, Шахрисябзское владение, по рассказам Джурабека и Бобобека. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, 1874, стр. 86.

[113] При переписи 1926 г. арабы и ирани не выявлены совсем, а число среднеазиатских евреев (7 мужчин и 7 женщин) не соответствует действительности (См. Всесоюзная перепись 1926 г., т. XV, Узбекская ССР, стр. 144—145).

Этот процесс, в свою очередь, определялся получившим значительное развитие после присоединения Средней Азии к России увеличением товарного производства и началом образования внутреннего рынка, к чему вело сложение более или менее обширных местных рынков. Это имело громадное значение для исторического развития узбекского народа.

К наиболее поздним поселенцам относится русское население г. Карши (по переписи 1926 г. 2 773 человека), к которому примыкают в небольшом количестве представители других народностей, также переселившиеся из России: украинцы, евреи, немцы, татары, армяне и др.

Сообщения информаторов говорят также о наличии территориальных объединений, называемых «эль» (узб. племя, народ). Все население пригородов Карши делилось на два эля. Каждый из них носил название наиболее значительного пункта, вокруг которого объединялось еще несколько гузаров и селений. В эль Чаримгар входили жители гузаров Чаримгар и Кургонча, кишлаков Гумгон, Кят, Чуг-думбай, Кавали, Арал, Худойзот, Чавкай. В эль Бузург-равот входили гузары Бузург-равот, Бешгумбаз и Карлукхона, кишлаки Гульшан, Арабхона, Пистакент, Шуллюк-тепе, Кучкай, Чарвобой-гунди, Гавхона[114]. Население центральной части города, состоявшее из чиновничества и богатых торговцев, оставалось в стороне от этих объединений.

Эль возглавлялся старшиной (бобо), который существовал наряду с носившими то же название старшинами ремесленных корпораций.

Внутренние отношения между членами одного эля, как и отношения между разными элями, пока остаются неизученными не только для Карши, но и для других городов, где подобные группировки также имелись. Везде отмечается традиционная вражда и соперничество между элями, выражавшиеся в боях, происходивших между ними. В Карши такие бои носили название «дук». Как сообщают наиболее пожилые информаторы, бой начинали ногами — противники стремились обратить друг друга в бегство пинками. Если достичь успеха таким способом не удавалось, начинался кулачный бой; если ни один из противников не признавал себя побежденным, брались за палки, и бой шел до тех пор, пока одна из сторон не обращалась в бегство.

В этом обычае, находящем себе прямую аналогию с русскими кулачными боями, не раз описывавшимися в литературе,

---

[114] При отнесении кишлаков к тому или иному элю обнаружились некоторые разногласия, объясняющиеся тем, что это древнее членение за годы советской власти совершенно изжито.

мы видим пережитки древних отношений между соседними группами, отношений, которые восходят к дуальной организации родового общества[115].

Термин «эль», который служил для обозначения описанных территориальных объединений в Карши, имелся во многих тюркских языках. Однако то содержание, которое вкладывалось в этот термин этническими группами, употреблявшими его в XIX—начале XX в., пока остается вскрытым далеко не полностью. Г. П. Снесарев, встретивший его у хорезмских узбеков, считает возможным перевести термин «эль» как община; выяснение характера последней на поздних этапах ее существования как пережитка (так же и значения термина «эль»), — интересная задача для будущего углубленного исследования.

Особо следует остановиться на вопросе профессиональной специализации населения города. Опросные данные существенно дополняют сведения, имеющиеся в литературе. Они свидетельствуют о том, что г. Карши был важным центром развитой кустарной промышленности, обслуживавшей широкий рынок.

По впечатлению наблюдателя начала XX в. ремёсла здесь были более развиты, чем в Бухаре[116]. Их развитие стимулировалось, с одной стороны, близкими связями г. Карши с кочевой степью, с другой — потребностями двора.

Ремесленники Карши обитали почти исключительно в пригородах — за пределами старого города и охватывавшей его стены. Лишь ювелиры (заргар) жили как вне этого города, так и внутри его (в кварталах Харам-Сарай, Бойляр-гузари и др.).

Как можно судить по одному из известных нам названий кварталов старой части города — квартала Челонгарон, — в отдаленном прошлом внутри старого города жили и, конечно, работали челонгары (кузнецы или слесари). Позже этот факт забылся и сам термин стал непонятным[117].

Особое развитие получили в Карши ткацкие ремесла. Каршинские алачи пользовались широкой известностью. Эти бумажные или полушелковые ткани, орнаментируемые разноцветными полосами, представляли собой основной вид про-

---

[115] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 94—95. Там же приведена библиография вопроса и сведения из письменных источников, в которых нашел свое отражение этот обычай.

[116] Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть), Самарканд, 1913, стр. 60. Приведенные выше данные доказывают, что это утверждение сильно преувеличено.

[117] Семидесятилетний информатор Кори-Суннат считал, что это название было дано кварталу потому, что «там росло много деревьев челон».

дукции каршинских ткачей. Развитие этого промысла отмечает и Ханыков, считавший его одной из двух главных отраслей хозяйства Карши[118]. В «Рассказах индийского путешественника» отмечается, что «в умении ткать особую полушелковую ткань, называемую алача, каршинцы не имеют себе равных»[119].

Каршинские ткани, в лучших своих сортах вырабатывавшиеся для довольно многочисленных представителей круга феодалов и чиновничества, вывозились в Бойсун, Гисар, Гузар, Саросийя, а также покупались призжавшими на базар жителями окрестной степи, занимавшимися скотоводством.

Как считают старые мастера, в г. Карши и ближайших окрестностях работало не меньше 5 000 ткацких станков. На производстве тканей специализировались жители пригорода (гузара) Зогза, вырабатывавшие чалмы (пута) и алачу. Последним занимались преимущественно ходжи (худжа), жившие в части Юкори Зогза. Адрас вырабатывался в гузаре Махсумовот, там же была сконцентрирована размотка коконов.

Производство тканей имело чисто товарный характер, что вызвало появление довольно высоких для феодального общества форм организации производства. В отдельных случаях, приближаясь к мануфактуре, они свидетельствовали о зарождении в ремесле капиталистических отношений.

В Карши было до 25 крупных ткачей-предпринимателей. Самым крупным из них был умерший около 1910 г. Мулло Охун, известный под прозвищем «Охун-алача», из пригородного кишлака Ляъмон. Размеры его предприятия были необычайно велики для Средней Азии. Он держал в своих руках как ткачество, так и подготовку шелковой пряжи. В его доме было сосредоточено до сорока ткацких станков, размещенных в четырех помещениях. Кроме того, одно помещение было занято шелкомотальней. Наемные мастера и ученики питались у хозяина, и один из его бывших работников, сейчас член артели Кустпромкооперации, вспоминает, что к вечерней еде за скатерть садилось человек шестьдесят. В этой мастерской вырабатывалась исключительно шелковая и полушелковая алача.

Кроме ткачей, работавших в его мастерской, Охун-алача имел в окрестных селениях еще до 20 мастеров-надомников (харчивоп, тадж. — харчбоф), которые ткали бумажную материю. Такие размеры ткацких предприятий и особенно соединение их в одной мастерской при сохранении, однако, традиционной феодальной системы разделения труда, совершенно необычны для Средней Азии, где мастерские были очень мелкие,

---

[118] Н. Ханыков, указ. соч., стр. 109.
[119] Абд-ур-Рауф, указ. соч., стр. 60.

а начавшийся процесс капиталистической концентрации производства шел по пути образования рассеянной мануфактуры.

Остальные ткацкие предприятия Карши были небольших размеров. Немало было и ткачей одиночек.

Значительное место среди ремесленников г. Карши занимали кожевники. Этот промысел был сосредоточен в гузаре (кишлаке) Чаримгар. Там вырабатывались различные сорта кож из бараньих (чарим, меши), козлиных (кайрокы, или бузи) и воловьих (булгор) шкур. Способ изготовления кож сорта «булгор», которые окрашивались в черный и красный цвета, раньше кожевникам Карши был неизвестен; его освоили каршинские мастера, работавшие в Самарканде, которые и завезли его к себе на родину.

Помимо кожевенного производства, в этом гузаре получила развитие выработка клея (йилемгарлик), тесно связанная по используемому сырью с кожевенным делом.

В гузаре Бузург-равот получило развитие производство кожи сорта «кемухт», вырабатывавшейся из ослиных шкур и окрашивавшейся в зеленый цвет.

Размеры кожевенного производства в г. Карши говорят о том, что оно работало на вывоз. Вероятно, оно дополнялось различными отраслями сапожного ремесла, сведения о развитии которых в Карши, к сожалению, отсутствуют, что объясняется, несомненно, неполнотой имеющихся материалов.

Известностью пользовались также изделия каршинских ножовщиков, попадавшие на базары Бухары, Самарканда и других мест.

Названия некоторых кварталов города свидетельствуют о значительном развитии и прочих ремесел: мы встречаем среди этих названий такие, как квартал Темурчи (кузнецы), Челонгар (слесари), Харротлик, (токари), Хальвогар (мастера по выработке сластей), Кулолгузар (гончары) и др.

О занятии ремеслом свидетельствует и название ворот Мисгарлик (медники). Последнее ремесло было очень развито. Медные кувшины каршинской работы, как и каршинские алачи, пользовались широкой известностью. Тот же «индийский путешественник» замечает, что медные кувшины выделывались в Карши с большим искусством[120].

Большое развитие получили ремесла по выработке различных деревянных предметов, предназначенных для кочевников: изготовление жердей для юрт (ўк), деревянных чашек, сундуков с выдвижной передней стенкой, употребляемых для хранения хлеба (нон-сандук) и т. п. В. В. Бартольд пишет, что

---

120 Абд-ур-Рауф, указ, соч., стр. 60.

г. Карши был также «центром кондитерского производства и маслобойной промышленности»[121].

Продукция многочисленных отраслей ремесленной промышленности составляла важную статью торговли г. Карши. Сюда же завозились из России через Бухару и Самарканд промышленные товары фабричного производства, которые сбывались не только горожанам, но и жителям широкой сельской округи. Каршинский базар был очень обширен, состоял из крытых рядов (раста) и пассажей (тим), где находились лавки богатых купцов-оптовиков (саудогар)[122]. Особый ряд был предназначен для торговли ковровыми и паласными изделиями, которые вырабатывались во многих селениях каршинского вилайята (Камаши и др.), населенных скотоводами-арабами. Имелись также специализированные лавки, где производилась торговля узкими ковровыми полосами (бау), служащими для скрепления юрт.

Близкие связи со степью, нуждавшейся в промышленных товарах и поставлявшей городу со своей стороны продукцию скотоводства, составляли специфическую черту г. Карши, которая определила отчасти его экономику, культурные и этнические связи.

Карши был важным центром торговли скотом. Здесь осуществлялся обмен промышленных и земледельческих товаров на продукты скотоводства, которое было очень развито как в Каршинском вилайяте, так и в соседнем Гузарском.

В Каршинском районе были также развиты земледелие и садоводство. Сады, а может быть, и пахотные земли, имелись и в самом городе. Незначительная по сравнению, например, с Бухарой плотность городского населения говорит о том, что площадь, занятая в Карши нежилыми участками, была немалая. Как уже указывалось, город окружало широкое трехкилометровое кольцо садов. По словам Б. Литвинова, было «трудно сказать, где... начинается этот город и кончаются его сады»[123].

Продукты садоводства составляли значительную часть товаров, продававшихся на городском рынке. Каршинский сорт винограда получил известность по всей Средней Азии и за ее пределами. Многие горожане имели сады за городом и выезжали туда на лето, сочетая садоводство со своим основным занятием — ремеслом или торговлей. Загородные сады имели и представители каршинской чиновной аристократии.

Будучи одним из зерноводческих районов Бухарского хан-

---

[121] В. В Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 242.
[122] Туркестанские Ведомости, 1879, № 24.
[123] Туркестанские Ведомости., 1910, № 115.

ства, Каршинский вилайят вел широкую торговлю зерном, которое также занимало важное место в числе товаров, продававшихся на каршинском базаре.

Среди земледельческих культур каршинцами выращивался табак. Ханыков считает табаководство важным промыслом населения Карши. Каршинский табак пользовался популярностью во всех районах Узбекистана, считался лучшим и носил название «белого» (ок-тамоки).

Земледелие было профессией не только сельского населения. Многие жители города и пригородов в своей деятельности были связаны с сельским хозяйством и назывались дехканами. Дехкане составляли большинство населения гузара (кишлака) Кургонча. Многие из них, вероятно, были землевладельцами, жившими на доходы со своих земель, которые по существовавшему в дореволюционной Средней Азии порядку сдавались ими в обработку издольщикам.

Таким образом, Каршинский вилайят вместе со своим центром — г. Карши — был весьма важной в хозяйственном и политическом отношении частью Бухарского ханства.

Однако несмотря на свое значение, г. Карши был очень невелик, хотя бы по сравнению с Бухарой, уступая во много раз ей и по числу приходов, и по числу домовладений и населения.

За годы советской власти бывший Каршинский вилайят, объединенный с Китабом и Шахрисябзом в Кашка-Дарьинскую область, стал одним из передовых хлопководческих и скотоводческих районов Советского Узбекистана. Это отразилось и на развитии центра области — г. Карши.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

ШАХРИСЯБЗ

Шахрисябз по своему значению и величине в конце XIX—начале XX в. считался третьим городом Бухарского ханства.

Расположенный всего в 5—6 *км* от г. Китаба (см. приложение IV), он был объединен с ним общей стеной (чим). Тесно связанные друг с другом своей историей, экономикой, близостью культуры и составом населения, оба города были, однако, административно разделены на два бекства, имевшие каждый своего бека и свою сельскую округу[124].

Политически и экономически более сильным был Шахрисябз — важный торговый центр Бухарского ханства. К его рынку тяготела вся прилегающая округа, в том числе и г. Китаб с его развитой кустарной промышленностью, изделия которой реализовались главным образом через рынок Шахрисябза. Оттуда же велась торговля с населением горных районов, а также с Самаркандом, Ургутом и Бухарой.

История Шахрисябза изучена весьма слабо. Большим вкладом в дело его изучения является поэтому недавно опубликованная статья М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, посвященная Шахрисябзу времени правления Тимура и Улугбека[125], но содержащая и некоторые данные более позднего периода.

При историко-топографическом направлении этой статьи вопрос о составе населения и его размещении на территории города остался почти незатронутым[126].

---

[121] Подробно об этом см. А. Кун, Очерки Шахрисябзского бекства, СПб, 1880, отдельный оттиск из ЗИРГО по отделению этнографии, т. 6.

[125] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, Труды САГУ, новая серия, вып. 61, Ташкент, 1953, стр. 17—97.

[126] М. Е. Массоном, автором первых четырех разделов статьи и приложенного к ней схематического плана города, сообщено лишь, что в XIX в. в северо-западной части города помещались кварталы мусульманского духовенства, а в южной части — кварталы ремесленников, в частности кожевников и керамистов.

Приложение IV. Шахрисябз. Схематический план расположения кварталов.

В посвященной Шахрисябзу небогатой дореволюционной литературе, обзор которой сделан М. Е. Массоном, сообщаются в общих чертах некоторые данные о населении Шахрисябзского бекства. В наиболее содержательной статье востоковеда А. Куна имеются очень интересные, хотя и не всегда правильные сведения о жилых кварталах Шахрисябза. Неполнота этих сведений, не содержащих указаний о составе населения кварталов, делает небесполезной публикацию кратких материалов, собранных автором настоящего очерка.

Источником для данного очерка послужили главным образом этнографические материалы, собранные во время посещения Шахрисябза летом 1948 г.

Характер материалов дает возможность судить об облике кварталов города и составе их населения, о примерном количестве домовладений, а следовательно, и о приблизительном числе жителей города.

Чрезвычайно ценным источником для изучения г. Шахрисябза может служить подробный план города, снятый после революции (в конце 30-х годов), на который нанесены все городские кварталы и — схематично — составлявшие их домовладения[127]. На этом плане — единственном в своем роде — показаны не устанавливающиеся простым осмотром границы кварталов, проходившие по задним стенам домовладений. Имеющаяся на плане нумерация домовладений каждого квартала позволяет несколько уточнить наши знания об общем числе составлявших его домов[128].

* * *

Вплоть до Великой Октябрьской революции Шахрисябз сохранял облик феодального города. Городская стена (калъа) ограничивала его территорию от окружавших пригородов и придавала ей форму почти правильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг. В каждой стене этого прямоугольника имелись ворота, от которых к центру города, отмеченному круглым пассажем (чорсу) с купольным перекрытием, шли улицы, членившие город на четыре части.

Ворота в северной стене были известны в конце XIX—начале XX в. под названием ворот Самарканда или Китаба, в за-

---

[127] Автор выражает искреннюю благодарность сотруднику Узгоспроекта инженеру А. В. Земляницыну, познакомившему его с этим планом и давшему возможность снять с него копию для издания.

[128] Так как нумерация отдельных отмеченных на плане домовладений (участков) каждого квартала имеет пробелы, нами была взята для каждого квартала самая большая из имеющихся на плане цифр, если промежуточные номера были опущены.

падной—ворот Чиракчи, в южной—ворот Яккабаг и в восточной—Кун-чикар (сторона восхода солнца). Таким образом, названия трех ворот определялись теми населенными пунктами, к которым вела пролегающая через них дорога. Эти же названия употреблялись и для обозначения сторон света на территории города: вместо «север» говорили «сторона Самарканда», вместо «юг»—«сторона Яккабага», вместо «запад»—«сторона Чиракчи». Только восток всегда обозначался как сторона восхода солнца (кун-чикар томони); запад иногда именовался «кыбла» (сторона, куда мусульмане встают лицом при молитве).

Кроме того, в северной стене имелись второстепенные ворота Калмок, а в юго-восточном углу—ворота Симхона.

М. Е. Массон сообщает другие названия для трех ворот: для северных—Ворота арка, для западных — Кушхона и для южных—Чаримгар. Вероятно, эти названия употреблялись в быту наряду с указанными выше[129].

В быту шахрисябзцев сохранялось архаическое деление города на две части: северную (юкори томон, или уч-уруг) и южную (паст томон, или казок). Между обеими частями шло постоянное традиционное соперничество, происходили состязания.

В повседневной жизни горожан это деление утратило значение, и основным было членение города на жилые кварталы.

Город делился на 52 квартала (гузара),[130] каждый из которых представлял один приход; их население объединялось в квартальные общины.

Размеры кварталов, как и в Бухаре, были невелики. Самые крупные включали немногим более 100 домов, самые мелкие состояли из двух-трех десятков их.

Количество населения города до проведения переписи 1926 г. может быть исчислено лишь весьма приблизительно. По подсчетам А. Куна, в Шахрисябзе было до 4000 домов, а в Китабе—около 3700. Считая по 5 человек на семью, он получил 20 тыс. жителей в Шахрисябзе и 18,5 тыс. в Китабе.

Переписью 1926 г. в Шахрисябзе зарегистрировано около 2400 домов[131] и 10 684 жителя, причем последняя цифра может быть неточной: как было уже сказано, именно в этих районах

---

[129] А. Кун упоминает все эти названия ворот, за исключением последнего (А. Кун, указ. соч., стр. 24).

[130] У А. Куна ошибочно вследствие неправильной информации говорится, что Шахрисябз состоял из 14 кварталов, названия которых им приведены (А. Кун, указ. соч., стр. 24).

[131] В различных изданиях опубликованных «Материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г., Узбекская ССР» имеется значительное расхождение в цифрах: в выпуске 1—«Поселенные итоги»—указано 2323 дома (стр. 275), а в выпуске III—«Характеристика городской недвижимости и жилищных условий населения УзССР и ТаджССР»—2390 домов.

условия для работы регистраторов были наиболее трудными, и часть жителей, в особенности женщин, могла остаться незарегистрированной[132]. Подсчет домовладений, нумерация которых имеется на использованном нами плане, дал цифру 2789. Недалеки от этого результаты, полученные и при опросе старожилов-шахрисябзцев.

Сравнение всех этих данных с цифрами А. Куна показывает, что последние преувеличены. Факт роста городов после присоединения Средней Азии к России, вследствие развития общественного разделения труда и увеличения естественного прироста населения в связи с прекращением феодальных междоусобиц,—общеизвестен. За несколько десятилетий, прошедших после того, как А. Кун побывал в Шахрисябзе, город, конечно, должен был увеличиться, а между тем все использованные нами более поздние данные свидетельствуют о том, что город никогда за изучаемый период не достигал размеров, указанных А. Куном.

По-видимому, в предреволюционные годы Шахрисябз состоял приблизительно из 3 тыс. домов, а его население, если принять на одно домовладение по 6 человек, достигало 18 тыс. человек.

Китаб, по данным переписи 1926 г., состоял из 1353—1417 домовладений. Его население исчислялось в 6130 человек[133].

По своему этническому составу население Шахрисябза в конце XIX—начале XX в. было сплошь узбекским. Таджики, которых отмечает А. Кун,[134] за период после 1870 г., видимо полностью слились с узбеками, составлявшими большинство горожан, и утратили свой язык. При описании каждого квартала в отдельности ни один информатор не упоминал о таджиках[135].

Между тем и сведения А. Куна, и названия обоих городов—Шахрисябз и Китаб, — и наименования кварталов свидетельствуют о том, что в этногенезе их населения таджики принимали значительное участие.

Как можно видеть по прилагаемому плану г. Шахрисябза, из 52 названий кварталов почти половина—чисто таджикские, нередко не только по происхождению слов (Шутурхона, Телпакдуз, Наматмол и др.), но и по форме. Среди них мы встречаем такие, которые имеют окончание таджикского множест-

---

[132] На такое предположение наталкивает слишком значительная разница между мужчинами (5860 чел.) и женщинами (4824 чел.), указанная в опубликованных материалах переписи по г. Шахрисябзу (стр. 275).

[133] Там же.

[134] А. Кун, указ. соч., стр. 18.

[135] Опубликованные материалы переписи 1926 г., к сожалению, данных о национальном составе городов не содержат.

венного числа (Маддохон, Джугутон), окончание таджикских отымённых прилагательных (Чубин) или отвлеченных существительных (Дегрези); некоторые названия представляют собой синтаксическую конструкцию с изафатом (Сангиохур, Таки-чинар, Джуйи Хайтак, Кули хафтабака).

Чисто узбекских названий всего семь; таких, которые представляют собой таджикское слово с узбекским окончанием, также семь. Происхождение остальных названий кварталов не может быть определено, так как они представляют собой собственные имена или слова арабского корня, употребляемые одинаково в таджикском и узбекском языках.

Много таджикских названий кварталов и в Китабе[136]: из 53 названий, приведенных Куном, узбекских лишь 10, таджикских же не менее 15. Остальные не могут быть с полной уверенностью отнесены к тем или другим, так как они представляют собой собственные имена или же слова, искаженные при передаче.

В настоящее время население этих городов—узбекское, так же как и в подавляющем большинстве кишлаков этого района[137]. Это население сформировалось в результате сложного процесса слияния различных этнических групп, среди которых главное место занимали узбеки.

Авторы, писавшие о Шахрисябзском бекстве, отмечали, что большинство его населения принадлежит к узбекам племени «кенегес»[138].

Старожилы также сообщили, что кенегесы населяли большую часть кварталов Шахрисябза, причем было подчеркнуто, что в квартале Ходжа-Мир-хомид жили старые, «тимуровские» кенегесы.

Кроме кенегесов, были отмечены другие племенные и родовые группы узбеков: мангыт (квартал Кулоллик), сарай (квартал Арпа-бозор), кунграт (квартал Молик-адждар), ачамайли (квартал Кулоллик), кайрасолли (кварталы Молик-адждар и Китоб) и чувит (кварталы Китоб, а также Большой и Малый Чуйтон). Последние три группы, по словам А. Куна и И. Бекчурина, являются подразделениями племени кенегесов.

Среди отмеченных в Шахрисябзе племенных групп обращает на себя внимание группа чувит (у А. Куна—чуют, у И. Бекчурина—чехут), давших свое название двум кварталам города—

---

[136] К сожалению, автору не удалось изучить этнографическим методом кварталы и население г. Китаба, им использованы лишь данные А. Куна.

[137] См. список, приведенный А. Куном (А. К у н, указ. соч., стр. 6—16), а также «Материалы переписи 1926 г., вып. 1, Поселенные итоги, стр. 284—291.

[138] А. К у н, указ. соч., стр. 17—18; И. Б е к ч у р и н, указ. соч., стр. 85.

Большому и Малому Чуйтону[139]. Название кварталов представляет собой таджикское множественное число (Чуйтон—из Чувитон или Чуютон). Эта таджикская грамматическая форма заставляет задуматься над происхождением как самого названия, так и его носителей.

Аналогичная форма свойственна названиям таджикских родоплеменных групп, которые мы находим нередко отложившимися в топонимике. Примером может служить название одного из районов горного Таджикистана—Хутталян (Хуталон), известное по средневековым сочинениям как Хутталь; несколько таких примеров приведено автором настоящих строк в одной из работ[140].

Форма названия кварталов Чуйтон порождена либо былой таджикоязычностью населявшей его этнической группы, либо тем, что эта группа жила в окружении таджикоязычных соседей. И в том, и в другом случаях этот факт служит весьма веским аргументом, подтверждающим, что таджикский элемент в прошлом был силен не только в Китабе, но и в Шахрисябзе. Вместе с тем нужно предположить, что это прошлое было не особенно далеким, так как в противном случае из топонимики города исчезли бы, заменившись узбекскими, многие таджикские названия, особенно те, которые представляют собой обороты с изафатом или слова со специфическими таджикскими морфемами. Это дает возможность предположить, что в убекизации населения Шахрисябза основную роль сыграла та волна узбеков, которая заняла эти районы в XVI в., а может быть и позже.

Необходимо высказать некоторые соображения также о принадлежности жителей Шахрисябза к кенегесам.

Как видно из приведенного выше, узбеки Шахрисябза, составившие основную массу населения этого города, не были однородны. Кроме кенегесов, здесь жили представители других узбекских племен и тюркоязычных народов: джагатай, митан, минг, саят, ачамайлы, кыпчак, киргиз, калмак, могул[141]. Одно это перечисление показывает, что район Шахрисябза нельзя рассматривать как племенную территорию кенегесов. Примечательно, что далеко не все старожилы, участвовавшие в беседах, склонны были относить население Шахрисябза только к

---

[139] А. Кун, указ. соч., стр. 18. См. также «Материалы по районированию Средней Азии», кн. II, Ташкент, 1926, табл. 71 (перечень племенных и родовых названий каракалпаков дельты Аму-Дарьи). Вероятно, то же название следует видеть в одном из приведенных А. Куном, несомненно, в искаженной форме, названий квартала г. Китаба—Шейтан.

[140] О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 24—25.

[141] А. Кун, указ. соч., см. список кишлаков на стр. 6—16.

кенегесам. Однако их попытки точнее выявить состав городского населения вызвали явное неудовольствие другой части участников бесед, настаивавшей на том, чтобы всех шахрисябзцев называть кенегесами.

Заслуживает особого внимания факт выделения среди жителей Шахрисябза группы «старых кенегесов», которые, видимо, чем-то отличались от прочих. Не все подразделения племени кенегес, указанные А. Куном и И. Бекчуриным, являются таковыми. Так, тарахлы, которые были подразделением племени кенегес и у каракалпаков[142], по данным других авторов, например, А. Д. Гребенкина, а также Н. А. Аристова, ссылающегося при этом на В. В. Радлова, являются подразделением племени кытай[143]. Ачамайлы, по Магидовичу и Гребенкину, у каракалпаков относятся не к кенегесам, а к племени кунграт. Эта же связь зафиксирована и в дельте Аму-Дарьи[144], и в Зеравшанской долине[145].

Название чувит—чуют (в каракалпакском произношении—шуйит) упоминается Т. А. Жданко как подразделение племени мангыт[146]. Может быть, оно же в транскрипции «чубот» упомянуто А. Д. Гребенкиным как одно из «отделений» племени туяхлы[147].

Эти примеры показывают, что родоплеменная структура кенегесов в XIX—начале XX в. не была ясной и определенной. Тот или иной род относился в разных районах и у разных родов к различным племенам, что говорит об отсутствии точной, вытекающей из родственных связей, генеалогии. Не менее очевидно, что население Шахрисябза так же, как и окружающих его сельских районов, относимое всеми авторами к кенегесам, в действительности не было связано родоплеменной общностью и не принадлежало в полном составе к племени кенегесов.

По-видимому, причисление себя шахрисябзцами к кенегесам было результатом политического объединения вокруг кенегесов различных этнических и племенных групп. Возможно, это объединение осуществилось в интересах борьбы за независимость, которую, как известно, издавна и с успехом вели шахрисябзцы против бухарских эмиров. Эта борьба требовала

---

[142] Материалы по районированию..., кн. II, табл. 62; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 49.

[143] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, стр. 149; А. Д. Гребенкин, Узбеки, Русский Туркестан, М., 1872, стр. 85.

[144] Материалы по районированию..., кн. II, табл. 9.

[145] А. Д. Гребенкин, указ. соч., стр. 85.

[146] Т. А. Жданко, указ. соч., стр. 49, 51.

[147] А. Д. Гребенкин, указ. соч., стр. 51.

сплочения всего населения вокруг наиболее боеспособной и сильной группы, каковой, очевидно, и были кенегесы.

Кроме узбеков , в составе городского населения были местные евреи[148]. Они населяли особый квартал, находившийся почти в центре города, возле дороги, которая вела к восточным воротам[149]. По сообщениям старожилов, с последней четверти XIX в. они начали также селиться в близлежащем квартале Хауза Мардон, скупая там дома. Так как иноверцам запрещалось селиться в мусульманских кварталах, следует думать, что это делалось с разрешения и под контролем шахрисябзского бека.

Роль города Шахрисябза как политического и экономического центра бекства определила собой классовый и профессиональный состав городского населения.

Здесь находилась бекская резиденция, помещавшаяся в цитадели (кургон); бек и его приближенные составляли правящую верхушку.

Представители служилой знати жили в разных кварталах. Больше всего их было в кварталах, расположенных в центре города, например, в квартале Сангиохур, где находился большой «казенный дом» (пошолик-уй), предназначавшийся для знатных гостей и приезжавших в Шахрисябз должностных лиц.

В северо-западной стороне города, где, по данным М. Е. Массона, находились «кварталы знати и духовенства»[150], информаторами семей знати не отмечено. Эти кварталы в конце XIX—начале XX в. скорее носили ремесленный характер, за исключением квартала Супи-гузар, где жили различные представители духовенства. Некоторые из них занимались, как профессией, чтением молитв и заклинаний над больными. В двух других кварталах этой части города, название которых также указывает на связь их жителей с культом—Ходжа-гузар и Эшон-гузар, — жили, действительно, вперемешку с простым народом (кароча) и ходжи—сословная группа, ведшая свое происхождение от Мухаммада. Однако ходжи этих кварталов не принадлежали к привилегированному сословию и в своей массе занимались ремеслами (в частности, ткачеством) или земледелием, лично возделывая свою землю, находившуюся в пригородных кишлаках.

Много представителей духовенства жило в центральных

---

[148] А. К у н отмечает, что в Шахрисябзе было до 100 домов местных евреев (А. К у н, указ. соч., стр. 19, примечания).

[149] Дореволюционные авторы отмечают также небольшое число индусов и иранцев. Последние были рабами (И. Б е к ч у р и н, указ. соч., стр. 85).

[150] М. Е. М а с с о н и Г. А. П у г а ч е н к о в а, указ. соч., стр. 33, схематический план Шахрисябза.

кварталах города: Култепа, Хазрати шайх, Хазрат имом и др. Ходжи из квартала Хазрати шайх, в отличие от тех, которые обитали в северо-западной части города, жили на нетрудовые доходы и были тесно связаны с культом двух крупных мазаров, находившихся в кварталах Хазрати шайх и Хазрат имом[151]. Сообщение информаторов о захоронении на кладбище, расположенном около мазара Хазрати шайх, покойников из семей ходжей заставляет предполагать, что эта группа ходжей претендовала на происхождение от Шамсиддин-Кулоля, могилой которого считался мазар Хазрати шайх.

Жили в Шахрисябзе и представители высшего духовенства: имевший репутацию ученого аълям Абдукодыр-ходжа и несколько мударрисов, преподававших в шахрисябзских медресе.

Однако в общем духовное сословие было здесь немногочисленным, и в этом отношении Шахрисябз далеко уступал Бухаре.

Торговое значение Шахрисябза способствовало развитию в составе городского населения значительной прослойки торговцев. Здесь были многочисленные мелкие торговцы, которые специализировались на торговле определенными товарами и имели лавки в обширных рядах шахрисябзского рынка. Немало было крупных купцов, которые вели торговлю с другими городами. Среди них был и шахрисябзский бек, державший специально для этого верблюдов, которые помещались на пустыре, в квартале, получившем по этой причине название Шутурхона.

Купцы и различные торговцы, по сообщениям старожилов, жили в различных частях города, но больше всего они группировались в центральных кварталах расположенных поблизости от торговых рядов.

Ремесла в Шахрисябзе были сравнительно развиты, однако компактную группу представляли собой лишь кожевники, населявшие юго-восточную часть города, где располагались три квартала: Большой и Малый Чаримгар и Мешигар. Эти кварталы состояли в общей сложности из полутора сотен домов и носили ярко выраженный промышленный характер. Кожевники, жившие здесь, вырабатывали полошвенную кожу (чарим), черную козловую (кайроки) и белую замшу (меши). Они занимались своим промыслом тут же, в кварталах, а также вне города. Расположение кварталов кожевников этих специальностей весьма типично: производство, сопряженное с неприятными запахами, большой потребностью в воде и свободном месте для просушки кож, вынуждало кожевников всегда се-

---

[151] Об этих мазарах см. раздел IV упомянутой работы М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой.

литься либо около городских ворот, чтобы иметь выход за городские стены, либо около пустырей и болот, если они в городе имелись.

В отличие от чаримгаров кожевники-кемухтгары, вырабатывавшие зеленую кожу (кемухт) из ослиных шкур и по условиям производства не нуждавшиеся в особом просторе, всегда размещались в центральных районах города. В Шахрисябзе они жили в квартале Ёилма.

Кожи, вырабатываемые в Шахрисябзе (а также, вероятно, и в окрестных селениях) вывозились в горные районы (Бойсун, Гузар и др.), а также продавались на рынках самого города.

Тесно связанным с кожевенным промыслом было ремесло сапожников различных специальностей. Этим ремеслом занималась часть жителей всех кварталов, расположенных к северу и к югу от западных ворот, нигде, однако, не составляя компактной группы. Мастера по выделке кожаных калош (каушдуз) жили в квартале Наматмон (Наматмол); мастера, шившие сапожки (ичиги) — в кварталах Ходжа-Мир-хомид, Капкон и др. В квартале Китоб жили сапожники, изготовлявшие из зеленой кожи калоши на высоких тонких каблуках, носимые знатью. По-видимому, эти мастера обслуживали бекский двор.

С кожевниками были, вероятно, связаны шорники и мыловары (квартал Кундузак), использовавшие жир закалываемых или павших животных для производства мыла, а также жившие в кварталах Чуйтон мастера по выделке кожаных сундуков (яхдон) и выплетаемых из кожаных ремешков нагаек (камчин).

Небольшой компактной группой были представлены в Шахрисябзе гончары, давшие название населенному ими кварталу Кулоллик, где находились и их мастерские. Гончары, выделывавшие хорошую поливную посуду, жили и в соседнем квартале Хазрати шайх. В квартале Куллолик жили и имели свои мастерские, располагавшиеся вдоль ведущей к воротам дороги, также кузнецы (темурчи) и точильщики (чахчи), поэтому одна часть квартала носила название Чахчилик.

Литейщики зарегистрированы в двух кварталах: Дегрези, которому они дали название, и Джуйи Хайтак. Шахрисябзские литейщики, видимо, имели древние традиции. Даже во второй половине XIX—начале XX в. они отливали, помимо своей основной продукции — наконечников для омачей,—и более сложные изделия: ступки, чираки и жаровни для углей (манкольдон). Из прочих металлистов в Шахрисябзе жили медники (квартал Хаузи-Мардон) и ювелиры (кварталы Болохауз, Хаузи-Мардон и Кундузак).

В Шахрисябзе были представлены также свечники (шамгар), плотники (дурезгар), каменщики (гилькор), седельщики

(эгарчи), валяльщики кошем (узб.—наматмон, тадж.—намат-мол) и ремесленники, вырабатывавшие пищевые продукты: пекари (нонвой), кондитеры (хальвогар). В квартале Тельпакдуз жили шапочники (тельпакдуз) и шубники (пустиндуз). В городе было несколько маслодавилен (джувоз) — в кварталах Болохауз, Хаузи-Мардон, Кундузак, Ёильма, Капкон. К ремесленникам примыкали мясники (кассоб), которых было особенно много в квартале Кассоблик; жили они также в кварталах Култепа, Хаузи-Мардон, Кундузак и др.

Ткацкие ремесла в Шахрисябзе не получили развития. Выработкой тканей здесь занимались в различных кварталах лишь отдельные семьи. Из них только одна семья (квартал Хазрати шайх) вырабатывала ткани из шелка, большинство же изготовляло алачу и мату (буз); эти ткани производились в кварталах Джуйи Хайтак и Кундузак (5—6 семьями в каждом). Развито было изготовление чалм. Оно зарегистрировано в северо-западном углу города, в трех рядом расположенных кварталах: Ходжа-гузар, Эшон-гузар и Супи-гузар. Но и там этим ремеслом занималось лишь несколько семей.

В дополнение к ткацким ремеслам можно отметить изготовление для продажи бумажной пряжи (калява), чем занималось несколько семей в квартале Ходжа-гузар. В квартале Раис жили набойщики (читгар), в квартале Кули Хафтабака — красильщики в синий цвет (кукчи). Крашением, в отличие от большинства других городов Узбекистана, в Шахрисябзе занимались не евреи, а узбеки.

Положение ткацких и дополнявших их ремесел в Шахрисябзе не идет ни в какое сравнение с их положением в Китабе, где, по сообщению сына крупного китабского мастера-предпринимателя начала XX в. Турсунджон-чулока, работало свыше тысячи ткацких станков (видимо, часть из них была размещена в пригородах или близлежащих селениях) и имелось 28 котлов для размотки коконов. Там было развито производство не только хлопчатобумажных, но и шелковых и в особенности полушелковых тканей с полосатым рисунком, которые вырабатывались для вывоза. Рынком для продукции ткацких ремесел Китаба, а также для вырабатываемого там шелка-сырца служил Шахрисябз, откуда шелк в значительном количестве вывозился, например, в Самарканд. Часть шелка шла и на более отдаленные рынки, в частности в Россию (как известно, шелк-сырец представлял одну из важных статей экспортной торговли Бухарского ханства). В интересах этой торговли в Китабе в начале XX в. представитель торговой фирмы, перс по национальности, выстроил сушилку и морилку для коконов, познакомив таким образом местных мастеров с новыми усовершенствованными способами обработки коконов. Новая техника

имела успех, и в годы первой империалистической войны сушилка была куплена сыном Турсунджон-чулока. Он приобрёл её, несмотря на недовольство отца, который противился этому нововведению, считая, что оно нарушает традиции и противоречит законам шариата.

Видимо, вследствие того, что историческое прошлое обоих городов обусловило специализацию на шелкомотальном и ткацком промыслах ремесленников Китаба, которые полностью обеспечивали спрос на кустарные ткани, в Шахрисябзе, ткачество не вышло из очень примитивного состояния, а размотка коконов, можно сказать, там не производилась вовсе.

Помимо тех категорий населения, которые занимались специфически городскими профессиями, в Шахрисябзе, как и в других среднеазиатских городах, была довольно значительная прослойка «дехкан», многие из которых лично обрабатывали свои земли, находившиеся вне города. Особенно много дехкан было среди жителей квартала Пахоль.

В квартале Мурдашуй жила замкнутая группа людей, профессией которых было обмывание мертвых. Название квартала свидетельствует о том, что данная профессия была здесь традиционной.

Слабое развитие в Шахрисябзе ткацкого промысла, отличавшегося наивысшей товарностью, и небольшой сравнительно вывоз продукции ремесленников других специальностей позволяет сделать вывод, что значение Шахрисябза как одного из крупнейших городов Бухарского ханства было обусловлено его ролью не столько в промышленности, сколько в торговле. Он был важнейшим торговым центром, где осуществлялся обмен между различными экономическими районами, связанными с Шахрисябзом. Именно поэтому он приобрел широкую известность, в то время как Китаб—главный поставщик кустарных промышленных товаров этого района— оставался в тени. Его ткани и шелк распространялись в других городах под названием шахрисябзских; китабские ткачи, в большом числе приходившие на работу в Самарканд и Ургут, именовались там шахрисябзцами. Китаб значительно реже Шахрисябза упоминается в литературе и до сих пор остается весьма слабо изученным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральные районы Средней Азии, в том числе и основная часть территории Узбекской ССР, издавна отличались высокой оседлой культурой и еще в глубокой древности были известны как «страна тысячи городов».

В эпоху феодализма усиливается процесс общественного разделения труда, и на этой основе происходит развитие городской жизни, рост старых городов, появление новых.

Развитие это не было равномерным. Оно протекало в трудных условиях постоянных феодальных войн, многократных нашествий кочевников, междоусобиц, не раз приводивших к разрушениям городов, истреблению или уводу городского населения, к упадку городской жизни.

Очерки по исторической топографии Бухары показывают историю роста одного из крупнейших феодальных городов Средней Азии от начала VIII до конца XVI в., после чего границы города не изменились вплоть до того коренного перелома в его истории, каким была Октябрьская революция.

Мы видели, как слабо была развита городская жизнь в период арабского завоевания, когда город был мал по территории, когда отделение городских занятий от сельских было еще очень слабым и недостаточное развитие обмена тормозило рост города и специализацию его населения на чисто городских профессиях.

Два с половиной столетия, прошедшие от этого времени до даты написания «Истории Бухары», и еще почти два столетия до перевода этого сочинения на таджикский язык и дополнения его новыми фактами были периодом развития феодальной формации, и Бухара этого периода предстает перед нами уже как крупный город с развитой городской экономикой, занимающий территорию, по-видимому, раза в два большую, чем та, на которой он помещался в начале VIII в.

Город начала XVI в. еще сохранял те стены, которые были возведены, вероятно, при восстановлении его после разрушения монголами в XIII в. Небольшие размеры города говорят о значительности того ущерба, который был нанесен городской жизни нашествием степняков-кочевников. Влияние этой катастрофы было изжито лишь к началу XVI в., когда развитие города потребовало возведения новой стены, охватившей, значительно большую территорию. Эта стена, построенная частью в первой половине XVI в., частью—во второй его половине, просуществовала, не перестраиваясь, почти четыре века, определив собой границы города на весь последующий период существования Бухары вплоть до 1920 г.

И в этот почти четырехсотлетний период в судьбе г. Бухары не раз происходили значительные изменения. Город то развивался, то почти запустевал.

Один из тяжелых периодов переживали города Узбекистана в XVIII в. В результате усиления феодальной раздробленности и внутренних неурядиц; усугубленных вторжением Надир-шаха, хозяйство пришло в упадок, города запустели.

Однако к концу XVIII в. разруха была преодолена, в стране установилась относительная централизация власти, стало развиваться хозяйство, увеличились посевные площади, орошались новые земли[152].

Начали развиваться и города. В этот период превратились в значительные городские центры Коканд и Наманган, заселились пустовавшие раньше окраинные кварталы Самарканда. В Бухаре также в связи с увеличением городского населения осваиваегся под городскую застройку восточная часть города, а также его северо-западные окраины, где были размещены переселенные из разных мест воины, вошедшие в состав военнослужилого сословия; на юго-западе были поселены форсы, выходцы из Мерва.

Имеющиеся данные говорят и о значительном росте г. Карши. К концу XVIII в. он вырос за счет пополнения его населения переходившими к оседлости и к городской жизни кочевниками.

В общем облике этого города имелось, однако, своеобразие, отличавшее его от двух других городов, описанных в настоящей книге. Здесь процесс отделения городских занятий от сельских успел развиться значительно в меньшей степени. Чисто городской характер носила лишь старая, центральная часть города, отделенная от остальных его частей долго сохранявшейся стеной и рвом. Ремесленные районы города не утратили еще об-

---

[152] История Узбекской ССР, т. 1, кн. II, Ташкент, 1956, стр. 10—11.

лика пригородных селений. Эти части г. Карши могут рассматриваться как пример еще не вполне сформировавшихся рабадов феодального города.

В конце XIX—начале XX в. они начинают утрачивать сельский характер в связи с быстрым развитием города.

В этот период усиливается значение городов как центров торговли, в них осуществляется обмен продукции между различными районами страны, их хозяйственная специализация, определившаяся природными условиями оазисов и степей, районов орошаемого и богарного земледелия, издревле вызывала необходимость в рынках. Торговое значение среднеазиатских городов определялось также географическим положением страны на древнем торговом пути между Западом и Востоком.

Города Узбекистана были центрами феодальной ремесленной промышленности, которая находилась на относительно высоком уровне, накопила богатые традиции, имела много технических и художественных достижений.

Высокое развитие городского ремесла в Средней Азии, в том числе и в городах Бухарского ханства, было характерно и для периода позднего феодализма.

Продукция ремесленной промышленности не только обеспечивала внутренние потребности, но некоторые изделия (в основном пряжа и ткани, в том числе и набивные) ещё в XIX в. вывозились в различные районы Средней Азии, Афганистана, Сибирь и Россию. По словам П. И. Небольсина, в среднеазиатские, главным образом бухарские ткани «одевается весь угол России от Оренбурга до Средней Азии и Казани»[153].

В городах, в частности в Бухаре, развивались наука, литература, различные виды искусства, концентрировались культурные сокровища, накопленные многими поколениями. Еще в X в. знаменитый ученый Абу Али ибн Сина, пользовавшийся дворцовой библиотекой саманидских правителей, говорил, что в ней было собрано громадное количество редких книг[154]. Бухара была крупнейшим книжным рынком. Согласно автобиографии Ибн Сины, там имелся специальный базар продавцов рукописных книг (варраков),[155] который сохранялся и в конце XIX—начале XX в.[156] В учебных заведениях (медресе), несмотря на их узкоконфессионный характер, развивалась средневековая образованность. Особенно многочисленны были медресе

---

[153] П. И. Небольсин, Очерки торговли России со Средней Азией со стороны Оренбургской линии, ЗРГО, т. X. СПб, 1855, стр. 211 и дальше.

[154] История народов Узбекистана, т. 1, стр. 253.

[155] А. Ю. Якубовский, Ибн Сина, стр. 11.

[156] В. В., Бухарский книжный рынок, Туркестанские Ведомости, 1897, № 61, 62, 64.

в г. Бухаре, где к концу XIX—началу XX в. число их превышало сотню.

Города были также административными центрами государства или его областей; здесь сосредоточивались правительственные учреждения, делопроизводство, отсюда осуществлялось управление страной или отдельными ее районами.

Особенное значение приобрели столицы трех ханств, сложившихся к середине XVIII в. в сравнительно прочные государственные образования.

Развитие Узбекистана в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в. обусловливало рост и развитие городов, делало их важным звеном в жизни страны.

Хотя колониальный путь развития, на который встала Средняя Азия после присоединения к России, и превращение ее в сырьевой придаток метрополии задерживали развитие промышленности, в этот период все же создались более благоприятные, чем до сих пор условия для углубления общественного разделения труда, увеличения товарности хозяйства, развития хозяйственной специализации отдельных районов и на этой почве—значительного роста городов.

Население городов пополнялось различными путями. Вследствие концентрации земли в руках баев в город переселялась некоторая часть обезземеливавшегося сельского населения. Находя в городе работу, бывшие крестьяне овладевали городскими профессиями или прилагали свой труд к разнообразным видам коммунального обслуживания.

Несмотря на конкуренцию фабричных товаров, что вело к упадку некоторых отраслей кустарной промышленности, другие отрасли после присоединения Средней Азии к России переживали оживление, если не расцвет. Число ремесленников ряда специальностей росло, увеличивая собой городское население. Так обстояло дело со всеми видами строительных ремесел, которые получили дальнейшее развитие и широкое применение в новых условиях. Бок о бок со старыми городами отстраивались новые русские города; в старых, где жило местное население, возводились большие пышные дома крупных именитых купцов и менее роскошные, но зато и более многочисленные дома средних и мелких торговцев. В моду вошла богатая отделка домов росписью и резьбой. Широко употреблялись в быту состоятельных кругов горожан и богатых землевладельцев шелковые одежды из орнаментированных кустарных тканей, которые раньше носила только феодальная знать. В народный женский костюм вошли многочисленные ювелирные украшения, возросший спрос на которые привел к росту числа ювелиров не только в городах, но и в крупных селениях.

Расширили свою деятельность ремесла, производившие раз-

личные пищевые изделия, которые потреблялись растущим городским населением все в большем количестве.

Развитие всех этих отраслей ремесла, которыми в значительной степени занимались ремесленники городов и пригородов, было одной из причин роста городского населения в этот период. Особенно большое значение для развития городской жизни имел рост ремесел в городах Бухарского ханства, где фабрично-заводская промышленность не существовала.

В городах русского Туркестана наряду с феодальным цеховым ремеслом зародилась фабрично-заводская промышленность, развивавшаяся несмотря на противодействие царского правительства. Вовлечение в работу на промышленных предприятиях местного населения—как городского, так и пришлого из сельских районов—также было одним из каналов, через которые пополнялось узбекское население городов. Хотя численно эта прослойка в нем была невелика, исторически она имела громадное значение, знаменуя собой начало формирования национального промышленного пролетариата.

Однако главным фактором, вызывавшим рост городов как русского Туркестана, так и Бухарского ханства была не промышленность—ремесленная и фабрично-заводская,—а торговля, которая осуществлялась преимущественно горожанами. Среди них с необыкновенной быстротой росла прослойка торгового люда. Горожане-торговцы распространяли фабричные товары среди широчайших слоев городского и сельского населения, они же снабжали города продуктами питания и сырьем для промышленности. нередко доставляя и то, и другое из отдаленных сельских районов. В занятие торговлей вовлекались и сельские жители, многие из которых, превращаясь в торговцев, переселялись в города.

Количество городского населения в период после присоединения Средней Азии к России увеличивалось также и за счет естественного прироста, процент которого повысился благодаря установлению в крае спокойствия.

Таким образом, несмотря на то, что в условиях колониального режима главный путь развития городов — вовлечение в городскую промышленность сельского населения — был слишком узок и большая часть избыточного сельского населения оставалась в кишлаке, — все указанные выше причины в своей совокупности все же приводили к значительному росту городов и развитию городской жизни.

Особенно быстро изменялось лицо городов Туркестанского генерал-губернаторства. Они начали быстро расти, как по количеству населения, так и по территории. Быстрее и значительнее других городов вырос Ташкент, сделавшийся после присое-

динения Средней Азии к России политическим и торговым центром русского Туркестана. Его население увеличилось с 80 тыс. в 1877 г. до 169 819 человек в 1910 г.[157]. Быстро росли города Ферганской долины, которая превратилась в район развитого хлопководства, где была сосредоточена и большая часть хлопкоочистительных и маслобойных заводов.

К концу XIX в., т. е. к тому времени, когда процесс роста городов уже получил развитие и население городов по сравнению с первой половиной XIX в. успело увеличиться, в Коканде было по переписи 1897 г. 81 с лишним тысяча жителей, а к 1913 г. население возросло до 113 с половиной тысяч[158], количество домохозяйств составило около 13 тысяч[159]. В Андижане в 1897 г. было 47,5 тыс., а в 1910 г. — стало уже свыше 76 тыс. человек[160], которые объединялись в 7 477 хозяйств[161]. Население Маргелана в 1909 г. составляло 12,5 тыс. хозяйств[162] и 46,5 тыс. жителей[163].

Быстрый рост населения наблюдался во всех городах и крупных селениях, что, безусловно, свидетельствовало о хозяйственном подъеме и быстром развитии производительных сил страны. После присоединения Средней Азии к России, когда прекратились междоусобные феодальные войны и набеги кочевников на оседлые оазисы, города русского Туркестана начали довольно быстро терять феодальный облик, внешним выражением которого была городская стена с воротами, запиравшимися на ночь.

Стены городов русского Туркестана, утратив всякое практическое значение, перестали поддерживаться и начали постепенно разрушаться. Таким образом, исчезла одна из причин, затруднявших увеличение территории городов и заставлявших их жителей тесниться на крохотных двориках, наращивать верхние этажи, изыскивая дополнительную площадь для разраставшихся семей. Начали застраиваться земли, отведенные раньше под сады и пашни. Процесс роста городской территории шел не только в таких крупных городах, как Ташкент, но и во многих селениях городского типа[164].

---

[157] И. К. Луговской, Ташкент 50 лет тому назад и теперь, Ташкент, 1914, стр. 51. Первая цифра приблизительна, так как переписи, проводившиеся в первые годы после присоединения, учитывали не население, а домохозяйства, и то недостаточно точно.

[158] В. И. Масальский, указ. соч., стр. 348.

[159] Список населенных мест Ферганской области. Скобелево, 1909, стр. 33.

[160] В. И. Масальский, указ. соч., стр. 33.

[161] Список населенных мест..., стр. 1.

[162] В. И. Масальский, указ. соч., стр. 33.

[163] Список населенных мест..., стр. 69.

[164] См. П. П. Иванов, К вопросу об исторической топографии древнего Сайрама, Сб., «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 151, 160.

Быстрый рост населения городов и крупных кишлаков происходил на всей территории Туркестанского края. Захватил он и города Бухарского ханства. Однако, хотя рост их населения после присоединения Средней Азии к России и происходил, но сильно отставал от роста населения городов Туркестанского генерал-губернаторства. Число жителей столицы Бухарского ханства не достигало и ста тысяч; население второго по значению города — Карши не превышало 20 тыс. Таково же было по численности и население Шахрисябза, представлявшего собой третий по значимости торговый и промышленный город Бухарского ханства.

По составу населения, его профессиональной специализации и формам городского быта эти города оставались типично феодальными. Сравнение их с городами Туркестанского края доказывает, что общественно-политические условия Бухарского ханства, где искусственно консервировались отсталые, архаичные формы жизни и быта, были неблагоприятны для прогресса, одним из выражений которого является развитие городов и городской жизни.

Сохранение феодализма как общественно-экономической формации, надзор эмирских властей и влияние духовенства приводили к тому, что весь облик горожан и уклад их жизни сохраняли застойные, традиционные формы. Поэтому исследование вопроса о городах Бухарского ханства второй половины XIX — начала XX в. — периода, хорошо освещаемого этнографическими источниками, — представляет собой большой научный интерес и способствует более глубокому изучению истории феодального общества на территории Узбекистана.

Приложение III. Карши. Схематический план города.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Раздел первый

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
32	21 сверху	شه ند	شد ند
39	13 сверху	تزديك	نزديك
53	17 снизу	مفه	صفه
57	2 снизу	середине	средние
58	6 сверху	к эмиру Мирзо Улугбеку	к Мирзо Улугбеку
77	7 сверху	узбеков-хорезмийцев	узбеков-хорезмцев
92	5 снизу	(коргоха)	(коргох)
108	2 сверху	которая наиболее характерна	которая была наиболее характерной
132	4 сверху	Сангиохур	Санги охур
133	13 снизу	могул [143]	могул [141]

К заказу 1050

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Раздел первый

Очерки по исторической топографии г. Бухары 13
Очерк первый. К вопросу о Бухаре начала VIII в. . . . 15
Очерк второй. К вопросу о Бухаре X—XII вв 31
Очерк третий. К вопросу о Бухаре начала XVI в. . . 45

Раздел второй

Очерки населения городов Бухарского ханства конца XIX—начала XX вв. 63
Очерк первый. Бухара 65
Очерк второй. Карши 109
Очерк третий. Шахрисябз 128
Заключение 140

Ольга Александровна Сухарева

К истории городов Бухарского ханства

Редактор Издательства *М. Б. Ицковский*
Художник *Н. В. Козолупов*
Технический редактор *А. Т. Шепельков*
Корректор *Л. В. Степанова*

* * *

Р00104. Подписано к печати 22/II—1958 г. Бумага 60×92 1/16 = 5,75 бум. 10,5 печ. л. Изд.л. 11,0. Тираж 650. Цена 9 р. 10 к.

* * *

Типография Издательства АН УзССР.
Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 1050
Адрес Издательства: Куйбышева, 15.